С. И. АРАЛОВ

Воспоминания советского дипломата

С. И. АРАЛОВ
Воспоминания
СОВЕТСКОГО
ДИПЛОМАТА

С. Кравков

С. И. АРАЛОВ

Воспоминания советского дипломата

1922-1923

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Института Международных отношений
МОСКВА 1960

«Считаю необходимым, г-н Премьер-Министр, еще раз подчеркнуть, что в Москве с чувством удовлетворения встречено заявление нового правительства Турции о том, что оно намерено следовать принципам политики основателя Турецкой Республики и борца за независимость Турции Кемаля Ататюрка, с именем которого в нашей памяти связаны дружеские и даже братские отношения между нашими соседними странами. Мы помним слова Ататюрка о том, что советско-турецкая дружба до сих пор несла международному миру только благо и пользу и что эта дружба и в дальнейшем будет благотворной и полезной».

*Из послания Председателя
Совета Министров СССР Н. С. Хрущева
Премьер-Министру Турецкой Республики
Джемалю Гюрселю.*

Предисловие

Книга С. И. Аралова «Воспоминания советского дипломата. 1922—1923» — одно из немногих пока изданий мемуарного характера, посвященных истории внешней политики Советского государства. Выход в свет этой книги представляется весьма своевременным. Изобилующая яркими фактами и личными наблюдениями, она несомненно обогатит читателя — и не только в нашей стране — новыми ценными сведениями о том времени, когда после победы Великой Октябрьской социалистической революции открылась страница дружбы в отношениях между Советской Россией и кемалистской Турцией.

Автор книги Семен Иванович Аралов в годы первой мировой войны находился на русско-германском фронте. В дни Февральской революции 1917 года он принимал активное участие в революционном движении солдат фронта, неоднократно избирался в армейские комитеты, был одним из непосредственных участников разгрома контрреволюционного мятежа генерала Корнилова.

В дни Великой Октябрьской социалистической революции С. И. Аралов был делегатом от армии на II съезде Советов, на котором В. И. Ленин огласил исторический Декрет о мире и сформулировал основные принципы внешней политики первого в истории социалистического государства рабочих и крестьян.

В 1918 году по личному указанию В. И. Ленина С. И. Аралов был назначен руководителем оперативного отдела Народного комиссариата по военным и морским делам и под руководством Ленина вел работу по формированию первых полков и дивизий Красной Армии.

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны С. И. Аралов был членом Реввоенсовета 12-й армии Юго-Западного фронта и членом Реввоенсове-

та республики. После решающих побед Красной Армии в гражданской войне и по окончании боевых действий против панской Польши С. И. Аралов в октябре 1920 года был назначен председателем Правительственной комиссии по заключению перемирия и установлению границы на Украине и принимал деятельное участие в заключении мирного договора с Польшей.

Уже во время этих переговоров выявились дипломатические способности С. И. Аралова. Не в меньшей мере эти способности были проявлены С. И. Араловым на посту полномочного представителя Советского государства в Литве.

Когда встал вопрос о назначении полномочного представителя Советской России в кемалистскую Турцию, где обстановка была исключительно сложной, выбор пал на Семена Ивановича Аралова. По сути дела, если не считать кратковременной миссии тов. Нацаренуса, С. И. Аралов был первым послом Советской страны в молодой Турецкой республике в наиболее сложный и трудный период ее национально-освободительной борьбы против англо-греческих интервентов и внутренней контрреволюции.

На этом посту С. И. Аралов, руководствуясь указаниями и советами, полученными от В. И. Ленина, с достоинством представлял интересы Советского государства и проделал большую и важную работу по укреплению дружеских отношений между советским и турецким народами.

Воспоминания автора охватывают период 1922—1923 годов, насыщенных важнейшими международными событиями.

Автором предметно показано влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие национально-освободительного движения народов Востока, в том числе Турции, которая одной из первых после Октября поднялась на борьбу против империалистических поработителей.

Эту борьбу возглавил талантливый генерал Мустафа Кемаль-паша. Он сумел объединить вокруг себя прогрессивно настроенных офицеров и солдат и, опираясь на национальную буржуазию, положил начало общенародной борьбе против империалистических держав и внутренней реакции, возглавлявшейся султаном.

В книге дается живое описание обстановки в Турции того периода. Большую ценность представляют страницы, рисующие поездку советской миссии в Анкару по охваченной огнем освободительной борьбы Анатолии, беседы С. И. Аралова с деятелями новой Турции, горожанами, крестьянами. Перед читателем раскрывается убедительная картина быстрого роста симпатий турецкого народа к стране Советов, оказывавшей молодой Турции бескорыстную и эффективную помощь в ее трудной борьбе.

Центральными являются в книге те главы, где на ярких фактах и примерах автор рисует портрет Гази Мустафы Кемаля-паши как вождя новой Турции и поборника дружбы с Советской Россией.

Автор приводит большое количество публичных высказываний Мустафы Кемаля, замечаний, сделанных им при встречах с простыми людьми Турции. Мустафа Кемаль-паша предстает перед читателем как государственный деятель, глубоко понимавший историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции для национально-освободительной борьбы народов Востока и считавший советско-турецкую дружбу основой внешней политики новой Турции. Особенно ценны и несомненно послужат полезным материалом для историков эпизоды поездки автора по фронту, его встречи и беседы там с руководителями национально-освободительной борьбы Гази Мустафой Кемалем-пашой, Исмет-пашой, Февзи-пашой, Кязым-пашой, а также с офицерами и генералами турецкой армии.

Большой интерес представляют личные впечатления автора о тех деятелях кемалистской Турции, которые, выказывая внешнюю солидарность с Мустафой Кемалем-пашой, на деле были его заклятыми врагами и фактически служили интересам западных империалистических держав и внутренней феодальной реакции. В частности, раскрытию природы реакционной оппозиции Кемалю-паше служат записи бесед С. И. Аралова с турецким премьером Реуф-беем и др.

Рассказывая о создании Турецкой республики и прогрессивных преобразованиях в стране, свидетелем которых он был, С. И. Аралов раскрывает в своей книге двойственность, которая была присуща пришедшей к власти турецкой национальной буржуазии. Нацио-

нальная буржуазия встала во главе борьбы турецкого народа против иностранных империалистов и внутренней контрреволюции, за национальную независимость, за развитие производительных сил страны и укрепление ее экономической самостоятельности. И в то же время, по мере укрепления внешнего и внутреннего положения Турции, национальная буржуазия, добиваясь все больших привилегий для себя, полностью игнорировала насущные интересы рабочих и крестьян, при помощи которых она разгромила иностранных интервентов и освободилась от пут феодально-султанского режима.

В разделе книги, посвященном подготовке и проведению Лозаннской конференции, где одним из важнейших был вопрос о проливах, автором подробно разбирается позиция турецкой делегации, которая, опираясь на поддержку Советской России, участвовавшей в переговорах по этому вопросу, добивалась благоприятных для Турции условий. Вместе с тем раскрываются, отчасти на материале бесед С. И. Аралова с турецкими деятелями, замыслы воинствующего британского империализма, оруженосцем которого выступал в Лозанне лорд Керзон: взорвать советско-турецкий договор о дружбе от 16 марта 1921 г., изолировать от Советской России новую Турцию с тем, чтобы легче вернуть ее в подчинение западным державам. Вспоминая картину Лозаннской конференции, автор показывает, что, несмотря на разыгравшуюся там англо-французскую дуэль, вызванную противоречиями между этими державами, они, как и Италия и США, руководствовались одним общим стремлением — разрушить дружбу между Турцией и Советской Россией, ставшую серьезной помехой в осуществлении захватнических планов империализма, в особенности на Востоке.

Автором отмечается и тот несомненный факт, что уступчивость турецкого правительства империалистическим домогательствам Керзона и боязнь показать близость к Советской России привели к изоляции Турции на конференции и значительно уменьшили ее успехи, несмотря на то, что кемалистская Турция пришла в Лозанну после блистательной победы, одержанной ею над англо-греческими интервентами.

В книге читатель с интересом ознакомится с реформами в быту, проведенными Мустафой Кемалем-пашой.

Эти страницы воспоминаний С. И. Аралова богаты запоминающимися эпизодами и наблюдениями.

После смерти Гази Мустафы Кемаля-паши, которому народ присвоил имя Ататюрк (отец турок), реакционные силы страны при содействии империалистов США и других западных держав повели борьбу против проведенных прогрессивных реформ и повернули страну на путь реакции как в вопросах внутренней, так и внешней политики. Нарушились дружеские отношения с СССР. Независимость Турции, завоеванная народом под руководством Гази Мустафы Кемаля-паши, была потеряна и растоптана.

Отдавшись во власть агрессивных империалистических сил и под давлением последних, реакционные правители Турции, которых народ справедливо прозвал «людьми Вашингтона», превратили страну в плацдарм для американского ракетного оружия, а турецких солдат — в пушечное мясо для замышляемой империалистами США агрессии против Советского Союза и других социалистических стран.

Изменив заветам Мустафы Кемаля Ататюрка, ныне свергнутые реакционные и продажные правители Турции Джеляль Баяр, Аднан Мендерес, Рюштю Зорлу, Хасан Палаткан и др. вели в течение ряда лет политику, нанесшую огромный ущерб турецкому народу.

Поэтому-то народ поддержал совершенный в мае 1960 года военный переворот, в результате которого было свергнуто обанкротившееся правительство Мендереса и власть перешла в руки Комитета национального единства, возглавляемого генералом Джемалем Гюрселем. Как известно, после переворота Джемаль Гюрсель заявил, что возглавляемое им новое правительство намерено вернуться к традиционной политике Кемаля Ататюрка.

Знаменательно, что в описываемые С. И. Араловым годы национально-освободительной борьбы турецкого народа Джемаль Гюрсель принадлежал к числу офицеров-патриотов, которые полностью поддерживали Мустафу Кемаля-пашу.

Советское правительство в заявлении об официальном признании правительства Турции, возглавляемого генералом Джемалем Гюрселем, выразило надежду, что новое правительство Турции проявит необходимые усилия для улучшения отношений с Советским Союзом.

Председатель Совета Министров Союза ССР Н. С. Хрущев в послании Премьер-Министру Турецкой республики Джемалю Гюрселю от 28 июня 1960 г. писал:

«Считаю необходимым, г-н Премьер-Министр, еще раз подчеркнуть, что в Москве с чувством удовлетворения встречено заявление нового правительства Турции о том, что оно намерено следовать принципам политики основателя Турецкой Республики и борца за независимость Турции Кемаля Ататюрка, с именем которого в нашей памяти связаны дружеские и даже братские отношения между нашими соседними странами. Мы помним слова Ататюрка о том, что советско-турецкая дружба до сих пор несла международному миру только благо и пользу и что эта дружба и в дальнейшем будет благотворной и полезной.

Если следование политике Ататюрка со стороны нового турецкого правительства будет претворяться на деле,— писал Н. С. Хрущев,— все мы увидим советско-турецкие отношения возвращенными на тот высокий уровень подлинного добрососедства и настоящей дружбы, на котором они находились во времена великого основателя Советского государства и друга восточных народов В. И. Ленина и вождя новой Турции Ататюрка» [1].

Жизненные интересы турецкого и советского народов, интересы сохранения и упрочения мира во всем мире диктуют настоятельную необходимость восстановления и развития подлинно дружественных отношений между СССР и Турцией, начало которым было положено В. И. Лениным и Кемалем Ататюрком, о чем и рассказывается в книге С. И. Аралова.

Д. Юдицкий.

---

[1] «Известия», 1 сентября 1960 г.

Мое назначение в Турцию

В начале ноября 1921 года я был вызван в Москву из Ковно (Каунас), где работал полномочным представителем РСФСР в Литве. В буржуазной Литве я по существу проходил начальный стаж советского дипломата — совершенно новой, незнакомой для меня деятельности: первые годы после Октября я провел на военной работе, на фронтах гражданской войны. Никогда я не предполагал, что буду представлять свою великую Родину в другой стране, и притом еще сразу послом...

Я приехал в Москву. Народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин предложил мне ехать полномочным представителем в Турцию.

— Поручение серьезное, большая ответственность...— мелькало у меня в голове.— Справлюсь ли я?..

Турция... Недавно великая держава, владевшая Малой Азией, Балканами, Египтом... Правда, теперь низведенная до положения второстепенной, но все еще играющая большую роль в мировой дипломатии. В руках Турции Дарданеллы, Босфор — морской ключ к Черному морю. В Турции столкнулись интересы империалистов... Через Турцию великие державы прокладывали пути на восток — в Персию, Индию, Сирию, Ирак... Острый армянский вопрос... Курдский вопрос... Вопросы панисламизма, пантюркизма...[1] Наконец, там идет война — новая Турция во главе с Мустафой Кемалем-пашой сра-

---

[1] Панисламизм — реакционное религиозно-политическое течение, ставящее целью объединить все мусульманские народы под властью халифа, то есть главы ислама, в целях сохранения господства помещиков, мулл и т. п.

Пантюркизм — возникшее в Турции в начале XX века реакционное буржуазно-националистическое течение, ставившее целью объединение под властью турецких помещиков и буржуазии всех тюркских народностей.

жается с империалистами и их ставленником — Грецией, борется с правительством султана, находящимся в Константинополе под охраной войск Антанты...

Сомнения обуревали меня, и я изложил их Г. В. Чичерину. Он посмотрел на меня поверх очков и, дослушав до конца мою довольно бессвязную речь, заговорил сам.

Беседа с Г. В. Чичериным

— Вы подумали,— начал Г. В. Чичерин,— о том, кто строит государство рабочих и крестьян? Строят рабочие, крестьяне, демократическая, прогрессивная интеллигенция. Мы, что же, природные дипломаты, учились ими быть? Вы ведь не были командующим фронтом в царской армии, а однако же руководили войсками в гражданской войне. Партия большевиков нас всегда поддержит, если мы правильно действуем на международном фронте. Почему наш выбор пал на вас? По двум причинам. Во-первых, вы военный человек, а в Турции идет гражданская война. Во-вторых, я следил за вашей работой в Литве и оцениваю вашу деятельность там положительно.

Такая лестная оценка обрадовала и взволновала меня; я молчал, не в силах выговорить ни слова.

Г. В. Чичерин снял очки, откинулся на спинку стула и продолжал:

— Дипломату надо быть культурным. Культура заключается не в том, чтобы за обедом не резать ножом рыбу, как некоторые думают... Внешние навыки быстро усваиваются. Подлинная культура заключается в богатстве приобретенных и освоенных знаний, в овладении культурным наследством прошлого, в умении им разумно и критически пользоваться, в правильном понимании обстановки...

Возьмите хотя бы своих товарищей по фронту — среди них найдутся такие, которых можно свободно рекомендовать для дипломатической работы... На днях командир нашей дивизии, рабочий-шахтер Жлоба — вы должны его знать по фронтовой борьбе — показал себя понимающим дипломатом: он сумел убедить турецкого генерала Кязым Кара Бекира, захватившего в нарушение нашего договора Батум, освободить этот город.

Георгий Васильевич дал мне в этой беседе ряд ценных практических советов. Он говорил:

— Вам необходимо быть подготовленным по вопросам европейской политики XIX века, изучить причины возникновения империалистической войны. В этом отношении сильно помогут работы В. И. Ленина. Детально проштудируйте Версальский, Севрский и другие договоры, Мудросское перемирие с Турцией. Надо знать основное о таких дипломатах XIX века, как Талейран, Меттерних, Бисмарк. Изучите деятельность русских дипломатов. В отношении Турции — вы обязаны знать ее историю, договоры с ней царской России. Ознакомьтесь с политикой Англии, Соединенных Штатов Америки, Германии, Франции и других капиталистических стран в отношении Турции. Будьте в курсе связанных с Турцией экономических вопросов. Это — основа основ.

— Советский дипломат,— сказал в заключение Чичерин,— должен держать себя с большим достоинством, всегда чувствовать за собой великое государство рабочих и крестьян и вместе с тем не заноситься, быть корректным. Он должен держаться свободно и уверенно при различных каверзных положениях, знать возможно лучше приемы и уловки своих противников. Добивайтесь прежде всего раскрытия правды, будьте всегда точны в постановке того или иного политического вопроса. Если трудно самому ответить на вопрос, поставленный вам, отложите ответ, сказав, что вы сообщите его дополнительно, или запросите свое правительство. Либо же прямо скажите, что не знакомы с этим вопросом. Правдивость всегда вызывает уважение.

Г. В. Чичерин отчетливо и ярко обрисовал в нашей беседе борьбу новой Турции за независимость и выдающуюся роль Мустафы Кемаля-паши в этой освободительной борьбе.

Через 38 лет невозможно дословно передать наш разговор, но смысл его и некоторые примеры мне запомнились. Эта беседа была по существу уроком по дипломатии, и я был очень благодарен Георгию Васильевичу. В нынешнее время все это, может быть, покажется читателю примитивным, но на заре советской дипломатии беседа дала мне много нового. Сам Г. В. Чичерин был всесторонне культурным человеком и искусным дипломатом, которому В. И. Ленин поручил руководство Наркоматом иностранных дел.

Владимир Ильич Ленин высоко ценил Г. В. Чичерина.

— Чичерин — работник великолепный, добросовестнейший, умный, знающий. Таких людей надо ценить, — подчеркивал Ленин [2].

Я дал согласие ехать в Турцию. Чичерин встал, поправил свой теплый шарф на шее.

— Вот и отлично. Готовьтесь. Внимательно изучайте все современные документы. Недели две дадим вам на подготовку.

Все еще снедаемый сомнениями, но радуясь доверию, оказанному мне правительством, я вышел из наркомата.

Было уже далеко за полночь. Московские улицы, слабо освещенные, были тихи. Шел снег. Хорошо дышалось на легком морозце. Я шагал, раздумывая о беседе с Г. В. Чичериным, о нем самом.

Мысли о В. И. Ленине

Но, мысленно готовясь к предстоящей работе, больше всего я думал о Ленине. Меня, как и всех, кому посчастливилось с ним встречаться, поражали в нем сочетание величия гения и исключительной простоты, его неукротимая энергия, непоколебимая убежденность в победе коммунизма, прозорливость, исключительная принципиальность.

Перед моим мысленным взором встал Ленин на IV съезде Советов... Владимир Ильич говорит с трибуны о Брестском мире.

— Хищник напал на нас, безоружных, заставил подписать унизительный мир... Отбросим уныние... Тильзитский мир, — напомнил Ленин, — величайшее унижение Германии Наполеоном, но Германия оправилась.

На всю жизнь врезались в память замечательные ленинские слова о том, что ребячески наивна мысль, будто тягчайший мир есть бездна гибели, а война — путь доблести и спасения. Мир нередко играл роль передышки и собирания сил. Буржуазия теперь кричит о революционной войне. Но ей нужно, чтобы мы сделали фальшивый ход. Меньшевики, эсеры, пошли на эту удочку.

Добиться мира — таков был ленинский девиз. Сколько раз он предлагал империалистам мир во время гражданской войны! Наверное, более десятка раз...

---

[2] См. «Ленинский сборник XXXVI», Госполитиздат, 1959, стр. 54.

Владимир Ильич говорит об угнетенных народах, и голос его крепнет, рука поднимается, глаза блестят.

Больше миллиарда угнетенных в колониях и полуколониях, империалисты их грабят. Это Турция, Персия, Китай. Октябрь придет и к ним. Они освободятся.

В моих ушах отчетливо звучат слова Ленина о нашей растущей силе.

...Мы, говорил он, слабая, разоренная империлистами Россия, сбросили насильников, шли против союза богатых и оказались победителями. Почему? — Ленин приостановился и посмотрел вопросительно на слушающих... Тишина необычайная... Я как бы снова слышу эту тишину.— Единство трудящихся Советской России, Красная Армия победили! У врагов не было единства — раздирали их грабительские свары. Франция требовала от нас долги. Англия мечтала о дележе России, захвате Баку.

Стараюсь вспомнить, что говорил Владимир Ильич о нашей советской дипломатии. Ленин высоко ценил работу Наркомата иностранных дел.

Он всегда подчеркивал, что наша дипломатия является важнейшим фактором борьбы за мир во всем мире, прогресс, свободу и подлинную демократию.

И многое другое вспоминалось мне о Ленине в этот снежный московский вечер...

Начало дружеских отношений между Турцией и Советской Россией

Две-три недели прошли в тщательном изучении положения Турции и сложившейся вокруг нее международной обстановки.

Непосредственные взаимоотношения между РСФСР и новой, революционной Турцией (или кемалистской Турцией, как называли тогда страну по имени ее вождя Мустафы Кемаля-паши) начали складываться еще в первой половине 1920 года, то есть тогда, когда в России была в разгаре гражданская война. Красная Армия добивала Деникина, но Антанта уже готовила нападение на нас панской Польши, организовывалась белая армия Врангеля. Советская Россия находилась в трудном положении. В апреле 1920 года Великое Национальное Собрание Турции (ВНСТ) по предложению Мустафы Кемаля-паши, понимавшего национальные интересы своей родины, направило в Совет Народных Комиссаров РСФСР письмо, в котором высказывалась надеж-

да, что Советская Россия поможет революционной Турции в ее борьбе с империалистами. Непосредственной связи между Москвой и Анатолией тогда не было, и это письмо было получено только 1 июня 1920 г. Тотчас же Г. В. Чичериным по поручению В. И. Ленина был дан ответ Мустафе Кемалю-паше, в котором говорилось, что правительство РСФСР принимает с удовлетворением декларацию Великого Национального Собрания Турции и предлагает немедленно установить дипломатические и консульские отношения.

К концу 1920 года относится замечательный факт помощи, оказанной В. И. Лениным молодой Турции, Передаю его со слов Г. В. Чичерина. Три турецких военных корабля не пожелали перейти на сторону султанского правительства и были захвачены в Синопе англичанами и обезоружены. Патриотически настроенная команда в количестве 150 человек во главе с офицерами сумела вырваться из цепких лап англичан. Кемаль-паша обратился за помощью к Советскому правительству. В. И. Ленин дал указание Чичерину немедленно снестись с командованием Красного Флота и во что бы то ни стало приютить турецкие корабли, взять их на довольствие, вооружить и передать законному новому турецкому правительству Мустафы Кемаля-паши.

Г. В. Чичерин вызвал по прямому проводу начальника обороны Черноморско-Азовского побережья А. А. Кондратьева и передал ему распоряжение В. И. Ленина принять под охрану отряд турецких кораблей: «Эддин Реис», «Превеза» и военный транспорт «Шахинн».

Южнее Геленджика турецкие корабли были приняты и благополучно доставлены в Новороссийск под защиту нашей береговой обороны. Корабли были нами вооружены. Мустафа Кемаль-паша, узнав, что корабли находятся в порту Советской России, прислал благодарственную телеграмму Советскому правительству и местным морским властям. Корабли были возвращены молодой Турции в начале 1921 года.

Были и более ранние попытки установить связь между кемалистской Турцией и Страной Советов. Известный турецкий журналист Юнус Нади — издатель газеты «Ени-Гюнь», говорил мне впоследствии, уже в бытность мою в Турции, что еще летом 1919 года он

пытался пробраться в Москву, чтобы установить связь с Советским правительством и рассказать, что делается в Турции.

Юнус Нади отметил в беседе, что приверженцы турецкого национального движения с самого его зарождения понимали, что искренним и бескорыстным другом новой Турции является Советская Россия.

РСФСР — искренний и бескорыстный друг новой Турции

— Мы,— говорил турецкий журналист,— слышали, что молодое Советское правительство помогает национальному движению на Востоке. Опубликованные Советским правительством тайные договоры царизма о разделе Турции открыли нам империалистические замыслы царской России, Франции, Англии и Италии против турецкого народа.

— Для нас,— продолжал Юнус Нади,— было, конечно, ясно, что кровь, жизнь, богатства страны продали иттихадисты (младотурки) [3] германскому империализму, а тогдашние правители во главе с султаном отдали Турцию во власть англичан, французов, итальянцев и греков. Чичерин верно сказал, что спасение страны — в наших руках, в нас самих. Он предлагал объединить силы Турции и России для борьбы с империализмом. Обращение Советского правительства к нашему народу растрогало нас и воодушевило. Зато оно привело в ярость наших реакционеров. Мы понимали, что турецким национальным деятелям необходимо установить дружественные отношения с Советской Россией, с большевиками.

Юнус Нади-бей рассказывал также о том, как за-

[3] «Иттихад ве терраки» — «Единение и Прогресс», партия, известная больше под названием «младотурок». Иттихадисты — члены политической буржуазной партии, возглавившей турецкую революцию 1908 года и обещавшей демократические реформы: землю крестьянству, освобождение от тяжелого налога «ашар», отнимавшего у крестьян 40% урожая. С первых дней своей власти младотурки обманули народ: сохранили власть султана, крестьянам землю не отдали, рабочие организации — профсоюзы, социалистическая партия — были разгромлены, национальные меньшинства преследовались. В 1913 году глава партии Энвер-паша совершил военный переворот и встал во главе триумвирата (Энвер, Талаат, Джемаль). Турция была втянута иттихадистами в мировую войну на стороне германской коалиции. После поражения Германии партийные лидеры иттихадистов бежали из Турции. Иттихадисты вели борьбу против Мустафы Кемаля-паши, возглавлявшего освободительное движение турецкого народа.

падные державы вели в те годы в Турции враждебную Советской России пропаганду, стараясь запугать турецких национальных деятелей «угрозой большевизма».

— Но это запугивание нас не страшило и не страшит,— продолжал Юнус Нади. — После окончания первой мировой войны мы, турки, были положены Антантой на обе лопатки. Революция в России и нападение на нас держав Антанты открыли нам глаза на роль империализма в грабежах, разбоях, угнетении восточных народов. Когда вы били деникинские войска и их союзников, мы восхищались и радовались вашим успехам. Мы были в восторге, когда вы выбросили белых из Одессы. Не раз руководители национальной освободительной борьбы обсуждали вопрос о том, как найти возможность поехать в большевистскую Россию и узнать, нельзя ли получить от нее помощь для освободительной борьбы турецкого народа против империалистов. Мустафа Кемаль-паша был твердо уверен, что договоренность с большевистской Россией поможет спасти независимость Турции.

Юнус Нади отмечал также, что вооруженная борьба Анатолийской Турции имела много общего с тем, что происходило в годы гражданской войны в Стране Советов.

Я так подробно привожу здесь слова Юнуса Нади потому, что они дают представление о том, какое громадное впечатление произвело на прогрессивные общественные слои Турции обращение Советского правительства к народам Востока. Это была национальная политика В. И. Ленина в действии.

Антанта, Турция и Советская Россия

Подробное изучение материалов и документов дало мне возможность постепенно составить для себя более полную картину той военной и дипломатической борьбы, которую вели империалисты Антанты против Советской России и молодой кемалистской Турции, против завязывающихся между ними дружественных отношений.

Если во время первой мировой войны кайзеровская Германия превратила Турцию в своего военного вассала, то после войны, в результате Мудросского переми-

рия[4] и Севрского договора[5], государства Антанты обрекли Турцию на расчленение и полное политическое и экономическое подчинение империалистическим великим державам.

Но несмотря на предательство султанского правительства, на захват ряда турецких территорий Францией, Италией, Англией, Грецией, на поднятые силами приверженцев султана реакционные восстания в ряде областей, турецкий народ, обескровленный четырехлетней войной, поднялся на защиту своей независимости, против интервентов и собственных угнетателей — феодалов. Феодалы, как выразился однажды Мустафа Кемаль-паша, прибегали к дьявольским мероприятиям, чтобы обмануть нацию и поколебать единство молодой Турции. Они же, выполняя волю империалистов Запада, чинили препятствия к установлению дружественных отношений между Турцией и Советской Россией.

Хотя между Англией и Францией были серьезные экономические, территориальные и другие разногласия и противоречащие друг другу интересы в Турции,— по отношению к Советской России они проводили общую враждебную политику. Англия стремилась создать единый реакционный фронт против Советской России в Малой и Средней Азии (Персия, Афганистан, Бухара, Турция). Немалую подрывную работу против советско-ту-

---

[4] Мудросское перемирие было заключено 30 октября 1918 г. между Турцией и Антантой на борту английского броненосца «Агамемнон» в порту Мудрос (остров Лемнос). По условиям перемирия Турция полностью демобилизовывала армию, сдавала военные суда Антанте, эвакуировала Киликию, закавказские территории. Союзники оккупировали Дарданеллы, Босфор и другие части территории Турции. Антанта устанавливала контроль над портами, связью, железными дорогами Турции.

[5] Севрский договор был подписан странами Антанты, Арменией, Бельгией, Грецией, Польшей, Португалией, Румынией, Югославией, Чехословакией, с одной стороны, и Турцией — с другой. Договор был заключен в г. Севре 10 августа 1920 г. По договору территория Турции сокращалась на ¾. Султан сохранял свою столицу в Константинополе (Стамбуле). Судоходство в проливах объявлялось открытым в мирное и военное время для всех судов, в том числе военных, без различия флага. Режим капитуляций оставался неприкосновенным. Военные силы Турции ограничивались 50 тыс. солдат. Турция обязалась передать Греции свои права на район Смирны. Целый ряд турецких территорий должен был быть передан под протекторат Франции, Англии, Италии. Севрский договор по существу упразднял независимость Турции.

рецкого сближения Англия вела через своих агентов — панисламистов и пантюркистов в Турции и в других восточных странах.

Роль Энвер-паши в борьбе против советско-турецкой дружбы

В связи с этим стоит вспомнить роль Энвер-паши — главаря бывшей партии иттихадистов. Он носился с планом оставить англичанам в Аравии песчаную пустыню и создать в Туркестане среднеазиатскую империю по типу империи Чингиз-хана. Для этого Энвер-паша намеревался организовать «армию ислама». В целях маскировки он пытался, правда безуспешно, прикидываться «сторонником коммунизма». На первом съезде народов Востока в Баку, состоявшемся в первых числах сентября 1920 года, по его просьбе была оглашена написанная им «декларация», в которой он старался оправдать участие Турции в войне на стороне Германии, якобы согласившейся подарить Турции, по крайней мере жизнь, в противовес Англии, Франции и царской России, которые стремились Турцию совсем поработить и уничтожить. Энвер-паша клялся, что он является другом Советской России.

Вольно или невольно этот матерый авантюрист высказал в своей «декларации» правду о том, что Турция вынуждена бороться с империализмом и что народы Востока с надеждой смотрят на Советскую Россию. Однако на самом деле Энвер-паша, как рассказывали делегаты съезда в Баку, организовал с помощью бичераховских[6] казаков и царских генералов контрреволюционное восстание в Дагестане для подавления Советской власти. Друзья Энвера — младотурки Изет-паша и Нури-паша — пробрались в Дагестан, чтобы действовать против трудящихся Тамани, арестовывали большевиков, сжигали аулы и селения. Но горская крестьянская беднота отбила атаки бичераховцев и турецких контрреволюционеров, освободила города Дагестана и соединилась с Красной Армией.

---

[6] Л. Бичерахов — главарь белоэсеровского казацкого отряда, находившегося на службе у англичан. Бичерахов участвовал в оккупации англичанами Баку в июле 1918 года; по приказу Деникина занял Петровск и образовал контрреволюционное правительство Терской и Закаспийской областей. Войска Бичерахова под ударами горских крестьян разложились и были разбиты Красной Армией. Бичерахов бежал в Англию.

Реакционные силы султанского правительства, Германии, а потом Англии и Франции еще в период 1918—1921 годов провоцировали пограничные инциденты в Грузии, Армении, Азербайджане. Затем последовал захват Батума, Баку, Армении.

Султанское правительство и державы Антанты стремятся изолировать новую Турцию от Советской России

Империалисты Англии и Франции считали крайне важным держать в своих руках Крым и Закавказье, чтобы исключить прямую связь между новой Турцией и Советской Россией. В Крыму этой цели служил Врангель, в Закавказье — грузинские меньшевики, армянские дашнаки, азербайджанские мусаватисты. Захват греками Фракии, Адрианополя, Антантой — Константинополя также закрывал путь для общения Советской России с Турцией.

Ленин еще в июне 1918 года отмечал, что закавказские меньшевики заключили союз с турецким империализмом[7]. А месяцем позже меньшевики перекинулись на сторону английских империалистов: 25 июля 1918 г. на заседании Бакинского Совета большинством в 259 голосов правых эсеров, дашнаков и меньшевиков против 236 голосов большевиков и левых эсеров была принята резолюция о приглашении англичан в Баку. Степан Шаумян заявил, что считает принятое постановление позорной изменой в отношении рабочих и крестьян.

В. И. Ленин о предательских действиях меньшевиков в Закавказье

Сталин телеграфировал Ленину 26 октября 1920 г. из Владикавказа: «...Вандервельд ездил в Грузию не даром. Грузия собирается сдать Батум Антанте и быть может открыть дорогу Врангелю для отступления, а также для наступления в сторону Баку...»

29 октября Ленин ответил Сталину: «Считаю несомненным, что Грузия отдаст Батум Антанте, вероятно, тайно и что Антанта пойдет на Баку. Обдумайте и приготовьте спешно меры укрепления...»[8].

Характеризуя в своих воспоминаниях изменнические действия грузинских меньшевиков, Ф. Махарадзе писал, что меньшевики Грузии стремились поссорить кемалист-

---

[7] См. В. И. Ленин, Речь на митинге в Сокольническом клубе 21 июня 1918 г., Соч., т. 27, стр. 413.

[8] В. И. Ленин, Военная переписка (1917—1920), Воениздат, 1956, стр. 257.

скую Турцию с Советской Россией и хотели передать Турции Ардаганский, Артвинский и Батумский округа вместе с г. Батумом [9].

По существу это был контрреволюционный фронт против Советской страны. Но в этом объединенном фронте были трещины — шла закулисная борьба за политическое влияние, за экономические позиции, за захват богатств Закавказья. С помощью буржуазных националистов и меньшевиков Англия, Франция, США стремились овладеть бакинской нефтью, присвоить чиатурский марганец и другие природные богатства Закавказья.

Западные империалисты в Закавказье

С конца 1918 до середины 1919 года Англия держала в Закавказье свои войска, сменившие турецко-германские войска после их разгрома. В Батуме оккупация продолжалась даже до середины 1920 года. Франция также претендовала на свое влияние в Батумском районе. Французский адмирал Дюмениль предлагал грузинским меньшевикам активную помощь французского флота. Итальянские военные суда заходили в Батумский порт, вынюхивая, нельзя ли чем поживиться. Французские миноносцы нападали на русские суда в Черном море.

В Закавказье развивалось соперничество между Англией и Соединенными Штатами. Так, в 1919 году руководитель американской миссии на Ближнем Востоке Харбед предложил своему правительству добиваться мандата не только на Армению, но и на все Закавказье.

Со своей стороны, английские империалисты старались ослабить влияние США и других своих союзников в этих районах. Англии удалось добиться расторжения сделки американской компании «Стандард ойл» с азербайджанскими нефтяными промышленниками на закупку керосина. Франции Англия помешала закупить нефть для французского флота. Наши друзья англичане, сетовали французские газеты, контролируя нефтепровод, вагоны, цистерны, не позволяют вывезти нефть без их согласия, а согласия не дают. Зато сами англичане не теряли времени даром. Достаточно указать, что полмил-

---

[9] См. Ф. И. Махарадзе, Советы и борьба за Советскую власть в Грузии, 1917—1921, Тифлис, 1928, стр. 260—261.

лиона тонн нефти и около этого количества марганца было присвоено и увезено британскими джентльменами. Не брезгали они табаком и другими товарами и в довершение всего начисто ограбили Бакинское отделение Государственного банка.

Правители империалистических государств обращались с меньшевистскими закавказскими республиками как со своими колониями. Они прямо требовали от них помощи белогвардейским генералам, воевавшим против Советской России.

2 января 1920 г. Г. В. Чичерин от имени Советского правительства предложил мусаватистскому правительству Азербайджана и меньшевистскому правительству Грузии заключить военный союз с РСФСР против Деникина. Растерявшиеся от такого предложения, меньшевики и мусаватисты обратились к империалистам Антанты с запросом — как быть? 12 января 1920 г. верховный совет Антанты по предложению Керзона в спешном порядке единогласно признал де-факто правительства Грузии и Азербайджана, а решение о судьбе Армении отложил до обсуждения турецкой проблемы. Это «признание» было сделано для того, чтобы оторвать закавказские республики от России и получить юридическое право открыто вмешиваться в их внутренние дела.

19 января 1920 г. в Париже при участии Черчилля, Вильсона, меньшевиков Церетели, Чхеидзе и от мусаватистского Азербайджана — Тобчибашева и Магерамова было решено помочь Закавказью оружием, боеприпасами, продовольствием. Правительствам Грузии, Армении и Азербайджана было предложено официально объявить нейтралитет в войне между Советской Россией и Деникиным, а под сурдинку помогать царским генералам захватить Дагестан и Северный Кавказ. Меньшевики Грузии выполнили требование империалистов: когда Деникин был разбит Красной Армией, они укрыли у себя остатки разгромленных деникинских дивизий и помогли им перебраться в Крым, к Врангелю.

Ной Жордания[10] в так называемом «учредительном собрании» Грузии открыто и нагло провозгласил позицию меньшевиков, заявив, что предпочтет империалистов Запада фанатикам Востока.

---

[10] Один из лидеров грузинских меньшевиков.

Не лучше вели себя азербайджанские мусаватисты. В январе 1920 года на заседании Политбюро ЦК РКП(б) при обсуждении доклада Г. В. Чичерина о результатах обмена нотами с мусаватистским правительством была принята резолюция, предложенная В. И. Лениным:

«Поручить НКИдел вести политику величайшей сдержанности и недоверия по отношению к Азербайджанскому правительству ввиду того, что оно отказало нам в предложении совместных военных действий против Деникина и оказывает услуги военным силам Англии, действующим против нас на Каспийском море. С полной определенностью подчеркивая наше неуклонное признание [права] трудящихся масс каждой нации на самоопределение, НКИдел должен решительно протестовать против такого поведения Азербайджанского правительства»[11].

Противодействие империалистам оказывали в Закавказье только коммунисты, организовавшие рабочих и крестьян на борьбу за власть Советов. Но им приходилось работать в подполье. Был организован подпольный закавказский крайком (Ф. Махарадзе, А. Микоян, М. Орахелашвили, М. Цхакая, и др.). Член Реввоенсовета 11-й Красной Армии С. М. Киров был теснейшим образом связан с крайкомом. Через Кирова ЦК РКП(б) оказывал помощь закавказским большевикам.

Борьба коммунистов Закавказья за власть Советов

Трудящиеся закавказских республик под руководством своих большевистских организаций подняли восстание против предателей — меньшевиков, мусаватистов, дашнаков, и с помощью Красной Армии освободили свои республики и провозгласили Советскую власть. Первыми подняли восстание трудящиеся массы Азербайджана. Организующая роль в восстании принадлежала бакинским рабочим.

Корабли красного Каспийского флота «Карс» и «Ардаган» совершили героический поход в Энзели (Пехлеви), в расположение английских частей, и принудили английского генерала Шампэйня выдать военные корабли, принадлежавшие Советской России, и эвакуироваться из Энзели.

Победа рабочих и крестьян Азербайджана укрепила

[11] «Ленинский сборник XXXVI», Госполитиздат, 1959, стр. 91.

веру в успех борьбы с империалистами и у соседнего турецкого народа, в то время мужественно боровшегося против объединенных сил Антанты.

Однако мусаватисты не успокоились — они организовали в мае — июне 1920 года мятеж в Гандже (Кировабад) вместе с уже упоминавшимся турецким генералом Нури-пашой (братом Энвера), командовавшим остатками иттихадистских банд. После ожесточенной борьбы мятежные войска были разгромлены, Нури и другие турецкие главари бежали в Иран.

Другие враги новой Турции —Кязым Кара Бекир, Рефет-паша, Реуф-бей и пр., о которых речь пойдет ниже, действовали двулично. На деле они стремились к разрыву дружеских отношений между РСФСР и молодой Турцией. Но их скрытые интриги не имели успеха, они разбивались о твердое стремление прогрессивных сил Турции искать дружбы и помощи Республики Советов, провозгласившей равное право всех народов на свободу и независимость.

Война между дашнакской Арменией и Турцией

24 сентября 1920 г. армянское буржуазное дашнакское правительство начало войну против Турции. Но через несколько дней турки перешли в наступление и 30 октября заняли Карс. Дашнаки обратились за помощью к Антанте. США известили, что не могут помочь Армении, поскольку не брали на себя такого обязательства. Отказали в помощи также Англия и Франция, хотя сами же они и толкали армянское правительство на выступление против Турции. Турецкие войска 7 ноября заняли Александрополь. Дашнаки были разбиты и вынуждены принять условия ультиматума Турции. Турецкое правительство потребовало Карсскую область. Дашнакскому правительству разрешалось иметь для внутренней безопасности 1500 солдат, 8 орудий и 24 пулемета. За Турцией признавалось право контроля над всей жизнью Армении. На этих условиях было подписано перемирие, а потом мир. Турецкие войска, которыми командовал реакционный генерал Кязым Кара Бекир-паша, чинили кровавые погромы, массовые избиения армян. Было убито свыше 69 тыс. человек.

Народ Армении поднял восстание, в результате которого 29 ноября 1920 г. дашнакское правительство было свергнуто. 11-я Красная Армия по просьбе ревкома

Армении и с разрешения Советского правительства пришла на помощь восставшим. 2 декабря 1920 г. правительство РСФСР объявило, что будет защищать Армению и не признает Александропольского договора.

В тот же день В. И. Ленин приветствовал освобожденную от гнета империализма Армению. «Не сомневаюсь,— писал он,— что вы приложите все усилия для установления братской солидарности между трудящимися Армении, Турции, Азербайджана».

Народное возмущение империалистическими интервентами продолжало нарастать и в Батуме, оккупированном англичанами. В 1920 году был убит свирепствовавший там белогвардейский генерал Ляхов. В ответ англичане арестовали одного из руководителей большевистской организации тов. Губели. 1 мая трудящиеся Батума провели грандиозный митинг и потребовали от англичан освобождения арестованного. Англичане вынуждены были освободить тов. Губели. В начале июля, под влиянием побед Красной Армии, роста революционных настроений среди английских рабочих и протеста их против империалистической политики Англия вынуждена была вывести свои войска из Батума.

7 мая 1920 г. был заключен мирный договор между РСФСР и меньшевистским правительством Грузии. Но грузинское меньшевистское правительство продолжало вести двойную игру и нарушило договорные отношения. Так, Ной Жордания в конце 1920 года предлагал сдать Батумскую область в аренду англичанам на 12—15 лет, поручив меньшевику Гегечкори вести по этому вопросу в Лондоне переговоры. Грузинские меньшевики, как уже говорилось, тайно заключили соглашение о передаче Турции Батума и других смежных районов — это было сделано для того, чтобы спровоцировать столкновение Красной Армии с кемалистской Турцией. Здесь играла провокационную роль Франция, стремившаяся создать блок кемалистской Турции с меньшевиками Грузии. Мустафа Кемаль-паша это предложение Франции отверг. Правильно понимая национальные интересы Турции, он считал основной задачей — укрепление дружественных отношений с Советской Россией.

25 февраля 1921 г. восставшие рабочие и крестьяне Грузии свергли меньшевиков, и Грузия стала советской республикой.

11 марта 1921 г. Г. К. Орджоникидзе телеграммой на имя командира 18-й Кавказской кавалерийской дивизии Д. П. Жлобы дал задание форсированным маршем двигаться на Батум и занять его. «Какие бы ни были препятствия,— писал Орджоникидзе,— их надо преодолеть и в три дня быть в Батуме. Батум большой город и там нужен ваш такт и умение... С мусульманским населением по пути следования быть в высшей степени корректным и предупредительным. С турецкими войсками — как с союзниками. По соглашению, достигнутому на Московской русско-турецкой конференции, Батум, Ахалцих, Ахалкалаки остаются за советской Грузией. Жду телеграммы из Батума. Привет славной 18 дивизии. Крепко тебя целую»,— кончает свое послание Орджоникидзе[12]. Характерно для старейшего большевика Серго Орджоникидзе это сочетание военного приказа начальника с человеческим, товарищеским чувством к подчиненному.

Телеграмма Г. К. Орджоникидзе Д. П. Жлобе

18-я Кавдивизия, чтобы обогнать отступающие к Батуму меньшевистские войска и не дать им завязать борьбу с турецкими войсками, выступила на Батум через труднопроходимый Годерский перевал. Конники преодолели вьюгу, глубокие снега и 19 марта подошли к Батуму. В дороге Д. П. Жлоба получил еще уведомление от командующего 11-й Красной Армией А. И. Геккера; тот писал, что с турками надо поддерживать самые лучшие отношения и не допускать никаких столкновений.

Поход 18-й Кавдивизии и освобождение Батума

Однако не так повело себя командование турецких войск. Во главе корпуса стоял все тот же Кязым Кара Бекир-паша, скрытно боровшийся против кемалистов, крайне враждебно относившийся к Советской России, помогавший реакционерам в восточных вилайетах Турции.

Спускаясь с перевала, передовые части дивизии Д. П. Жлобы встретились с турецким разъездом. Турецкий офицер потребовал немедленной приостановки движения дивизии.

— Я военный человек,— вежливо ответил Д. П. Жлоба,— и выполняю приказ своего командования, поэтому

---

[12] «Архив ИМЭЛ», ф. 85, оп. 15, д. 146.

буду двигаться вперед. Прошу передать мое личное почтение и уважение вашему командованию.

Через несколько километров дивизию встретил турецкий полковник. Он смотрел на Д. П. Жлобу высокомерно и угрожающе поднял руку.

— Я протестую против движения вашего отряда на Батум,— заявил он.— Мы имеем договоренность с грузинским правительством. Если вы сделаете еще шаг, я силой оружия остановлю ваш отряд.

Жлоба спокойно ответил:

— Как командир Красной Армии я не питаю никаких враждебных чувств к турецким войскам и правительству Турции. Но в Батуме находятся грузинские контрреволюционеры, поэтому я спешу туда, выполняя приказ своей армии...

Чтобы вызвать столкновение турок с войсками Красной Армии, грузинские меньшевики открыли огонь по туркам. Турки подтянули свежие части из окрестностей Батума и начали теснить меньшевиков. В это время конница Жлобы ворвалась в город. Вступила она с юго-восточной стороны, где были турецкие тылы. Кавалеристы заняли Батумский порт. Кязым Кара Бекир-паша прислал Д. П. Жлобе ультиматум, в котором ссылался на то, что турецкие войска, мол, раньше заняли город.

«Вы должны знать,— писал Кязым Кара Бекир-паша,— что Батум когда-то принадлежал Турции. Грузинское меньшевистское правительство передало всю территорию нам».

Д. П. Жлоба ответил вежливым письмом, высказав желание лично познакомиться с турецким генералом. Свидание состоялось. Д. П. Жлоба рассказал Кязым Кара Бекиру о подходе больших сил Красной Армии и добавил, что полон самых дружественных чувств к турецкому командованию и кемалистской Турции, поэтому он и не использовал благоприятную обстановку против турецкого войска. Жлоба заявил также, что Советское правительство и В. И. Ленин питают дружеские чувства к молодому Турецкому государству...[13]

Несомненный интерес представляют воспоминания

---

[13] См. «Архив ИМЭЛ», ф. 5, оп. 9, д. 2 и личные воспоминания адъютанта Д. П. Жлобы Мартыненко, хранящиеся в государственном музее Аджарской АССР в Батуми.

командира 292-го полка 98-й стрелковой бригады Красной Армии И. Н. Золотова. О том, что произошло 19 марта 1921 г., он пишет:

«На Черном море показался миноносец под французским флагом и открыл огонь по нашим частям... Кязымовские части вели с нами бой. Дружный натиск 1 и 2 батальонов быстро решил дело; турецкие войска были взяты в плен вместе со штабом в районе форта Барцханы и Малая Самеби. После того, как мы забрали казармы форта Барцханы, стрельба со стороны Батума прекратилась. Но меньшевики (генерал Мазниев) заявили, что будут бороться против Ангорского правительства. Кязым Кара Бекир всячески пытался отсрочить сдачу города. Революционный Военный Совет г. Батума предъявил вновь ультиматум, и Кязым Кара Бекир дал согласие снять свои посты» [14].

Весь этот исторический эпизод показывает, что подпольные реакционные силы в кемалистской Турции вместе с меньшевиками Грузии стремились во что бы то ни стало поссорить Советскую Россию с Турцией. Разумеется, это делалось не без участия западных империалистов. Ленинские указания, его политическая партийная школа помогли бывшему шахтеру, командиру Красной Армии Д. П. Жлобе, командующему 11-й армией А. И. Геккеру и талантливому ученику и сподвижнику В. И. Ленина Г. К. Орджоникидзе разрушить замыслы турецких реакционеров и предателей-меньшевиков и показать себя превосходными дипломатами.

Первый договор между новой Турцией и РСФСР

28 января 1920 г. турецким парламентом, собравшимся в Константинополе, был принят Национальный Обет, к которому мне придется еще вернуться ниже. Одним из главных пунктов этого документа был пункт о полной независимости как главном условии существования Турции и свободного национального и экономического ее развития. После этого важнейшего акта, укрепившего положение правительства Великого Национального Собрания Турции в Анкаре, Мустафа Кемаль-паша, несмотря на помехи внешних и внутренних реакционных сил, настоял на проведении пере-

[14] Воспоминания И. Н. Золотова хранятся в Государственном музее Аджарской АССР в Батуми.

говоров с Советской Россией. Переговоры завершились подписанием 16 марта 1921 г. Русско-турецкого договора. Договор признал право восточных народов на свободу и независимость и на избрание формы правления, соответствующей их желаниям. РСФСР обязалась не признавать в отношении Турции режима капитуляций, отказалась от всех особых привилегий и долгов царской России. Вопросы о проливах должны были быть перенесены на рассмотрение стран Черноморского побережья. В договоре была признана также сила Турецкого Национального Обета.

За Турцией по договору оставались Карс, Ардаган и Артвин. Были установлены автономия Батума с беспошлинным транзитом для турецких товаров и протекторат Азербайджана над Нахичеванью.

Договор подписали со стороны РСФСР Г. В. Чичерин, со стороны Турции — министр иностранных дел Юсуф Кемаль-бей.

Нелишне отметить, что происходившие одновременно переговоры в Лондоне между державами Антанты и Турцией закончились провалом. Правительство Великого Национального Собрания требовало отказа от не приемлемого для новой Турции Севрского договора, подписанного реакционным султанским правительством. Но в то время государства Антанты, разумеется, не были склонны удовлетворить это требование.

Турция назначила своим послом в Москву генерала Али Фуад-пашу. 29 марта 1921 г. Советское правительство назначило полпредом в Турцию тов. Нацаренуса. Еще за несколько месяцев до этого в Анкару была направлена наша миссия. Постепенно разрешались спорные вопросы. Турецкое военное командование восточных вилайетов (Кязым Кара Бекир-паша) отказывалось очистить Александропольский район, пока Армения не выдаст все свое вооружение. Переписка между правительствами РСФСР и Турции по этому поводу закончилась уходом турецких войск из Александропольского района. Кязым Кара Бекир-паша перед уходом взорвал пороховые погреба. НКИД протестовал по этому поводу. Посол Турции в Москве Али Фуад-паша свалил вину за взрыв на армянских дашнаков.

Развитие взаимоотношений между Турцией и РСФСР

26 сентября 1921 г. в Карсе открылись переговоры

между Турцией и тремя закавказскими республиками при участии представителя РСФСР: 13 октября был подписан договор между Турцией, с одной стороны, и Арменией, Грузией и Азербайджаном — с другой.

Когда правительство Украинской ССР предложило послать Главкома войск Красной Армии Украины М. В. Фрунзе для переговоров о заключении турецко-украинского договора, правительство Турции приветствовало это предложение. Пребывание М. В. Фрунзе в конце 1921 года в Анкаре, заключение договора дружбы между УССР и Турцией имели большое значение для дальнейшего сближения Советской России и Турции, для развития дружественных отношений между ними.

Мощные отзвуки Великой Октябрьской социалистической революции разбудили турецкий народ, всколыхнули его, он поднялся на борьбу за свое освобождение.

Национальное движение возглавила турецкая буржуазия внутренней Анатолии и прогрессивная интеллигенция, особенно из военных. Из этой прогрессивной военной интеллигенции и вышел Мустафа Кемаль-паша.

Капиталисты стран Антанты опирались в самой Турции на крупную компрадорскую буржуазию Константинополя и Измира, настроенную реакционно, стоявшую на стороне константинопольского султанского правительства. Эта часть турецкой буржуазии была экономически тесно связана с иностранным капиталом, главным образом французским, английским, и способствовала проникновению иностранных капиталистов и торговцев на турецкий рынок и вытеснению турецких мелких и средних торговцев в Анатолии.

Захватнические замыслы империалистов в отношении Турции были широки: англичане тянулись к мосульской нефти и оккупировали этот богатый район, Франция захватила большую территорию к северу от Сирии (Киликию и др.), итальянцы — Анталью (Адалию) до г. Кония. На северо-востоке англичане замышляли отделить от Турции Курдистан. Наконец, западные империалисты стремились овладеть богатым районом от Самсуна до Трапезунда и создать там некое «Понтийское государство».

Замыслы Антанты в Турции

Интересно здесь вспомнить высказывания М. В. Фрунзе об этой империалистической «любви к древности».

М. В. Фрунзе писал: «...Восстание, планомерно подготовлявшееся агитаторами и агентами из Стамбула (Константинополь) и Афин фанатическим лозунгом создания Понтийского греческого государства, вспыхнуло в начале 1921 г. ...С появлением греческого флота у берегов Анатолии и получением при его посредстве военного снабжения, оно (восстание) разгоралось все больше и больше, пока, наконец, не вылилось в форму ожесточенной взаимной поголовной резни...»[15].

Первые месяцы национально-освободительной борьбы в Анатолии характерны возникновением партизанских национальных отрядов. Они еще не составляли регулярной армии. Не было у них военного умения, но сознание, боевой дух были высокими, они дрались отчаянно и успешно били врагов. Султанские агенты подняли в разных частях Анатолии под лозунгами защиты религии и халифата восстания. Ими же была сформирована так называемая армия из остатков старых войск. Но крестьянские партизанские отряды разбили эту султанскую армию и подавили реакционные восстания. Мустафа Кемаль-паша и его верные друзья Исмет-паша, Февзи-паша и др. объединили партизанские отряды и создали регулярную армию.

Однажды ночью Г. В. Чичерин вызвал меня в наркомат. Я застал его за работой. На столе масса деловых бумаг, книги.

Беседа с Лениным перед отъездом в Турцию

— Владимир Ильич хочет видеть вас, переговорить о турецких делах, — сказал мне Георгий Васильевич.— Вы ведь ознакомились с делами, перепиской, договорами, историей Турции. Обязательно внимательно прочтите договор Турции с закавказскими республиками, подписанный 13 октября. Вы найдете его у Сергея Константиновича Пастухова... Завтра поедем к Владимиру Ильичу. Будьте готовы.

Я с волнением ожидал новой встре и с Владимиром Ильичем. Наконец, этот час наступил.

Ничего не изменилось в кабинете Ленина. Та же карта, у которой мне приходилось докладывать Владимиру Ильичу о делах на фронтах в годы гражданской войны. Безукоризненный порядок на письменном столе — кни-

---

[15] М. В. Фрунзе, Соч., т. I, М.—Л., 1929, стр. 34.

ги так лежат и стоят, что их удобно достать в нужную минуту... Большой цветок на том же месте...

Владимир Ильич поднялся, вышел из-за стола, приветливо поздоровался с Георгием Васильевичем, спросил его о здоровье. Бросил испытующий взгляд на меня, пожал руку.

— Так, батенька, кончили воевать, дипломатом стали, хорошо! — Ободряющий теплый взгляд, участливый смешок.— Перековали меч на орало! Нужное, хорошее дело. Садитесь, пожалуйста, знаю, знаю о 12-й армии. Неплохо армия воевала. Ныне вам поручается большое дело. Надеюсь, с пользой поработаете в Турции. Турки дерутся за свое национальное освобождение. Потому ЦК посылает вас туда, как знающего военное дело. Империалисты грабили и грабят Турцию. Крестьяне и рабочие не выдержали, поднялись. Чаша терпения переполнилась. Народы Востока, да и мы боремся с империалистическими волками. Советская Россия покончила с империалистами, разгромила их, выгнала. Дали им по зубам, не позволили схватить себя острыми когтями.

В. И. Ленин был полностью в курсе всех турецких дел.

— Конечно, Мустафа Кемаль-паша— не социалист,— говорил Владимир Ильич,— но, по-видимому, хороший организатор, талантливый полководец, ведет буржуазно-национальную революцию, прогрессивно настроенный человек, умный государственный деятель. Понял значение нашей социалистической революции и относится положительно к Советской России. Он ведет освободительную войну с захватчиками, и я уверен,— подчеркнул Ленин,— что он собьет спесь с империалистов, да и султана со всей шайкой разгромит. Говорят, народ ему верит. Надо ему помочь, то есть помочь турецкому народу. Вот ваша работа. Уважайте турецкое правительство, народ, не кичитесь. Не вмешивайтесь в их дела. Англия натравила на них греков. На нас же Англия и США напустили нивесть сколько стран... Вам предстоит серьезная работа. Товарищ Фрунзе на днях выедет в Анкару от Украинской Республики. По-видимому, вы с ним встретитесь в Турции.

— Помочь материально Турции мы сможем, хотя и сами бедны. А нужно. Моральная помощь, сочувствие,

дружба — трижды великая помощь; турецкий народ будет чувствовать, что он не одинок. Когда рабочие Англии и других стран нам сочувствовали, бастовали, не грузили оружие для панской Польши, — великая это была нам помощь, придала много сил нашей борьбе. Наши рабочие воспряли духом.

— Царская Россия столетия воевала с Турцией,— продолжал Ленин, — это наложило, конечно, большой отпечаток в памяти народа, среди которого велась пропаганда против России, как исконного врага Турции. Все это вызвало неприязнь и недоверие к русским у турецких крестьян, мелких и средних хозяйчиков, торговцев, интеллигенции и правящих кругов. Вы знаете, недоверие проходит медленно. Нужна поэтому большая, терпеливая, осторожная, внимательная работа; нужно умело доказать, объяснить не словами, а делами разницу между старой царской Россией и Россией советской. Это наша задача, и вы, как посол, обязаны быть проводником советской политики невмешательства в их дела, быть поборником искренней дружбы наших народов. Турция — крестьянская, мелкобуржуазная страна. Промышленности мало, и та, что есть,— в руках европейских капиталистов. Рабочих немного. Это надо иметь в виду. Будьте, еще раз повторяю, внимательны, терпеливы. В разговорах с представителями правительства, с простым народом всегда будьте вежливы, предупредительны. Избави бог вас от заносчивости.

В. И. Ленин при этих словах улыбнулся и сказал, что бог, конечно, тут ни при чем.

— Главное,— продолжал Владимир Ильич,— уважение к народу. Разъясняйте нашу позицию бескорыстной дружбы, невмешательства во внутреннюю жизнь страны в противовес захватнической, грабительской политике империалистов. Вот ваша задача. Какая помощь будет, сообщим; вероятнее всего, поможем оружием, понадобится — дадим и другую.

— Учитесь языку, общайтесь с простыми людьми, общественными деятелями, не отгораживайтесь заборами, крепостными стенами от трудящихся, как это делали послы самодержавного царя. Они подкупали великих визирей, чиновников. Это не наше дело. Мы должны дружить с народом. Вы едете с семьей? — осведомился Владимир Ильич.— Это отлично, детей научите турец-

кому языку, да и самому необходимо подучиться. Это очень важно.

На прощанье Владимир Ильич пожал мне руку, пожелал благополучного пути.

Это была последняя встреча с Лениным. Больше мне не довелось его видеть...

Еще несколько слов о Г. В. Чичерине

Г. В. Чичерин был верным проводником ленинской политики в международных делах. Он с удивительной преданностью, с глубокой любовью работал на международном фронте, не зная отдыха, не щадя себя, хотя здоровье его было очень плохим, — сахарная болезнь не давала ему покоя.

Георгий Васильевич обладал обширными знаниями в истории дипломатии и международных отношений, с необычайной быстротой осваивал новые языки, прекрасно знал музыку и сам отлично играл на рояле. Вспоминаю, как Георгий Васильевич поразил китайскую делегацию блестящим исполнением сонат Бетховена, Моцарта, Чайковского. Я не помню сейчас состава делегации — тогда в Китае часто менялись власти. Было дело так: после банкета в китайском представительстве почти все иностранные гости разъехались. Георгий Васильевич сел за рояль. Был полумрак в высоком неуютном большом зале. Играл Георгий Васильевич по памяти одну из бетховенских сонат. Играл вдохновенно, звуки плавно лились из-под его тонких, длинных пальцев, то тихие, нежные, грустные, хватающие за сердце, то зовущие к борьбе, к подвигу.

Визит турецкому послу Али Фуад-паше

Перед отъездом из Москвы я нанес визит послу Турции Али Фуад-паше. Посол принял меня вежливо, приветливо, усадил в кресло, придвинул коробку с папиросами, не преминув при этом рассказать, что папиросы изготовляются французской компанией «Режи» из лучшего, превосходного самсунского табака.

— Вы увидите Самсун — город, откуда начал свою деятельность Мустафа Кемаль-паша, — сказал он.

Принесли маленькие чашечки с кофе. Али Фуад говорил о великой национальной борьбе Турции и о роли в ней Мустафы Кемаля-паши.

Плотный, сравнительно молодой, со светлыми волосами, Али Фуад сетовал на то, что ему, генералу, при-

выкшему воевать, приходится сейчас быть на ответственном дипломатическом посту, хотя и в очень приятной обстановке, но ему больше бы хотелось бить общих наших врагов — империалистов.

Он немного рассказал о своем прошлом: был военным атташе в Риме, занимал ряд военных постов, подавлял восстание в Албании в 1912 году... Во время первой мировой войны воевал на Эрзерумском направлении против русских войск...

— Большая ошибка иттихадистов,— говорил он,— что они ввязались в войну на стороне Германии. Немцы ограбили нас начисто, развалили турецкую экономику, погубили нашу армию, она вся дезертировала. Тяжко было смотреть. Я хоть и был в партии иттихадистов, но осуждаю их политику. Они Турцию погубили. Я понял все и с 1919 года веду борьбу вместе с Мустафой Кемалем за освобождение нации.

Али Фуад-паша расхваливал Мустафу Кемаля-пашу, подчеркнуто говорил о своей глубокой ему преданности. Но несмотря на эти восторженные слова, у меня было ощущение, что собеседник не то что противопоставляет Мустафе Кемалю, но как-то незаметно более тепло, более охотно рассказывает о своих друзьях — Рефет-паше и Кязым Кара Бекире.

— Вы познакомитесь с Рефет-пашой,— говорил он,— увидите, какой это любезный, умный, высокообразованный человек.

Потом, приехав в Анкару, я узнал, что Рефет неудачно командовал корпусом, что он большой путаник и самохвал.

Об Энвере-паше Али Фуад отзывался положительно, хотя, оговорился он, Энвер совершает грубые политические ошибки.

Беседа длилась более часа. Прощаясь, Али Фуад пожелал мне счастливой дороги и заверил, что в Турции я встречу внимание и дружбу.

Поездка в Анкару

Начало пути

В конце декабря 1921 года весь состав нашего полпредства двинулся в путь. В Грузии находилось тогда турецкое представительство при ЗСФСР. Тогда проживал в Тифлисе (Тби-

лиси) и знаменитый вожак иттихадистов Энвер-паша. Пришлось отказаться от встречи с ним, хотя его адъютант очень настойчиво приглашал. Отказался я по вполне понятной причине. Энвер-паша играл большую роль в старом, оттоманском правительстве и был ярым противником национального движения в Анатолии и лично Мустафы Кемаля-паши. Если бы эта встреча произошла, то с самого начала могло возникнуть недоверие к правительству РСФСР и лично ко мне со стороны правительства Великого Национального Собрания Турции. Энвер, по-видимому, этого и добивался.

В Тифлисе при встречах с грузинскими товарищами и представителем РСФСР в Армении, Грузии и Азербайджане Б. В. Леграном я познакомился с подробностями борьбы грузинского народа против меньшевистского правительства, с походом дивизии Жлобы, взаимоотношениями с Турцией. Нанес официальный визит представителю Турции Ахмеду Мухтару-бею. Мухтар-бей был знаком с положением России и Украины: в 1918 году он был консулом в Киеве. Позднее Мухтар-бей был назначен послом в Москву. В Тифлисе он значительно теплее, искреннее рассказывал мне о Мустафе Кемале, чем Али Фуад-паша.

Чудесный ласкающий ветерок, мягкое тепло солнца, плещущие, набегающие волны синего моря — так встретил нас Батум. Разительный контраст с замечательными русскими декабрьскими морозами и снегами Москвы!

Мы всем составом полпредства съездили на Зеленый Мыс, полюбовались в Ботаническом саду роскошными тропическими растениями, цветами, поглядели на молодые чайные кусты на плантациях Чаквы. Как хорошо было после многих лет военной страды подышать теплым морским воздухом, пропитанным легкими запахами южных цветов!..

Сотрудников полпредства ехало много. Хотелось бы обо всех если не рассказать, то упомянуть как о прекрасных людях, деловых работниках. Расскажу о нескольких товарищах, и то не сразу, а по ходу моих воспоминаний.

А. Н. Голубь, старый большевик, приехал в эти места раньше и был назначен консулом в Трапезунд. Потом он ведал консульскими делами в полпредстве и был одно

время первым секретарем. Мягкий по натуре человек, но принципиальный и глубоко идейный работник, А. Н. Голубь умел совместить эту принципиальность с гибким отношением к турецким администраторам. У него никогда не было недоразумений с турками, он умел отличить серьезное, главное от мелочей. Турки о нем отзывались как о человеке, прекрасно понимающем национальные интересы турецкого народа.

В составе полпредства были К. И. Пржебельский, Е. Д. Капшукова (хозяйка полпредства), К. К. Звонарев (военный атташе) с группой своих сотрудников, А. Н. Ляхов (экономист), А. Г. Котельников (секретарь), Ф. И. Валиев, Н. И. Успенская, Р. Л. Гинзбург, Ю. В. Мальцев, Е. К. Дмитриевская и еще несколько других. Все эти товарищи, за исключением А. Н. Голубя, встретившего нас вместе с турецким губернатором (вали) уже в Трапезунде, сели в Батуме на старенький колесный пароход «Феликс Дзержинский».

Вместе с нами в Турцию на этом же пароходе ехал директор турецкого Бюро прессы Ага-оглу Ахмед-бей (Агаев). Он прекрасно говорил по-русски. По происхождению Ахмед-бей был азербайджанец. В 1908 году он бежал из царской России в Турцию, во время младотурецкой революции, увлеченный ее лозунгами, остался в Турции, приняв турецкое подданство. Впоследствии он разочаровался в младотурках, убедившись, что они обманывали народные массы, крестьян, душили рабочее движение. Ахмед-бей перешел на сторону национального движения в Анатолии. Как большого знатока России и опытного журналиста, Мустафа Кемаль-паша пригласил Агаева руководить турецкой прессой.

Проезжая мимо города Ризе, мы были дружески атакованы турками, выехавшими нам навстречу в лодках. Пароход был окружен лодочной флотилией и остановился. Нас буквально забросали цветами. Со всех сторон неслись приветственные возгласы. Нам вручили несколько корзин с апельсинами, решительно отказавшись брать за них плату. «Дружба, дружба с Россией!» — доносилось отовсюду. Люди махали руками, фесками.

В Трапезунде мы были торжественно приняты губернатором. За обедом, где присутствовали руководители городских учреждений и представители общественности,

Турецкая общественность встречает советского полпреда в Трапезунде.

произносились речи и поднимались тосты за дружбу двух наших народов...

Внешность трапезундского вали я отлично помню, но имя его забылось. Немолодой, очень приятный в обращении, он тепло и с признательностью говорил о Советской России.

Море волновалось долго. Но наш «Феликс Дзержинский» с честью выдержал натиск шторма и доставил всех нас невредимыми в порт Самсун.

Встреча с М. В. Фрунзе

В Самсуне произошла памятная для меня встреча с М. В. Фрунзе. В. И. Ленин придавал его пребыванию в Турции большое значение. Поездка М. В. Фрунзе по стране, многочисленные его беседы с крестьянами, городскими жителями, пребывание в Анкаре, встречи с Мустафой Кемалем-пашой и другими членами правительства — все это произвело глубокое впечатление на турецкую общественность. Вместе с военным атташе Звонаревым мы поехали встретить Михаила Васильевича за город. Еще издали он увидел нас, помахал рукой и, подъехав,

легко соскочил с коня. Полный живых впечатлений от длительной поездки, Михаил Васильевич сразу стал интересно и образно рассказывать о встречах, беседах, переживаниях.

Ведя на поводу лошадь, Фрунзе отошел в сторону от сопровождавших его аскеров (турецких солдат) и с большим возмущением рассказал, что видел множество валявшихся у дорог трупов зверски убитых греков — стариков, детей, женщин.

— Я насчитал 54 убитых ребенка,— взволнованно говорил он.— Греков гонят из мест восстаний, войны и дорогой убивают, а то они и сами падают от усталости, голода, и их так и бросают. Ужасная картина! Поедете,— советую верхом,— обязательно время от времени посматривайте по сторонам и увидите это страшное позорище. Не скрывайте от Мустафы Кемаля моего большого огорчения. Кемаль ни при чем. Наоборот, я знаю, он категорически требовал гуманного отношения к переселяемым, пленным. Эти убийства, насилия, равнодушие к измученным, невинным людям недопустимы в стране, освобождающейся от империалистического гнета,— продолжал Михаил Васильевич.— Общественное мнение это осудит. Конечно, главные виновники — империалисты Англии, Франции, султанское правительство. Это они заварили здесь кашу, выдвинули глупую затею — создать «Понтийское государство» и провокаторски толкнули на восстание греческое население. Только нужно говорить об этом осторожно, опасаясь задеть, потревожить национальное чувство. Вспомните ленинские предостережения о страшной болезненности оскорбленного национального чувства. Пойдемте,— оборвал свой рассказ Михаил Васильевич,— мы на свободе подробно потолкуем об основных делах.

Он ловко вскочил на коня. Через несколько минут мы вернулись в Самсун. Губернатором была оказана М. В. Фрунзе торжественная встреча.

За время нашего пребывания в Самсуне Михаил Васильевич подробно поделился с нами своими мыслями о политической обстановке в Анатолии, рассказал о своих встречах и беседах с Кемалем-пашой. Из его рассказа перед нами встала живая картина тогдашней кемалистской Турции.

— Турция,— говорил М. В. Фрунзе,— вступила на

прогрессивный буржуазно-демократический путь. Продолжается тяжелая освободительная борьба. Все еще сильны феодальные традиции, особенно религиозные. Агенты империалистических государств, приспешники султана разжигают религиозный фанатизм. Еще полностью не создана регулярная армия. Действуют разрозненные партизанские отряды, как это было вначале и у нас. Часты мятежи, восстания. Кемалю трудно. Вокруг него еще много недовольных, врагов. Единой, сплоченной партии нет. Много пашей, которые хотят главенствовать. Кемаль говорит, что опирается на нацию, но ведь нация не едина — крестьянство, рабочие, буржуазия; да и у самой буржуазии разные интересы. Есть компрадорская буржуазия, которая всецело тянет в сторону империалистов. Интеллигенция в большинстве на стороне Кемаля. Но главное ясно — народ борется за освобождение от империалистического гнета и грабежа, за то, чтобы избавиться от султана, халифата, от всей прогнившей феодальной верхушки. И народ победит, — это теперь отлично видно. Мустафа Кемаль-паша — крепкий, волевой организатор, замечательный полководец. Он показал себя в боях под Иненю, Сакарией. Умный государственный деятель, большой дипломат — не только с иностранцами, но и со своим окружением. Не всем он может верить — ему часто лгут в глаза, и Мустафа Кемаль это понимает. Людей образованных, куль-

М. В. Фрунзе в Анкаре в 1921 году.

турных мало — и ему приходится расчетливо использовать их. Кемаль как-то очень умно сказал, что необходимо беспрестанно и внимательно проверять моральную устойчивость тех, кого нация возвышает и кому оказывает честь своим доверием. Даже на фронте попадаются нестойкие командиры. Кемаль до поры до времени их терпит, хоть они нередко изменяют. Он убеждает, маневрирует. Но бывает беспощаден с теми, кто против нации.

— Есть у него хорошие помощники,— продолжал Михаил Васильевич.— Обратите внимание на Февзи-пашу и Кязым-пашу. По-моему, это верные, преданные помощники. Особенно я обратил внимание на Исмет-пашу. Большой знаток военного дела и штабной работник. Мне многое в турецкой борьбе напомнило наше первое время гражданской войны — красногвардейские отряды, когда мы их сколачивали в регулярные части. Надо новой, молодой Турции помочь, поделиться нашим опытом. Думаю, что у вас дело пойдет на лад...— М. В. Фрунзе ласково улыбнулся.— Моя есть тут капля вины, что вас назначили сюда. Ну, да ладно! Я думаю, что вы не в претензии ко мне.

Договор дружбы между Турцией и Советской Украиной

М. В. Фрунзе подробно остановился на подписании договора о дружбе и братстве между Украинской Советской Социалистической Республикой и Турцией. Он по характеру и по духу своему схож с договором, заключенным в Москве.

Михаил Васильевич показал мне копию договора со своими пометками и прочел вслух: «Отмечая существующую между нами солидарность в борьбе против империализма...» Каково? — Михаил Васильевич весело помахал договором.— Вместе боремся против империализма. Это очень важно. Значит, мы не одни. Нашего полку прибыло... Вот еще: «А также, приняв во внимание их близкое соседство на Черном море, решили укрепить между собой навсегда со всей искренностью и откровенностью самые лучшие сердечные отношения и верную дружбу...» Как это вам нравится — *навсегда!..*

— Знаете,— сказал, помолчав, М. В. Фрунзе,— наше поколение творит большое дело. Мы должны оставить нашим детям и внукам такое наследство, чтобы они, набравшись сил, знаний, легко двинули его вперед и созда-

ли коммунистическое общество и чтобы на земле процветал вечный мир. Не правда ли? Мустафа Кемаль очень надеется на нашу помощь. Мы уже кое-что направили и направляем. Вы продолжите это дело.

Перед отъездом Михаил Васильевич дал на пароходе прощальный обед местным властям. Обед и проводы были очень дружественными.

М. В. Фрунзе приветливо помахал нам фуражкой. Мне запомнилась его славная улыбка.

В 1925 году я видел его уже в гробу. Глубокое горе охватило меня. Я вспомнил, как приветливо он улыбался нам в Самсуне... Чудесный человек и коммунист! Он прожил нелегкую жизнь, жизнь, полную борьбы за счастье трудящихся. Не прожил, а перестрадал вместе со всем народом, выковал из себя мужественного борца за коммунизм, величайшего полководца. И сейчас еще живо во мне тогдашнее чувство невозвратимой потери.

Беседа с губернатором Самсуна

После отъезда М. Ф. Фрунзе мы стали готовиться в дальнейший путь. Я нанес прощальный визит самсунским властям. С мютесаррифом[16] мы подробно беседовали о городе, о подведомственном ему санджаке, о Мустафе Кемале-паше. Мютесарриф оказался человеком живым, словоохотливым. Он мне рассказал, что города Самсун и Хавза стали историческими. После вынужденного отъезда из Стамбула, скрываясь от реакционных правителей, грозивших ему смертью, Мустафа Кемаль высадился здесь, в Самсуне. Это было в 1919 году. Первые шаги по объединению прогрессивных сил и развитию национально-освободительной борьбы Мустафа Кемаль-паша начал в Самсуне, Хавзе, Амасии. К моменту приезда Мустафы Кемаля в Самсун в ряде мест Анатолии организовались «общества защиты прав». Кемаль взял на себя задачу объединения их. Отсюда он посылал циркуляры, воззвания к турецкому народу. В Самсуне он собирал своих друзей.

— Мы, жители Самсуна,— говорил губернатор,— гордимся тем, что Мустафа Кемаль-паша начал свою деятельность у нас. Вступив на священную землю Анатолии, он немедленно принялся за борьбу со старыми порядками, начал объединять нацию. Ко времени при-

[16] Мютесарриф — губернатор санджака, или губернии, подведомственный вали — генерал-губернатору (вилайет).

езда Мустафы Кемаля турецкий народ уже поднимался против оккупантов, организовывал партизанские отряды.

— У нас было неспокойно,— продолжал свой рассказ губернатор,— и Кемаль до тех пор не покинул Самсуна, пока не создал здесь устойчивого положения. В 1919 году в Самсуне высадились англичане. Империалисты захватом Самсуна готовили плацдарм против Советской России. Здесь греки нападали на мусульман. Бессильно метались власти, людей не было, средства были расхищены оккупантами. В несколько дней Мустафа Кемаль привел в порядок дела Самсуна, организовал власть. Вокруг него объединились все лучшие национальные силы. Отсюда Мустафа Кемаль-паша давал телеграммы командирам корпусов, требовал подробной информации о состоянии воинских частей, положении в вилайетах. Особенно большая переписка у него была с Анкарой, Эрзерумом, Сивасом; отсюда он узнавал о положении в Смирне... Связь со страной была тогда крайне трудной, сведения часто бывали случайными. Например, сообщает какой-нибудь телеграфист: интервентами оккупирована Магниса, части 20-го корпуса не могли быть переброшены по железной дороге, они идут пешком и где находятся, не известно. Или приходило сообщение, что реакционеры устраивают беспорядки в Кастамуни и Кайсари; отсюда, из Самсуна, Мустафа Кемаль принимал меры для их ликвидации.

Теперь, читая мемуары Мустафы Кемаля, я нахожу документальные свидетельства того, что рассказывали мне по пути в Анкару руководители районов. Например, из Самсуна Кемаль телеграфировал шифром в Эрзерум командиру 15-го корпуса: «Положение в Самсуне и районе настолько неспокойно, что это может привести к печальным последствиям. Поэтому я вынужден оставаться здесь».

Прощаясь со мной, мютесарриф сказал:

— Вы будете проезжать город Хавзу. Там тоже расскажут о делах Мустафы Кемаля. В Хавзе он пробыл дольше, чем у нас. Тогда готовилась высадка султанских офицеров в Самсуне, но Кемаль узнал об этом, и офицеры были захвачены.

Мютесарриф дал нам подробный маршрут, посоветовал, где останавливаться на ночлег, где устраивать дневки (к сожалению, этот маршрут потерялся, как по-

На таких арбах (яйлах) мы ехали из Самсуна в Анкару.

терялись записи имен людей, с которыми я встречался в пути). Мютесарриф тепло распрощался с нами.

На другой день после проводов М. В. Фрунзе наша миссия верхом и на яйлах (арбах) двинулась в глубь Анатолии. Всего ехало 25 человек. Путь от Самсуна до

По дорогам Анатолии

Анкары, расположенной в самом центре Анатолии,— четыреста километров. Дорога шла по горам, ущельям, открытым холмам и вдоль речек, через которые часто приходилось переправляться. Она была узкая, в плохом состоянии, с выбоинами, ямами. Мы проехали ряд деревень, небольших городов. Сопровождал нас отряд турецких аскеров-кавалеристов. Еще не совсем умолкли в горах бои, нередко случались нападения на путников. Продолжалась еще эпопея «Понтийского государства». Когда вдалеке слышались выстрелы, один или два аскера скакали в горы выяснить причину стрельбы.

Самым интересным за все время нашего медленного путешествия было знакомство с крестьянами, жителями

Беседы в пути с крестьянами

городов, беседы с ними о политическом положении страны, о том, как они относятся к Мустафе Кемалю-паше, Великому Национальному Собранию Турции, султану, Советской России. Конечно, мнения были различ-

ными. Крестьяне в беседах высказывались непосредственнее, проще и смелее, чем горожане.

К Советской России у всех было единодушное дружеское отношение. Крестьяне говорили: «Везут пушки из России (их везли на фронт). Помогают нам...». В народе крепла вера в помощь Советской страны.

Крестьяне рассказывали о своем тяжелом положении: «Земли мало, палками ее ковыряем, поедете полями — увидите сами. Замучили нас войны. Война — крестьянин бросай землю, семью, бери ружье. Говорят, Кемаль-паша хлопочет о земле, да султан не хочет давать... Наши крестьяне, что помоложе, пошли помогать Кемалю-паше...».

Многие говорили о кознях приспешников султана: «Ходят здесь разные люди — хотят взбунтовать нас против Кемаля-паши, говорят — надо защищать халифа, правоверных. Да и в Собрание выбирают больше богатых — наших, крестьян, там не видно».

Почти все наши собеседники жадно расспрашивали о Советской России. Слух дошел сюда о том, что в России свергли царя, прогнали помещиков, поделили землю, что теперь правит народ. Просили рассказать о Ленине: правда ли, что он за народ, против богатых, помогает бедным.

«Сколько веков воевали мы с русскими, а смотришь — народ-то русский злобы к нам не имеет,— говорили крестьяне.— И русские крестьяне, и наши землю обрабатывают. Чего же им драться? Цари да султаны посылали крестьян драться, а мы, дураки, и шли, а вернемся домой — кругом разорение. Богатые-то от войны откупятся да нашу землю заберут, а мы хлопали глазами. Скудно живем, да и ходжи много земли забирают и с нас еще деньги берут. Работаем на них. А как мы натерпелись, когда тут немцы командовали! Начисто ограбили нас, хлеб, зерно забрали. Помирал народ от голода, страшных болезней. Турецкое начальство помогало немцам грабить, да и само то же самое делало».

В различных вариантах, в разных местах приходилось слышать подобные разговоры.

Вспоминается такой случай.

Мы устали, а до назначенной остановки оставался еще длинный путь. Арбы прыгали по камням и рытвинам, а нам, верховым, приходилось то взбираться на

гору по тропинкам, то спускаться по крутым откосам, и камни дождем летели из-под копыт лошадей. На пути нам встретились возле речки небольшой домик и сад, прислонившиеся к горке. Приятно вился из трубы дымок. Оказалось,— это кофейня с небольшой пекарней. Остановилась вся наша длинная процессия. Все с наслаждением вздохнули — хоть часок отдохнуть от тряски. Быстро разобрали чудесные поджаренные булочки. Кофе из маленьких чашек пили по очереди. С окрестных гор, полей подошли крестьяне. Лица темные, загорелые, глаза пытливые. Туловища обмотаны широкими поясами, на ногах далеко не новая мягкая обувь, вся в заплатах и дырах, на голове у одних теплые шапки, у других — просто шарфы или платки.

Я обратился к одному крестьянину и спросил, сколько у него земли, какая семья, каковы заработки. Земли оказалось совсем мало — 20 денюмов [17].

— Сеем рожь, пшеницу,— сказал крестьянин.— Но около половины урожая идет на налоги, ашаром это у нас называется. Есть у нас в деревне ага — у того 2000 денюмов... Тому хорошо живется, как помещику, батраков нанимает.

Из бесед с другими крестьянами выясняется картина резкого классового расслоения турецкой деревни. Кулаки (ага) владеют крупными участками земли от 2 тыс. до 3 тыс. денюмов. У середняка надел колеблется в пределах 100—200, иногда до 300 денюмов. А тот, у которого оказалось 20 денюмов,— типичный бедняк. Но самое тяжелое положение у батраков. Они работают у аги, помещика, в религиозных общинах или на землях, принадлежащих мечетям. Получают всего только 3 лиры в месяц, живут на своих харчах... Пастухам выдают еще две пары чувяк, до десяти фунтов муки в месяц, да и то не всегда.

— Иной раз..,— и один из наших собеседников выразительно сложил фигуру из трех пальцев.

За столиком сидели наши жены. Сначала робко, потом смелее к ним приблизились турчанки и глядели на них, не спуская глаз. Некоторые дотрагивались до шуб и пальто, как будто проверяли — действительно ли это такие же женщины, как и они. Заинтересовал их мой

---

[17] Денюм = 0,0919 *га*.

младший сынишка. С ним сидела жена одного из работников посольства, по национальности татарка. Она заговорила с турчанками. Крестьяне охотно отвечали и расспрашивали про мальчика. Молодая турчанка нагнулась к моему малышу и неожиданно его поцеловала, улыбнулась и похлопала по спине.

Я пригласил крестьян подсесть к нам поближе. Они сели тут же, на землю. Их угостили кофе. Разговорились, конечно, при помощи переводчика. Опять и опять они расспрашивали о Советской России, о Ленине, о революции, о жизни крестьян, задавали вопросы о том, как крестьяне взяли землю у помещиков, как ее поделили. Земля принадлежит теперь всему народу. Слушая наши ответы, крестьяне переглядывались между собой, что-то тихо говорили и подталкивали друг друга. Казалось, они хотели доискаться до всего, понять сущность происшедших в России событий.

О Мустафе Кемале-паше отзывались очень хорошо. Одобряли его политику дружбы и мира с Россией. Спрашивали, не к нему ли мы приехали? «Хорошо, очень хорошо»,— приговаривали они.

Подошел молодой крестьянин со смелым, но каким-то недоверчивым взглядом. Шарф красиво окутывал голову, концы кистей изящно спускались за правым ухом. На широком поясе был ремень с кобурой и патронташем, в руках карабин. Заметно было, что к нему крестьяне относятся с уважением. Хозяин кофейни предложил ему чашку кофе и вынес из дома стул. От стула он отказался. Сел, как все, на траву, взял чашку кофе и поблагодарил хозяина. Я понял уже знакомые мне слова: «Чок, чок тешекюр эдерим», — очень благодарен.

Оказалось, что это партизан из отряда, охраняющего деревню и дороги от бандитов. Отряд скоро вольется в национальную армию Мустафы Кемаля-паши. Партизан, между прочим, рассказал, что из Анкары дали знать: едет русский посол, им приказано особо бдительно охранять дорогу.

Подошла еще группа женщин. Они были в широких шароварах, чулках, у некоторых ноги обвязаны тряпками и облеплены грязью, землей. Лица женщин были открыты. Только подходя поближе к нам, они прикрывали рот платком. Одна крестьянка, более смелая, заинтересовалась нашим разговором, стала рядом со мной. Гла-

Два вола тянут длинную жердь, к которой привязана не то мотыга, не то сошник.

за у нее были большие, черные, какие-то загадочные, немного насмешливые. Мне хотелось расспросить ее о жизни. Но, боясь затронуть мусульманские обычаи, я отложил беседу о положении женщин до лучшего знакомства со страной.

Лица у многих крестьянок изможденные, в морщинах, желтые, на них словно была написана история тяжелой, безрадостной жизни. Женщины стояли молча, прислушиваясь к беседе очень внимательно.

Другая встреча произошла в поле. Два вола тянули длинную жердь, к концу которой была привязана не то мотыга, не то примитивный сошник. Крестьянин шел сзади и управлял этим немудреным орудием. Мы остановились около него.

— Везут тут по дороге пушки,— начал крестьянин,— говорят, русский Ленин их подарил нашему Мустафе, чтоб врагов побить и землю крестьянам дать.

Этот крестьянин тоже жаловался на бедность. При султане, когда больше воевали, чем жили мирно, у него

забирали половину урожая, из другой половины платил налоги, да еще отдавал ходже.

— Вот и живи, как знаешь...

— А сейчас как?

— И сейчас плохо, хотя Мустафа Кемаль обещает облегчение. Подай ему аллах помощь!..

— Сколько у вас земли? — спросили мы его.

— Вот тут она вся, — и он указал рукой. — Трудная земля — то в гору, то с горы...

— Один вы работаете?

— Нет, вся семья: жена и дети. Когда же очень трудно, нанимаю кого-либо в помощь, за половину зерна. У меня земли 100 денюмов. Плати еще ходжам, а у них вакуфной земли хоть отбавляй. Родит земля плохо: видишь, чем ее ковыряем — мотыгой, глубоко ею землю не возьмешь. Волов кормить надо. Нужен бы плуг, да где его достанешь?

Помолчав немного, он тихо сказал:

— Хорош русский человек — прогнал царя, помещиков, помогает нам.

Это потрясло нас: ни газет в турецкой деревне, ни пропагандистов, а крестьяне — в курсе всех наших основных дел, знают о Ленине, о власти рабочих и крестьян.

Встретили мы одну арбу на крутом спуске. Справа — глубокий обрыв к речке, прыгающей по камням, слева — высокие скалы. Дорога узкая. Арбу вел турецкий мальчик лет десяти — двенадцати. Он остановил арбу и прижал волов к скале, а сам стал между волами, держа в руках длинную палку. Смотрел он на нас исподлобья. Рубашка на нем была чистая, заправленная за широкий пояс, ступни ног обвязаны тряпками.

Мы с переводчиком остановились около него, стали расспрашивать, откуда везет зерно, где его деревня, не боится ли один и как его зовут. Он отвечал односложно и с опаской поглядывал на незнакомые лица. Я попросил переводчика сказать ему, что мы русские, и спросить, знает ли он что-либо о Советской России. Мальчик улыбнулся и ответил, что знает: русские теперь друзья турок, он видел у себя в деревне хорошего русского человека, светлого лицом; несколько дней назад этот человек в их доме ночевал. «Должно быть, Фрунзе», — подумали мы. Мальчик рассказал, как добрый русский угостил его и как говорил отцу про русскую землю, про крестьян

Мальчик рассказывал нам о встрече с «добрым русским» — М. В. Фрунзе.

и про то, что русские солдаты носят на шапке красную звездочку, что солдаты с красной звездочкой прогнали 14 держав... Как образно, верно мальчик назвал Фрунзе — светлым человеком!

В деревне, где мы остановились ночевать, нас поместили в большой избе, у богатого немолодого хозяина. Разговорились о его хозяйстве. У него земли было 3000 денюмов, большое количество овец, что-то около 2000, 100 голов рогатого скота, мельница. Богатый крестьянин тоже хвалил Мустафу Кемаля-пашу за то, что выгоняет из Турции англичан, французов и греков. Надо бы только, чтобы Кемаль-паша помирился с султаном, добавил хозяин. Он оказался религиозным человеком. Когда по положению надо было совершить намаз (молитву), он прекратил беседу с нами.

Нам приходилось приспосабливаться к местным условиям, особенно в деревнях. Не везде были столы, стулья. Часто мы располагались на полу, на коврах, поджав ноги. Обязательно при входе в крестьянский домик надо было снимать обувь.

Первый город, в котором мы остановились, был Кивак, отстоящий от Самсуна на 25—30 километров. При-

ехали мы туда вечером. Просили сразу отвести нас на ночлег, но власти не вняли нашим просьбам, и мы были приглашены к ужину, очень обильному, с длинными речами и расспросами. На рассвете выехали и еще засветло приехали в Хавзу. Ехали мы медленно — приходилось считаться с тем, что среди нас были люди разных возрастов, женщины и дети.

Хавза — город, где работал около двух недель Мустафа Кемаль-паша и где М. В. Фрунзе натолкнулся на страшные следы издевательств и зверств над пленными греками. Впоследствии М. В. Фрунзе описал все это в своих воспоминаниях «Поездка в Ангору»[18]. Нелишне отметить, что мне, как и М. В. Фрунзе, крестьяне, городские власти и все, с кем нам приходилось беседовать, рассказывали, что у христиан-греков с окружающим мусульманским населением были раньше наилучшие отношения. Теперь же весь этот богатый, густозаселенный уголок Турции подвергся невероятному разорению. Из всего греческого населения Самсунского, Синопского и Амасийского санджаков осталось лишь несколько банд, бродящих в горах. Особенно прославился зверствами главарь лазов[19] Осман-ага. Он огнем и мечом прошел по всему району со своей дикой ордой. Местные турки с ужасом вспоминают о его жестокости.

В городе Хавзе

М. В. Фрунзе в своих воспоминаниях описывает картину, которую он наблюдал верстах в десяти от Хавзы.

«Встретили,— пишет М. В. Фрунзе,— небольшую группу греков, человек в 60—70, только что положивших оружие. Все истощены до последних пределов... Иные прямо похожи на скелеты. Вместо одежды на плечах болтаются какие-то лохмотья; на ногах у большинства нет даже тряпок. В середине группы — высокий худой священник в камилавке... Дует холодный ветер, и вся толпа, подгоняемая конвоирами-солдатами, вприпрыжку бежит к Хавзе. Некоторые, увидя нас, стали громко плакать, вернее, выть, так как вырывавшиеся из их груди звуки скорее походили на вой затравленного зверя. Я немножко задержал группу, сопровождавший меня аскер приказал кон-

---

[18] М. В. Фрунзе, Соч., т. I, стр. 274—351.

[19] Лазы — этнографическая группа, проживающая в основном в Турции на побережье Черного моря.

воирам, чтобы они не смели бить людей, и печальное шествие возобновилось...».

За несколько километров до Хавзы нашу миссию встретил каймакам[20] с представителями общественности и воинской части.

Мы провели в Хавзе остаток дня и ночь. Ночевали у начальника города. Было несколько встреч, обед, ужин, прогулка по городу. Городок небольшой, жителей насчитывалось несколько тысяч, улицы узкие, много деревянных домов, но были и каменные. Каймакам с большой заботливостью разместил наших сотрудников. Городской голова устроил в честь нашего приезда обед с речами о дружбе Советской России и Турции на вечные времена. Восторженно говорил каймакам о М. В. Фрунзе, как о замечательном, отзывчивом человеке, необыкновенно приятном и правдивом собеседнике.

— И это русский генерал! — воскликнул он. — Такой же простой, душевный, как и наш Кемаль-паша.

Рассказы о Мустафе Кемале-паше

Я спросил каймакама и других собеседников: видели ли они лично Мустафу Кемаля, говорили ли с ним? И начались рассказы о Кемале-паше. Да, да, многие из них с ним беседовали. Он очень просто и ласково с ними обходился. Мустафа Кемаль тут много работал. Все видели, что он отдает себя целиком делу спасения Турции. Он призывал создавать национальные организации, убеждал, доказывал, что надо опираться на коллективную силу, исходящую от самой нации. Он передавал много телеграмм во все концы страны, и ему приносили целые кипы ответных телеграмм. Выступая на собрании в Хавзе, он сказал: «Я поклялся всем самым святым, что буду с полным самоотвержением работать вместе с нацией до тех пор, пока мы не достигнем полной независимости нашей Родины». Эти слова всех воодушевили.

В Хавзе, говорили мои собеседники, после речи Кемаля, его задушевных бесед с народом молодежь стала уходить в армию. Молодежь клялась Мустафе Кемалю, что будет бороться за Родину, изгонять врагов так, как изгоняла их Красная Армия из России. Бывали, правда, конфликты со стариками-родителями, которые не хотели отпускать сыновей на войну с султаном. Отсюда, из Хавзы,

---

[20] Каймакам — начальник уезда (каза).

Мустафа Кемаль-паша разослал послание всем командирам и высшим гражданским чиновникам, в котором призывал создавать по всей стране национальные организации — «общества защиты прав Анатолии и Румелии». Хавзияне гордятся, что из их маленького города началось такое большое движение.

— Необходимо, — говорил каймакам, — чтобы весь народ знал о притеснениях и жестокостях империалистов: французов, англичан, греков. Надо, чтобы народ открыто, не боясь, выражал свое возмущение, устраивал манифестации, митинги. Кемаль правильно негодовал по поводу того, что султанское правительство продолжает преклоняться перед интервентами. Надо разбудить народ и показать ему, какая опасность исходит от реакционных властей Стамбула. Наша задача — поднять весь народ. Кемаль очень был рад, когда произошли манифестации в Амасии и других городах по случаю вынужденного ухода англичан из Самсуна.

Не успели мы расположиться на отдых, как в отведенную мне квартиру стали стучать. Это были турецкие граждане. Они извинялись, что помешали отдыху, и, располагаясь вокруг меня, принимались расспрашивать о делах в России. Пришлось вызывать переводчика, просить Ага-оглу Ахмеда-бея помочь при разговоре. Далеко за полночь затянулись оживленные беседы. Было все просто и задушевно, устанавливалась связь с простыми людьми, как это и предвидел В. И. Ленин.

На другой день мы отправились дальше, по направлению к городу Мерзифун. Вскоре обогнали партию пленных греков. Когда мы с военным атташе К. К. Звонаревым проезжали мимо них, послышались какие-то возгласы на русском языке. Возгласы были не совсем одобрительные по отношению к нам. Звонарев подъехал поближе и с разрешения конвоира спросил, чего хочет кричавший.

— Я ничего не хочу, — услышали мы в ответ. — Я ненавижу большевиков. Я и здесь буду бороться против вас, против турок, против Кемаля. Кемаль идет вместе с большевиками.

Озлобленный, опустившийся человек, видимо обиженный революцией, потерявший поместье, богатство. Звонарев двигался шагом и пытался ему объяснить, что в Турции идет освободительная борьба за независи-

мость... Но человек, к которому он обращался, злобно кричал:

— Вы с турками вместе идете! Царь воевал с мусульманами, а вы, большевики, помогаете им...

Я отозвал Звонарева. Потом мы выяснили, что в армию греческих оккупантов были завербованы на Черноморском побережье русские белогвардейцы. Они были переправлены в Самсун и другие районы для борьбы за все то же мифическое «Понтийское государство». Мобилизовали их различные белогвардейские и греческие организации по указке империалистов Франции.

В городах, где мы обычно ночевали, власти угощали нас пловом, чаем и кофе в пузатеньких стаканах или крошечных чашечках. Разговоры шли об империалистах, греко-турецкой войне, победах Мустафы Кемаля; бесконечными были расспросы о Советской России. Ленин был у всех на устах.

Провозглашались тосты за Мустафу Кемаля и Великое Национальное Собрание Турции, за Ленина и правительство РСФСР, за губернатора, городского голову и полномочное представительство Советской России в Турции. Обязательно фотографировались. Фотоснимки были весьма несовершенны по качеству, но я сохранил их до наших дней. В Хавзе фотографировали нас на улице. Собралась большая толпа простых людей, ребят, старавшихся попасть на фотографию вместе с городскими властями, каймакамом. На фотографии не видно ни одной женщины, словно город был населен одними мужчинами. Тут сказалась разница в быту сел и городов.

Через деревню Милек мы направились к городу Мерзифун. В Мерзифуне городской голова Ходжа Мерефенди пригласил нас на обед. Ходжа Мерефенди — глубокий старик, его все с уважением называли «отец». На обеде присутствовал начальник города Мустафа Расем-бей и много почетных граждан. После обеда городской голова пригласил нас осмотреть город. Были на базаре. Прямо на земле, навалом самый разнообразный товар: ботинки, одежда, белье.

Мерзифун

Проехали деревни Каразапе, Аладжик. По дорогам встречались вьючные ослики, верблюды, арбы, возы с сеном, как у нас. К двухколесным арбам прикреплены снизу и сверху палки и к ним привязаны или прибиты

мешки из грубой толстой материи, засыпанные зерном. Все встречавшиеся нам турки кланялись, приветствовали.

Из Аладжика мы выехали в 7 часов утра и проехали за день сразу километров 40. К вечеру приехали в Диминхаджи, страшно усталые от трудной дороги.

Чорум, Аладжа, Юзгад

Наиболее трогательной была встреча в городе Чоруме. Еще километров за пять от города нас встретили не только начальник города, городской голова, представитель губернатора, но были выстроены школьники с флагами, они приветствовали нас, пели хором. Мы их поблагодарили и передали привет от русских детей. Помещение было нам отведено в отеле. Мютесарриф Вехби-бей и городской голова Нури-эфенди дали обед, на котором выступали с речами.

В Чоруме я разговорился с хамалом (носильщиком). Он хлопал меня по плечу, улыбался, говорил: «Русский — хороший, смелый человек».

21 января 1922 г. выехали из Чорума в Аладжу. Дорога была долгая, отдыхали на берегу речки. Здесь нас окружили крестьяне окрестных деревень и очень приветливо, заботливо ухаживали за нами, угощали молоком. И снова — бесконечные расспросы о России, рассказы о жизни турецкого села.

Из Аладжи дорога шла все время в гору и была очень трудной. Под вечер приехали в город Юзгад. Всех наших сотрудников поместили в здании гимназии. Обед. Речи. Особенно горячо выступили директор школы Али Фуад-бей и учитель истории. Они говорили о великом значении дружбы между Турцией и Россией. Губернатор Хильми-бей приветствовал нас от имени турецкого народа. Утром были собраны школьники — мальчики и девочки. Дети читали стихотворения, пели патриотические песни о Мустафе Кемале-паше.

Мне с семьей была отведена отдельная квартира. Мы очень удивились, когда хозяйка заговорила с нами на отличном русском языке. Ее ребятишки — мальчик и девочка — также лепетали по-русски. Оказалось, что муж ее, врач-турок, был в плену на Украине. Там он познакомился с девушкой-украинкой, в семье которой жил. Полюбили друг друга, поженились, и она уехала с ним в Турцию. Она научилась говорить по-турецки, и жили они очень дружно. Приняли нас с распростертыми объя-

тиями. Расспросов хватило на всю ночь. Супругам хотелось из первых рук узнать о русской революции, о Ленине. Мы, со своей стороны, также подробно интересовались турецким национальным движением, кемалистской армией и самим Мустафой Кемалем-пашой.

Впоследствии наши гостеприимные хозяева приезжали в Анкару и подарили мне семейную карточку с надписью: «Уважаемому представителю Русского народа на добрую память от искренно полюбившей его турецкой семьи...».

— Скучаете ли по своей родине, Украине? — спросил я хозяйку.

— Скучаю, хотелось бы повидать родных, — отвечала она. — Письма приходят от них, но редко. Поехать трудно — разве можно с детьми пускаться в такое далекое путешествие и в такое время! У нас борьба идет, неспокойно. Муж — военный врач, его не отпустят. А без него не поеду. Уж видно родиной мне стала Турция. Народ хороший и ко мне относятся ласково.

В Юзгаде к нам прикомандировали офицера для сопровождения до Анкары. С ним у меня была интересная беседа, она продолжалась от Юзгада до Якши-хан, станции железной дороги, откуда нас должны были довезти поездом до Анкары. Для отдыха мы останавливались в деревнях Баши-Бьюкли, Али Елма, Хаджиляр и др.

Беседа с турецким офицером

Офицер рассказывал нам о своих тяжелых переживаниях. Ему пришлось видеть страшную картину захвата греками Смирны (Измира) в 1919 году. Греческим интервентам помогали в захвате города и окрестностей английские, французские, американские, итальянские корабли.

— Они обстреляли турецкие казармы, — говорил офицер. — Бессмысленно было стрелять — мы, турки, были по существу безоружны. Трудно описать дикие насилия, которые учинили эти «цивилизованные» звери. Нас били, оскорбляли. Было убито много турок, среди них человек 30—40 офицеров, а раненых насчитывали мы более 500. Когда вели нас, пленных, греческий корабль «Парис» подошел вплотную и обстрелял нашу колонну. Мне удалось скрыться. Разумеется, эти зверства стали известны всем туркам Анатолии.

— Англия и Франция, которые теперь с нами заигры-

вают, — продолжал офицер, — привозили на судах оружие, боеприпасы и на шаландах развозили по всему Черноморскому побережью, раздавая грекам. Руководило раздачей оружия греческое общество «Понт». Конечно, нехорошо, дико бить ни в чем не повинных мирных греков, пленных, переселяемых. Прежде жили они с нами дружно, торговали, занимались ремеслом. Теперь их убивают в горах, они в свою очередь уничтожают наших путников.

Офицер говорил очень экспансивно:

— Турки теперь имеют оружие! — воскликнул он.— Крестьяне тоже вооружаются. Будем защищать свою жизнь, свои права, будем драться до конца, не дадим себя поработить! С нас довольно!

О том, как действовали англичане в оккупированном ими Константинополе, я тоже многое узнал во время путешествия. С негодованием рассказывали об этом мютесарриф в Самсуне и турецкие офицеры. Парламент в Константинополе был разогнан, депутатов захватили и увезли на остров Мальта. Всех прогрессивно мыслящих людей хватали, заключали в тюрьмы, ссылали.

— С вами едет,— говорил офицер,— уважаемый Агаоглу Ахмед-бей; он был также сослан на Мальту. Солдат-турок, охранявших склады и казармы, убивали. На минаретах мечетей разместили английских часовых с пулеметами. Это было величайшим оскорблением наших религиозных, патриотических чувств! Мы, турки, никогда этого не забудем. Только предатели Турции могут одобрять английских империалистов.

Путешествие наше шло медленно. На переезд в 400 километров от Самсуна до столицы Анкары потребовалось около двух недель. Пользу все же мы извлекли: длительное движение с остановками дало нам возможность ознакомиться с жизнью страны, ее нравами, настроением крестьян, городских жителей, администрацией, отношением народа к борьбе за независимость, к империалистическим замыслам держав Антанты, к вопросу о земле.

Во время нашего путешествия погода большей частью нас не баловала. Было холодно, шли дожди, в горах выпадал мокрый снег. Зато в долинах, укрытых горами, теплый ветерок приносил запах трав, полевых цветов, как будто наступила весна.

Вождь национально-освободительного движения Турции Мустафа Кемаль-паша провел огромную политическую и организационную работу, неслыханную для отсталой, порабощенной колониализмом восточной страны. Влияние его, популярность, вера в него среди крестьян, городской буржуазии, военных были весьма велики. И в то же время среди населения не было сплоченности. Беднейшее крестьянство, наиболее обездоленное, не имело руководителей, а оно составляло большинство населения. Это бросалось в глаза. Все крестьяне, с кем бы мы ни сталкивались в пути, в один голос говорили об освобождении от гнета помещиков, богатеев, от эксплуатации народа ходжами, муллами. Не было ни одной деревни, где бы население не поддерживало директив Великого Национального Собрания и Мустафы Кемаля. Но материального результата не было — земля оставалась в руках богатых, сохранившиеся феодальные налоги отнимали у крестьянина последний кусок хлеба.

Общее впечатление от путешествия по Анатолии

Рабочих было мало в Турции — только в Стамбуле, Зонгулдаке, на табачных концессиях. Коммунистическая партия только зарождалась, а среди крестьян о коммунистах и вовсе ничего не было слышно.

Стремление турецкого народа к национальной независимости проявлялось большей частью стихийно — в создании партизанских отрядов. Много крестьян охотно, добровольно шло в армию, создаваемую Мустафой Кемалем, они видели в ней своего защитника, надеялись с ее помощью освободиться не только от иностранного порабощения, но и от внутренней тирании, а главное — получить землю и покончить с налогами.

В городах мелкая буржуазия — ремесленники, торговцы — также мечтала о лучшей жизни, но колебалась. Веру в султана-халифа народ быстро терял, начинал он понимать и хищные замыслы империалистов Антанты. Что касается турецкой буржуазии, то ею владела боязнь новых веяний, смелых действий и не в последнюю очередь — крестьянского аграрного движения. Идея освобождения турецкой женщины, о чем стали все громче поговаривать, служила пищей для реакционной пропаганды мулл — наиболее организованной силы реакции. Мусульманское религиозное чувство, преданность халифату еще были сильны во всех слоях, во всех клас-

сах Турции. Но основное, чего опасались феодалы, буржуазия, старое чиновничество, — это аграрной революции. Эти силы реакции уже тогда делали все возможное, чтобы помешать крестьянству объединиться для борьбы за землю, против налогов и власти ходжей.

Вали, генерал-губернаторы, мютесаррифы и другие административные власти в некоторых местах остались прежними. Мустафа Кемаль лишь постепенно заменял их своими сторонниками. Новые веяния все сильнее давали себя знать в общественных организациях, в руководстве городскими делами, но и общественные деятели не всегда были решительными, действовали с оглядкой.

Не всегда гладко проходила организация национальных патриотических комитетов, или «обществ защиты». В Трапезунде, например, возникло общество, ставившее своей задачей защиту турок от проектируемого французами и греками «Понтийского государства». Но это общество приняло название «Общества децентрализации трапезундского вилайета», то есть выдвинуло программу отделения этого вилайета от центрального правительства. В других местах — в Конии, в западных районах — создавались общественные организации с крайне неясными целями, часто враждебными национальному движению. Под видом «помощи» этому движению туда проникали реакционные агенты султаната. Они устраивали враждебные демонстрации, пробирались в партизанские отряды. Мустафа Кемаль и его приверженцы внимательно следили за такими организациями и распускали их, как только обнаруживали их враждебные действия.

Партизанские отряды, часто никем не руководимые, подпадали под реакционное султано-халифатское влияние, и Мустафе Кемалю даже приходилось с ними воевать.

Главным связующим звеном всех патриотических сил той части Анатолии, по которой проехала наша миссия (Самсун — Анкара), были воинские части во главе с командным составом. Они осуществляли политическое руководство в своих районах. Через них передавались из Анкары от Мустафы Кемаля, из ВНСТ все распоряжения, декреты, решения. Вокруг военных собирались прогрессивные демократические силы (учителя, врачи, адвокаты, журналисты, ремесленники, купцы и др.). Это заметно бросалось в глаза во всех официальных и неофи-

циальных встречах и беседах. Популярность Мустафы Кемаля-паши среди военных была огромной. Через них Кемаль получал все сведения о настроениях и делах в провинции. Но среди пашей-генералов встречались и враждебно настроенные к новому строю, были приверженцы султана и халифата, хотя они и составляли меньшинство.

Было бы неправильно говорить, что все дивизии, полки выступали за национальное движение, за Мустафу Кемаля-пашу. Это значило бы окрашивать все в один цвет. Нет, велась борьба за ту или другую воинскую часть, за дивизию, бригаду. Так, в Самсуне в 15-й дивизии в 1920 году некоторые офицеры, сторонники султана и халифата, вели подрывную пропагандистскую работу против Великого Национального Собрания. Замечалось это и в других местах и частях. Штабу Мустафы Кемаля-паши приходилось пресекать эти враждебные вспышки и отстранять таких офицеров.

Победа турецкой армии над греческими оккупантами

Первая боевая встреча только что созданной из партизанских отрядов молодой турецкой армии с греческими войсками произошла у селения Иненю 10 января 1921 г. Греков было 60 тысяч. Турок — только 15 тысяч. Однако греческое наступление было приостановлено. Это имело колоссальное значение для укрепления морального духа турецких солдат, для повышения авторитета Мустафы Кемаля-паши, как вождя национально-освободительного движения.

Вторая битва под Иненю произошла 31 марта 1921 г. Греки потерпели новое поражение. Но это не остановило английских империалистов. Они потребовали от греков продолжения военных действий, прислали им танки, орудия, английских офицеров. Численность греческой армии достигла 100 тыс. штыков с 5600 пулеметами, 350 орудиями, а вся турецкая армия располагала всего 51 тыс. штыков, 440 пулеметами и 162 орудиями.

Летом 1921 года разыгралось большое сражение, и туркам пришлось отойти за речку Сакария. Фронт придвинулся к Анкаре. Пали города Эскишехир и Афион-Кара-Хисар.

Ллойд Джордж радовался и предрекал полный разгром молодой Турции. Но торжество его было преждевременным.

С 23 августа по 13 сентября шли упорные бои между хорошо оснащенной греческой армией, опирающейся на английскую материальную помощь, и вдвое меньшей, но морально крепкой, турецкой армией, воодушевленной идеей защиты Родины. Сражение это известно как Сакарийская битва. Греки были окончательно разгромлены. Их поход на Анкару, о чем громогласно возвещали греческие генералы и король Константин, провалился.

Блистательная победа турецкой армии в битве при Сакарии еще более укрепила положение ВНСТ, Мустафы Кемаля-паши как полководца. Ему было присвоено почетное звание Гази (победителя).

Результатом этой победы явился франко-турецкий договор и уход Италии из Адалии.

Договор с французской миссией Франклен-Буйона[21] был подписан в Анкаре в те дни, когда наше советское посольство двигалось по Анатолии. Франция по договору выводила свои войска из Киликии, отказывалась от войны с Турцией и аннулировала свою подпись под Севрским договором. Англия заявила протест против этого договора.

Когда после разгрома греков представители ВНСТ были приглашены на конференцию в Лондоне, народ расценил это как большую победу турецкой нации. Всюду в Турции это отмечалось как свидетельство решающих успехов политики Мустафы Кемаля-паши. Из уст в уста передавали, как народ под руководством Мустафы Кемаля-паши нанес грекам и Англии сокрушительный удар.

Встреча с министром иностранных дел Юсуфом Кемалем-беем

Не доезжая Анкары километров 50, на небольшой узкоколейной железнодорожной станции (Якши-хан) для нас был подготовлен отдельный поезд. Встречали нас представитель министра иностранных дел и сотрудники нашего полпредства, прибывшие из Анкары. Поезд доставил нас в Анкару в 4 часа дня. Встреча была торжественной, с оркестром. Приветствовал нас министр (векиль) иностранных дел Юсуф Кемаль-бей.

29 января 1922 г. я направился с официальным визитом к Юсуфу Кемалю-бею.

[21] Франклен-Буйон Анри — депутат парламента, член радикал-социалистской партии. В первую мировую войну вел французскую военную пропаганду в Чехословакии, на Балканах, в Турции.

Здание полпредства СССР в Анкаре в 1922—1923 гг.

Во внешности Юсуфа Кемаля-бея мне бросилась в глаза густая черная круглая борода и недостающие два пальца на правой руке. Он был очень любезен и внимательно прислушивался к моим словам. Его выразительные черные глаза следили за каждым моим движением.

Вначале он задал несколько вопросов о том, как мы устроились, о здоровье жены после утомительного путешествия. Сетовал, что в Анкаре нет удобств.

— Да, ваше посольство расположено в неудобном, ветхом помещении, — говорил Юсуф Кемаль-бей. — Неприятно, но что поделаешь! Победим, перестроим Анкару. В Москве турецкое посольство расположилось комфортабельно.

Разговор зашел затем о последних политических событиях, военной обстановке. Наконец, мы перешли к протокольной части — предстоящей встрече с Гази Мустафой Кемалем. Визит к Юсуфу Кемалю-бею продолжался 2 часа.

После бесед в министерстве иностранных дел были назначены день и час вручения мною верительных грамот Мустафе Кемалю-паше. В день приезда я нанес также визиты афганскому, бухарскому и азербайджанскому послам. Затем с ответным визитом был у меня Юсуф Кемаль-бей.

Общий вид Анкары (1922—1923 гг.).

За короткий промежуток времени между посещением министерства иностранных дел и официальным представлением Мустафе Кемалю-паше я бегло осмотрел Анкару.

Краткий осмотр города Анкары

Город — с очень узкими улочками, ветхими деревянными домами, многочисленными минаретами. Господствовала над городом древняя крепость с полуразрушенными стенами и замком султана Баязида I.

Пришлось вспомнить историю Турции, в которой оставили след дела Баязида и Тамерлана (Тимура) в XIV веке. Здесь, в Анкаре, разыгралась великая битва Тамерлана с турками. Баязид был пленен и увезен из родной ему Турции.

До нас крепость посетил М. В. Фрунзе.

С крепости открывается широкий вид на город. Город казался тесным. Окрестности Анкары — холмистые, вдали видны отдельные высокие горы и горная цепь. Я осмотрел башню Тамерлана, полюбовался замечательными по красоте архитектурными линиями остатков арки и храма времен римского императора Августа, древними римскими мостами.

Наше полномочное представительство помещалось в центре города, в тесном деревянном двухэтажном доме,

на улице столь узкой, что разъехаться двум экипажам было невозможно. Улица заканчивалась мечетью с высоким минаретом.

Встреча с Гази Мустафой Кемалем состоялась 30 января 1922 г. и была дружеской. Принял меня руководитель новой Турции просто; внимательно и серьезно выслушал мое приветствие и заявление о тех задачах, которые возложило на меня Советское правительство как на полномочного представителя в Турции, — развивать и укреплять дружеские отношения между двумя нашими народами, между рабоче-крестьянским Советским правительством и правительством Великого Национального Собрания Турции на основе заключенных договоров, и, наконец, мои пожелания процветания новой, молодой Турции и решительных успехов в борьбе против империалистов.

Первая встреча и беседа с Мустафой Кемалем-пашой

Затем я передал приветствие и пожелания успехов ВНСТ и лично Мустафе Кемалю-паше от Советского правительства и от Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина.

Мустафа Кемаль поблагодарил за добрые приветствия и сказал, что в свою очередь правительство Великого Национального Собрания Турции и он лично приложат все силы, чтобы облегчить и помочь мне выполнить возложенные на меня задачи по укреплению великой дружбы между нашими странами, столь необходимой обоим нашим государствам и народам.

— У нас, — сказал он, — общая задача: борьба с империализмом, освобождение народов Востока от колониального гнета. Я уверен, что общими усилиями мы достигнем успеха. Мы благодарим за помощь Турции со стороны России и ее великого вождя Ленина.

После обмена речами Мустафа Кемаль пригласил меня к столу. Подали кофе и чай и началась непринужденная, неофициальная беседа, продолжавшаяся полтора часа.

Гази Мустафа Кемаль-паша еще находился под впечатлением посещения и переговоров с М. В. Фрунзе.

— Фрунзе обаятельный человек, — сказал он. — Я много слышал о нем как о крупном полководце, но я не знал, что он покоряет собеседника знаниями большой общей культурой. Я получил наслаждение от бесед с

Портрет Мустафы Кемаля с личной надписью: «Товарищу Аралову».

Фрунзе. Вы, вероятно, знаете: с Фрунзе мы договорились о военной помощи нам. Теперь дело за исполнением. Я уверен в быстром выполнении нашей договоренности.

Потом Мустафа Кемаль перешел к положению на фронте, расспрашивал меня о наших военных делах. Ока-

залось, что он хорошо был осведомлен о строительстве и организации Красной Армии, ее боевых делах в гражданской войне, даже об отдельных боях. Особенно подробно он знал о перекопской эпопее, о роли в ней Фрунзе.

Я спросил его, откуда у него такая детальная осведомленность.

— Мы, офицеры, — сказал он, — да и не только военные, но и вся прогрессивная наша интеллигенция с первых дней Великой Октябрьской революции глубоко интересовались политикой большевиков. Мы знали, что Ленин ведет курс на освобождение угнетенных народов России. В этом его великая сила. Наши надежды оправдались. Мы были уверены, что белогвардейские войска в гражданской войне потерпят поражение. Почему были уверены? Мы видели, что помещичью землю большевики отдают крестьянам, что все трудящиеся на стороне революции; знали также, что Ленин борется за мир и что полуторастамиллионный народ — такая мощь, что никакая интервенция с ним не справится при отличном руководстве и дисциплине со стороны большевиков.

В этот период Мустафа Кемаль-паша всю свою энергию направлял на армию, ее оснащение, организацию победы над греками, подавление отдельных антинациональных мятежей. Поэтому наша первая встреча, как и последующие, протекала в обсуждении военных дел и выполнения военных обязательств.

Вопросы, касавшиеся текущих дел, консульских и др., он просил обсудить с министром иностранных дел.

— Конечно, — добавил он, — если понадобится моя помощь, я всегда буду рад с вами потолковать.

Какое на меня произвел впечатление Мустафа Кемаль-паша? При первом знакомстве прежде всего обращаешь внимание на внешность и невольно вглядываешься в своего собеседника, наблюдаешь за его жестами, выражением глаз, лица.

У Мустафы Кемаля — светлые редкие волосы, подстриженные рыжеватые усы. Глаза, дающие тон всему его облику: стальные, выражающие сильную волю. Я их такими увидел, когда он выслушивал мое первое приветствие. Когда мы сели к столу и пили густой кофе из маленьких чашек, его глаза немного потемнели, стали както мягче, добрее. Я видел эту разницу и при последую-

щих встречах и беседах не только со мной, но и с людьми из его близкого окружения — Исмет-пашой, Февзи-пашой. Мне приходилось присутствовать при решении им боевых задач — тогда его глаза, казалось, не видели собеседника.

Роста он был выше среднего, плотного сложения, лицо с немного провалившимися щеками, брови густые и широкие.

В воротник кителя, в котором он был, когда принимал меня первый раз, были вшиты звездочки, окаймленные четырьмя гранями из листьев. Носил он барашковую высокую папаху коричневого цвета и часто сидел в ней, будучи в помещении.

После встречи с Мустафой Кемалем-пашой я поехал к И. Абилову — полпреду Советского Азербайджана в Турции. Товарищ Абилов, старый большевик, прекрасно владел турецким языком. Турецкая прогрессивная общественность и Мустафа Кемаль глубоко уважали его. В наших ответственных переговорах с Мустафой Кемалем-пашой товарищ Абилов всегда принимал деятельное участие.

У Абилова я встретил трех депутатов меджлиса: Решада, Тевфика Рюшди и Джемаля Нури. Завязались мои контакты с видными общественными деятелями Турции.

После встречи с Кемалем мне пришлось нанести визиты всем министрам, начальнику генерального штаба, городским властям и влиятельным депутатам меджлиса. Министерства помещались в одном большом каменном здании, кабинеты министров — в одном полутемном коридоре. За один день я успел побывать у нескольких министров. Встречи с ними проходили в сердечной обстановке, за обязательной чашкой кофе. Потом начались ответные визиты ко мне. Они заняли несколько дней.

Хозяйство в доме Мустафы Кемаля-паши вела его двоюродная сестра Фахрия Ханум. Мы с женой побывали у нее. Фахрия-ханум, высокая, стройная женщина

Фахрия-ханум

с каштановыми волосами и ласковым взглядом темных глаз, произвела на меня впечатление умной, располагающей к себе и приятной собеседницы. Мы говорили о нашем путешествии, о жизни в Анкаре. Она рассказывала, что брат всегда занят, очень много работает и мало отдыхает, и это ее

сильно беспокоит: здоровье его далеко не блестящее, а он изнуряет себя работой. Потом мы заметили, что, когда Фахрия-ханум пыталась заговорить об огромной занятости и о здоровье Мустафы Кемаля в его присутствии, он недовольно морщился и она прекращала этот разговор. С Софьей Ильиничной, моей женой, она подружилась и несколько раз приезжала к нам одна. По городу она ездила с закрытым лицом, но, входя в полпредство, снимала чадру. Говорила она немного по-французски и приезжала без переводчика. Мустафа Кемаль был ласков и предупредителен с ней.

Нас с женой посетили однажды Аднан-бей, второй председатель ВНСТ, и его жена Халиде Эдиб, писательница и общественная деятельница. Аднан-бей в годы моего пребывания в Турции не играл большой роли. На первый взгляд, это был довольно бесцветный человек, хотя и занимал ответственные министерские посты (министра внутренних дел, министра здравоохранения). Позднейшая эмиграция вскрыла его измену национальному движению, его подпольную подрывную работу.

Общественная деятельница Халиде Эдиб

Интересна биография его жены Халиде Эдиб, энергичной, образованной женщины средних лет. По внешности она была привлекательна: рыжеватые волосы, темно-серые глаза. Халиде Эдиб — первая женщина Турции, избранная членом общественной организации «Турецкие очаги». Талантливая писательница, она вела и педагогическую работу. Во время первой мировой войны была сестрой милосердия. По политическим взглядам была близка к руководителям младотурецкой партии «Единение и Прогресс», главным образом к Джемалю-паше и Талаату-паше. Она активно выступала против национальной нетерпимости, против резни армян. С первых дней принимала участие в борьбе за независимость Турции, высказывалась открыто против империалистов. За решительные выступления против иностранных захватчиков и султана султанский суд по настоянию англичан приговорил ее к смертной казни. Из Константинополя она вынуждена была бежать в Анатолию, там поступила добровольно в армию Мустафы Кемаля и сражалась против греков.

После обмена любезностями и взаимного осведомле-

ния о здоровье перешли к политическим делам. Аднан-бей больше помалкивал, говорили мы с Халиде Эдиб. Она была неплохо осведомлена о Советской России. Завязался у нас спор об империалистах. Халиде Эдиб высказала взгляд, что США могут оказать Турции помощь без задней мысли, без политического и экономического угнетения, и поэтому было бы выгодно добиться мандата США на Турцию. США, утверждала она, при мандате защитят Турцию от нажима Англии. Я с ней спорил, доказывая, что империалисты Америки способны поработить Турцию не хуже европейских империалистов. Тогда она привела пример помощи США Филиппинам. Я ответил на это, что история показала цену этой помощи: Филиппины полностью порабощены США.

Теперь, после второй мировой войны, мы видим, чего стоили надежды Халиде Эдиб на «бескорыстную помощь» США.

Халиде Эдиб была типичной буржуазной деятельницей. Она не выдержала испытания временем; национально-освободительное движение и борьба с феодализмом и империализмом оказались ей не по плечу. Вместе с мужем она удалилась под сень английского либерализма.

Идея мандата США на Турцию

Споры об американском мандате на Турцию возникли еще на Сивасском конгрессе «обществ защиты». Рефет-паша, Бекир Сами-бей[22], Реуф-бей и некоторые другие делегаты конгресса, разуверившись в возможности победы над Антантой, подняли этот вопрос, считая мандат США «наименьшим злом». При этом они ссылались на § 7 постановлений Эрзерумского и Сивасского конгрессов. Мустафа Кемаль-паша тогда же доказал, что этот параграф касается исключительно готовности Турции принять научную, промышленную и экономическую помощь, от какой бы державы таковая ни исходила, но при непременном условии сохранения политической, национальной и территориальной независимости. Кемаль тогда высмеял эту тягу к чужому американскому мандату и

---

[22] Бекир Сами-бей, выходец из Северного Кавказа, осетин, владелец крупного федального имения в районе Амасии; участник Сивасского конгресса, депутат ВНСТ, бывший министр иностранных дел. В 1920—1921 годах — член чрезвычайной миссии в Москве. В феврале 1921 года участвовал в Лондонской конференции. Враждебно относился к СССР.

резко отверг эти предложения[23]. Небесполезно напомнить об этих высказываниях Мустафы Кемаля-паши в наши дни.

Я упоминал до сих пор только о посещениях нашего полпредства представителями буржуазной интеллигенции. Нас посещали и простые люди Турции. Несколько раз приходила к нам женщина-боец, партизанка Фатма Чауш. Она была командиром партизанского отряда, дралась с греками и мятежниками. Фатма — пожилая женщина, небольшого роста, худенькая, с энергичным лицом и пытливыми черными глазами. Раз пришла она со своим сыном, тоже партизаном, участвовавшим в боях вместе с матерью. Фатма носила черную куртку, полосатую юбку, на широком поясе — патроны, кинжал, через плечи ремни, голова повязана платком. Приходила она, чтобы выразить свои симпатии к Советской России и порасспросить подробно о наших военных делах, об участии в гражданской войне русских женщин.

Заходил к нам высокий, стройный боец-партизан. Я попросил известного русского художника Е. Е. Лансере, который у нас гостил, зарисовать его и Фатму. Партизаны согласились, и Евгений Евгеньевич Лансере с большой охотой их зарисовал. Я привожу лишь несколько подобных посещений партизан.

Отношение к советскому полпреду в Анкаре

Каждый мой выход в город сопровождался приглашением торговцев, ремесленников зайти в лавку, мастерскую, магазин и выпить с хозяином стаканчик чаю или чашку кофе. Стоило показаться на базаре — и торговцы с поклонами, прикладывая руку к сердцу, приглашали зайти побеседовать. Если я выходил один, без переводчика, разговоры наши сводились к приветствиям, улыбкам, нескольким знакомым мне словам турецкого языка.

С большим интересом, любовно расспрашивал меня каждый трудящийся турок о Ленине. Имя Ленина глубоко проникло в народную толщу Анатолийской земли, о делах его знали и далеко за пределами Анатолии.

Однажды в полпредство пришло письмо из далекой сирийской деревни.

Историю этого письма стоит рассказать. Оно было

---

[23] См. подробнее: Мустафа Кемаль, Путь новой Турции, т. I, Литиздат НКИД, 1929, стр. 99—115

получено в полпредстве в конце 1922 или в начале 1923 года. Сирийский крестьянин из далекой глухой деревушки писал, что у них в деревне слышали, будто я являюсь представителем Ленина, что им очень тяжело живется, их угнетают и они много и сильно страдают. Они знают, что Ленин — защитник всех бедных, угнетенных людей, что он освободил свою страну от мучителей.

Письмо сирийского крестьянина

Трудно сейчас передать все это письмо дословно — оно было написано 38 лет назад. Но основной смысл его я ясно помню и вижу его, как будто оно передо мной сейчас. Оно было написано на небольшом листе бумаги, на арабском языке.

На наш полпредский коллектив письмо произвело большое впечатление: несмотря на все преграды, на враждебную антисоветскую пропаганду, правда о Ленине, о нашей Советской стране передавалась из уст в уста трудящимися всего Востока. В письме, как солнце в капле воды, отразились громадное историческое влияние Великой Октябрьской социалистической революции, необычайная любовь и уважение трудящихся к Ленину. Полпредство переслало это письмо в Москву, в Наркоминдел.

Встречи с Мустафой Кемалем на фронте

В течение полутора лет я встречался с Мустафой Кемалем-пашой у нас в полпредстве, у него на квартире, в меджлисе, на фронте. Мустафа Кемаль-паша любил после длительной серьезной беседы послушать музыку, потанцевать. Бывали вечера, когда он приезжал к нам в полпредство с музыкантами. Под аккомпанемент народных инструментов хор исполнял турецкие песни. Кемаль любил и сам спеть вместе с хором. Глаза его тогда темнели, становились грустными. В песнях звучали горе, страдания народа от бесконечных войн, тяжелые думы крестьянина. «Как в хороший погожий день сердце отходит и радуется жизни, хотя и трудной, так и когда поешь песню или слушаешь ее»,— говорил Кемаль-паша.

Мустафа Кемаль-паша в советском полпредстве

Помню, раз позвонил ко мне секретарь Мустафы Кемаля и сказал:

— Паша много сегодня работал, он хочет вас навестить, отдохнуть, приедет с музыкантами и вас просит созвать ваших сотрудников и сотрудниц — повеселиться, потанцевать.

Вечером действительно приехал Мустафа Кемаль, и не один: привез своих адъютантов, близких друзей. Вместе с ним приехал военный министр Кязым-паша, частый гость полпредства. Кемаль-паша любил провести время в дружеской беседе за столом. Всегда просил подать нарзан и другие кавказские минеральные воды. Разумеется, на столе были и вина.

В это посещение Кемаль декламировал много стихов из турецких классиков и персидских поэтов, особенно Фирдоуси. Он любил лирические стихи турецкого поэта Неджети и, когда читал их, в голосе его звучали какие-то новые ноты.

Мустафа Кемаль был знатоком национальной поэзии;

он до глубины души любил свою Родину, ее историю, ее песни. Его особенно пленяли красота и напевность сельджукских стихов.

После турецких заунывных мелодий Мустафа Кемаль попросил мою жену и секретаря полпредства спеть под аккомпанемент рояля русские песни. Кемаль слушал их с большим удовольствием и сам подпевал. Потом сыграли «Камаринскую», наши дамы пустились в пляс. Мустафа Кемаль хлопал в ладоши, притопывал ногой. Танцевали вальс и другие танцы. В конце вечера Кемаль взял меня и И. Абилова за руки и сказал, что хочет побеседовать о некоторых делах.

— Дорогие друзья, товарищи! — Кемаль часто называл меня и Абилова товарищами (ёлдаш). — На фронте у нас напряженное положение: греки скопили в Эскишехирском направлении силы до шести дивизий. В ближайшую неделю ждем с их стороны удара. Они хотят произвести эффект к предстоящей Генуэзской конференции. У нас нет транспорта, нет лошадей, ослов. Единственный транспорт — верблюд. Верблюд у нас — герой войны. А надо везти снаряды. Прошу вас помочь нам транспортом, лошадками. Я знаю: России тоже трудно, небогата она, но выручайте нас... Очень, очень благодарю ваше правительство и Ленина за денежную помощь, за ружья, патроны и орудия.

Вскоре Мустафа Кемаль прислал мне, как полпреду, письмо с фронта: «Спешу сообщить, что части нашей армии находятся в состоянии, могущем вызвать полное удовлетворение и гордость наших друзей».

Поехать на фронт меня, Абилова и военного атташе Звонарева пригласил лично Мустафа Кемаль-паша. Мы проехали по фронту, побывали в шести пехотных, трех кавалерийских дивизиях, были на празднике годовщины новой армии, посетили штабы двух армий, двух корпусов, осмотрели в городе Конии тыловые армейские учреждения. Впечатление от воинских частей осталось хорошее: это была регулярная, дисциплинированная, хорошо организованная армия, с большой инициативой и творческим подходом к стратегии и тактике. Но обмундирование, особенно обувь, было из рук вон плохим.

Наша поездка по фронту

Наше пребывание на фронте совпало по времени с подготовкой генерального наступления турецкой армии

(март—апрель 1922 г.). Перед отъездом наши сотрудницы сшили мешочки для подарков аскерам. В мешочки вложили предметы солдатского обихода: нитки, иголки, пуговицы, табак, сахар и пр. На мешочках удалось напечатать на турецком языке: «Турецкому солдату от Красной Армии Советской России». Подарки раздавали мы сами в полках после митингов и парадов. Они имели большой успех.

Сохранились мои записи о поездке по фронту. Разрешаю себе их привести, как документ того времени, в котором отражены впечатления от виденного и слышанного.

Посещение нами полевого штаба Мустафы Кемаля-паши было вызвано тремя причинами: ввиду долговременной отлучки Мустафы Кемаля накопился ряд вопросов, требовавших его личного разрешения; необходимо было обсудить предложение Антанты о перемирии, и это делало свидание с ним настоятельно необходимым, тем более, что сам Кемаль-паша хотел обменяться с нами мнениями по этому предложению; наконец, мне представлялась возможность познакомиться с армией новой Турции.

27 марта в 7 часов утра в особом вагоне мы отправились со станции Анкара по железной дороге до станции Бичар, находящейся приблизительно на расстоянии 50 километров.

Пулатлы — Бичар

Длительная остановка была на станции Пулатлы. Мы вышли ознакомиться с местечком, зашли в чайхану и там неожиданно встретили татар, когда-то переселившихся из Крыма и не забывших еще русского языка. Хотя мы и соблюдали инкогнито, население узнавало сразу, что мы из Советской России. Нас пригласили в городское управление. Из беседы выяснилось, что жители городка довольно отчетливо понимают смысл происходящей борьбы с Антантой. После беседы крымские татары повели нас осматривать местные достопримечательности. Показали военную хлебопекарню. Мы обратили внимание на прекрасное оборудование и вкусный хлеб.

К пяти часам вечера приехали на станцию Бичар. Железная дорога и подвижной состав находились в весьма печальном состоянии, особенно на участке, который одно время (до их разгрома) был занят греками. Мост

через знаменитую речку Сакарию был восстановлен на деревянных быках, и поезд двигался по нему почти со скоростью пешехода. Стекла в большинстве вагонов были выбиты. Имелись, правда, «салоны» — наскоро переделанные вагоны третьего класса. На вагонах были знаки Багдадской железной дороги.

Со станции Бичар мы вместе с Абиловым проехали на автомобиле до Сиври-Хисара, покрыв расстояние свыше 100 километров. Дорогой встретились с турецким правительством, которое в полном составе ездило к Мустафе Кемалю-паше на совещание по вопросу о перемирии, предложенном державами Антанты.

Сиври-Хисар. Встреча с Мустафой Кемалем и Исмет-пашой

В Сиври-Хисар приехали в 8 часов утра. Встреча носила торжественный характер: почетный караул, оркестр, толпа народа, факелы. В Сиври-Хисаре был расположен штаб корпуса под командой полковника Ариф-бея.

Здесь находились Мустафа Кемаль-паша и командующий западным фронтом Исмет-паша. Мы были немедленно приняты ими. Нам предложили угощение, ужин. Беседа шла вокруг выдвинутых западными державами условий перемирия, причем оба наших собеседника высказывались об этих условиях резко отрицательно. Завязался разговор и о взаимоотношениях с Россией, о нашей гражданской войне.

Зная, что я участник гражданской войны, собеседники засыпали меня вопросами. Беседа затянулась далеко за полночь.

Я подробно охарактеризовал тяжелые условия нашей четырехлетней борьбы с интервентами и белогвардейцами на многочисленных фронтах, рассказал о победах Красной Армии. Особый интерес вызвали мои сообщения о наших командных кадрах, вооружении, связи, военном транспорте, обмундировании красноармейцев. Настойчиво расспрашивали меня о комиссарах: не мешали ли комиссары командирам при отдаче боевых приказов? Много вопросов было задано о В. И. Ленине, М. В. Фрунзе. Ответы мои по существу вылились в доклад о жизни и борьбе молодой Советской страны.

Сейчас, когда я пишу воспоминания, передо мной встает как живой Мустафа Кемаль-паша, я вижу его внимательный взгляд, чувствую прикосновение его руки,

когда он просил разъяснить непонятное. Иногда он обращался с вопросами и к Абилову.

Вспоминать весь мой рассказ нет необходимости. Суть его для советского читателя ясна. Я подчеркивал громадное значение политической работы в армии. Политическое воспитание бойца, говорил я, решало вопрос о победе. Очертил я ведущую роль в Красной Армии нашей Коммунистической партии, В. И. Ленина как гениального военного стратега, организатора победы над интервентами и мятежными царскими генералами, крупного знатока военного дела.

На следующее утро мы отправились знакомиться с городом Сиври-Хисар.

Знакомство с городом Сиври-Хисар

Побывали на занятиях в народной школе низшей ступени. Картина представилась довольно безотрадная: дети на занятиях сидели прямо на полу — не было мебели. Во время урока пения ребята исполняли песни в честь Мустафы Кемаля и декламировали стихотворения. При выходе из школы мы от имени Советской России передали учителю-мулле некоторую сумму денег на подарки детям. Растроганный учитель прослезился, припав к моему плечу, и долго жаловался на полное отсутствие учебников и пособий.

Город Сиври-Хисар имеет заслуги в национальной борьбе: на средства его граждан был куплен самолет, отправленный в подарок фронту. Во время нашего посещения этот самолет летал над городом.

В 1921 году, когда греки наступали, Сиври-Хисар был захвачен ими, но пострадал сравнительно мало, так как греческие войска под давлением турецкой армии вскоре вынуждены были отступить.

Городок очень древний, старее Анкары. Здесь находится могила какого-то султана. Ветхая мечеть совершенно заброшена, запущена. На наш вопрос о причинах такого пренебрежения к старой мечети мулла ответил, что государство не помогает, не отпускает средств. Наше замечание о том, что забота о мечети является делом верующих, он оставил без ответа.

Штаб 41-й дивизии в деревне Бытык

Около полудня мы выехали на автомобиле в ставку западного фронта — город Акшеир. На одном автомобиле ехал Мустафа Кемаль-паша, на втором — я с переводчиком и ту-

Мустафа Кемаль и Исмет-паша обходят войска.

рецким офицером, на третьем — Абилов. Ехали вдоль фронта, мимо дивизий, стоящих в резерве. В деревне Бытык стоял штаб 41-й дивизии, под командованием подполковника Мутад-бея. Снова торжественная встреча, оркестр, угощение. Разговор с офицерами, естественно, вертелся вокруг той же темы — о предложенном перемирии. Начальник дивизии уверял, что все офицеры и аскеры горят желанием защищать Турцию от посягательств Антанты, что все они отвергают перемирие.

После беседы отправились дальше. По дороге наблюдали занятия частей дивизии. В общем войска выглядели неплохо, обмундирование было сносное, но обуви, можно считать, почти не было. Аскеры носили мягкие туфли — чарыки. По окончании осмотра отправились в город Азизия, где стоял штаб 2-го корпуса под командованием Салахеддина Адиля-паши.

Буллаведдин. Посещение штаба 2-й армии

Следующая остановка была в Буллаведдине. Встретили нас представители 16-й отдельной дивизии. Здесь мы тоже присутствовали на занятиях. По приказу Мустафы Кемаля была произведена учебная атака. Мне сно-

ва бросилось в глаза отсутствие у солдат обуви, а обмундирование было много хуже, чем в 41-й дивизии. Во время смотра частей познакомились с командующим 4-го корпуса Кемаль-беем и другими высшими офицерами.

Шоссейная дорога от станции Бичар до местечка Чай, где проходит линия Багдадской железной дороги, была доступна для автомобилей лишь в сухое время. В дождливое время она превращалась в сплошное болото. Большей же частью нам приходилось ехать по грунтовой дороге.

Караванов в пути попадалось мало. Но те, которые встречались, тянулись на версту, если не больше. Верблюды, связанные друг с другом длинной веревкой, медленно шествовали один за другим. Нагружены были верблюды корзинами со снарядами.

Мустафа Кемаль-паша говорил:

— Вот он, наш турецкий военный транспорт. Не то у греков — их Англия вволю снабжает всем необходимым и настоящим военным транспортом. А все-таки мы их бьем и разобьем!

Никаких указательных знаков на дороге не было. В случае надобности направление указывали часовые. Дорога носила следы ожесточенных боев. Проехали несколько мусульманских деревень, разрушенных греками.

Штаб 1-й армии

Местечко Чай, где находился штаб 1-й армии, расположено у подножия хребта Султан Даг. Встретили нас здесь с особенным почетом. Деревня была украшена флагами, крестьяне тепло приветствовали.

Принял нас в своем кабинете командующий 1-й армией Али Ихсан-паша, пользовавшийся славой одного из лучших командиров. В прошлом он, насколько известно, был сторонником Энвера-паши. Ихсан-паша, изящный, с подкрашенными усами, производил впечатление вылощенного генерала. Внешне весьма любезный, улыбающийся, он, однако, мало располагал к себе выражением самодовольства, хитро прищуренными глазами, надменным взглядом. Через несколько дней, произошел один характерный инцидент: после смотра были устроены игры, из рядов вышел один солдат и начал читать приветствие в честь Мустафы Кемаля на арабском языке. Али Ихсан удалил солдата ударом плетки. Это произ-

вело неприятное впечатление. Мустафа Кемаль-паша тоже это заметил. Впоследствии выяснилось, что Ихсан-паша был связан с реакционной оппозицией. После нашего отъезда с фронта Мустафа Кемаль, как мне рассказывали, снял Ихсан-пашу с должности командующего 1-ой армии.

К ужину были приглашены все офицеры штаба. На этот раз обошлось без речей. После ужина был дан концерт военного оркестра. Сами офицеры играли на национальных турецких инструментах. Перед каждым из гостей лежали карточки: меню и программа концерта.

Ставка главнокомандующего Гази Мустафы Кемаля

Мы вернулись на станцию Чай и оттуда поездом выехали в Акшеир, где находился полевой штаб главнокомандующего Мустафы Кемаля-паши и штаб западного фронта. По аллее на протяжении целой версты от станции до дома Мустафы Кемаля-паши были выстроены солдаты. После парадной встречи на вокзале мы ненадолго заехали в штаб и затем отправились в приготовленное для нас помещение.

Акшеир — небольшой уютный городок, весь в зелени. Штаб размещен в лучшем доме, обставленном по-европейски, со всеми удобствами.

Город Акшеир греками не был захвачен, но много домов в окрестностях города разрушено артиллерийским обстрелом.

Утром мы побывали на кладбище Акшеира, где находится гробница «возмутителя спокойствия» Насреддина-эфенди, турецкого народного сатирика. Гробница очень почитаема, возле нее всегда толпится народ, к ней устраиваются целые паломничества. Когда мы осматривали гробницу, вокруг нее стояли турчанки в чадрах, много было военных. Офицеры оживленно разговаривали. Показали нам широкое углубление в гробнице. По преданиям, оно возникло от того, что поклонницы Насреддина слишком усердно целовали гробницу — образовалась выемка в мраморе. Боясь, что в конце концов надгробие будет разрушено, власти огородили его решеткой.

Гробница испещрена надписями, большей частью изречениями самого Насреддина. Нам перевели некоторые из них: «Лжи никогда не дано восторжествовать над на-

родом, правда победит»; «Над памятью народа нет власти». Сопровождавший нас турок добавил к последнему изречению: «Нет власти ни султана, ни эмира, ни богатея». Некоторые говорят, что под этой гробницей в могиле никто не лежит, что лукавый Насреддин нарочно поставил сам себе надгробье и, распустив слух о своей смерти, отправился скитаться дальше.

Вечером Мустафа Кемаль много рассказывал о похождениях Насреддина, о том, как он изобличал коварство султана, ходжей, богачей. Все это было очень занимательно.

Мы побывали с визитом у Исмет-паши, остальное время провели в штабе Мустафы Кемаля. Вечером совершили поездку в ближайшее село, где жили греки.

Мужчин-греков осталось очень мало. Среди населения преобладали женщины. Наш приезд вызвал большой подъем. Все жители села высыпали на улицу, и наш автомобиль был окружен густой толпой. Местные власти пригласили нас к себе. Когда мы заговорили о перемирии и осведомились, было ли в селе собрание по этому вопросу, нам ответили, что собрания не было, — боялись созывать его по собственной инициативе.

Мустафа Кемаль-паша о перемирии

Перед ужином в кабинете у Мустафы Кемаля-паши состоялась долгая беседа о политическом положении Турции, о предложенных державами Антанты условиях перемирия и о предполагаемом ответе турок. Мустафа Кемаль прочел проект ответа, составленный советом министров и им самим. Он рассказал, что некоторые из приехавших в ставку министров, особенно министр финансов и депутат меджлиса от Трапезунда Хасан-бей, отстаивали необходимость подчиниться Антанте ввиду тяжелого положения турецких финансов. Мустафа Кемаль возражал, доказывая, что турецкий народ против подчинения империалистам, что Советская Россия помогла и будет помогать и поэтому не следует идти на уступки империалистам. Рост силы турецкой армии, ее победы, раздоры в среде империалистов — вот причины, по которым Антанта предложила перемирие. Нужно идти до конца и изгнать интервентов со священной турецкой земли — таков был вывод Мустафы Кемаля.

Ответ был составлен в духе, указанном Мустафой Кемалем. В вежливом тоне, с выражением благодарности

за предложенное перемирие турецким правительством были выставлены условия, далеко расходившиеся с предложением трех великих держав.

В дружеской беседе мы коснулись также внутреннего положения Турции, говорили о необходимости реформ, работы в Сирии и Месопотамии. Неожиданно Мустафа Кемаль вернулся к нашему разговору в ставке западного фронта о роли и значении Коммунистической партии в Советской России. Он сказал:

— У вас в России боевой, заслуженный рабочий класс — на него можно и должно опираться. А у нас нет рабочего класса, слишком мал его удельный вес по сравнению с крестьянством. У вас развита промышленность, у нас она ничтожна, можно пересчитать по пальцам заводы и фабрики.

На следующий день армия праздновала годовщину своего создания и победы. Мною было составлено и послано приветствие на имя Мустафы Кемаля-паши. Товарищ Абилов сделал то же самое. Послание о годовщине было направлено нами представителям Бухары и Афганистана в Анкаре.

Мустафа Кемаль-паша ответил приветствием в адрес Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Затем при нас состоялся доклад начальника полевого штаба турецкой армии. Была получена телеграмма от одного из курдских вождей с выражением преданности и готовности исполнять приказания Мустафы Кемаля-паши. Мустафа Кемаль рассказал нам историю знакомства с этим вождем, о том, как из врага он сделал его своим другом и теперь опирается на него в работе с Курдистаном. Вообще Мустафа Кемаль в отношении к вождям, где бы ему с ними ни приходилось встречаться — среди ли кочевых племен, в Анатолии или в арабских районах, — везде старался привлечь их умелым обращением.

Парад 1-й армии

На следующий день мы в автомобилях отправились в деревню Чай, в штаб 1-й армии, где должен был состояться торжественный парад войск. Ехать пришлось все время по подножью хребта Султан Даг, дорога пролегала среди фруктовых садов. В нескольких километрах от деревни нас встретил командующий 1-й армией.

Приехав в ставку командующего, мы переоделись и отправились на парад. Всем нам предоставили верховых

лошадей. Со мной был военный атташе, ожидавший меня в Акшеире, куда он выехал для раздачи подарков турецким солдатам.

По пути к выстроенным на парад войскам я спросил Мустафу Кемаля-пашу, будет ли он произносить речь о значении армии и если будет, то не согласится ли он предоставить слово и мне для поздравления турецкой армии от имени Советской России. Он ответил, что в настоящее время опасается вводить политику в армию, раздувать политические страсти и что в армии речей не произносят. Я напомнил ему свой рассказ о политическом воспитании Красной Армии, которое делает ее более сознательной и тем самым более крепкой, дисциплинированной.

— Армия все равно всегда является армией той или другой политики,— сказал я,— следовательно, ее нужно к этому готовить, вести определенную политическую, воспитательную работу.

Подъехав к фронту, Мустафа Кемаль-паша приказал позвать к себе всех старших офицеров и произнес речь о значении праздника, передал старшим начальникам поздравления от меня и Абилова, с тем чтобы они довели наши поздравления до младших офицеров, а те передали их солдатам. Это было начало — на следующих смотрах войск Мустафа Кемаль уже сам обращался с речами к солдатам и просил выступать и нас. Затем Мустафе Кемалю-паше были представлены три дивизии: 57-я, 15-я и 23-я. Дивизии выглядели в общем хорошо. Обмундирование было довольно пестрое, но исправное, обувь же отсутствовала и здесь. Вооружение у двух дивизий было немецкое, а у одной — русское. В общей сложности в трех дивизиях было до 15 тыс. бойцов. Лица у солдат усталые — они долго ожидали нашего приезда и пришли на парад из далеких деревень. Мустафа Кемаль объезжал войска и здоровался с ними. Солдаты отвечали дружно и уверенно. Позади пехотных дивизий были расположены артиллерийские части: легкая, горная и тяжелая батареи. По окончании объезда части прошли церемониальным маршем. Все это продолжалось не более двух часов. После прохождения части располагались на отдых тут же в поле. Когда кончился парад, нас отвели в особо приготовленную палатку, где предложили чай и кофе.

На фронте. Мустафа Кемаль, Исмет-паша и советский полпред С. И. Аралов (шестой слева).

Начались игры для солдат, песни, пляски, борьба, разные состязания на призы. Перетягивали канат. Состязались на скорость съедания хлеба, раздевания, одевания, бега и т. д. Перед началом игр вышел перед фронтом мулла, прочел молитву, после которой было произведено жертвоприношение 10 баранов. Баранов мулла резал перед нашей палаткой. По окончании солдатского праздника и после отдыха нас пригласили в штаб армии на ужин, который прошел в присутствии всех старших офицеров. Стол был сервирован в большом сарае, украшенном зеленью и национальными флагами. Играли два оркестра: духовой и составленный из национальных турецких инструментов. Во время ужина состоялся обмен дружественными речами.

Солдатские игры и спектакль

После ужина был дан спектакль в сарае, освещенном электричеством, для чего приспособили автомобильный мотор. Все это напоминало мне спектакли в нашей Красной Армии. Солдаты чувствовали себя здесь более свободно. Весь спектакль состоял из ма-

леньких патриотических пьес на современные темы. Читались стихи, восхвалявшие борьбу народа за независимость Турции. Был ряд комических номеров и сценок. В заключение была поставлена пьеса о двух муллах, где жесточайшим образом высмеивались невежество и алчность духовенства. Эта пьеса имела большой успех, среди солдат не умолкал хохот. Последний акт довольно ярко характеризовал отрицательное отношение офицерства к муллам.

Потом солдаты пели песни патриотического содержания. В честь Мустафы Кемаля-паши была устроена дружная манифестация. Чувствуя бодрое настроение присутствовавших в зале и в то же время воздерживаясь от не согласованных заранее выступлений, мы с товарищем Абиловым зааплодировали, обращаясь к Мустафе Кемалю-паше. Это вызвало гром аплодисментов всех присутствующих, взрыв энтузиазма. Празднество продолжалось до полуночи.

На следующий день мы посетили несколько детских приютов, где только что был совершен обряд обрезания мальчикам лет пяти-шести. Нас привели в помещение,

Посещение приютов

где дети лежали на полу, вид у них был довольно жалкий, некоторые стонали. Как выяснилось, это были брошенные на произвол судьбы дети-сироты, которым в раннем детстве не было сделано обрезание. Они попались в лапы мулл, которые и поспешили произвести эту операцию.

Мы выехали на станцию Чай и поездом вернулись в Акшеир. В пути во время бесед с Мустафой Кемалем снова возник вопрос об отсутствии политической и культурной работы в турецкой армии. Мы отметили, что в армии нет газет. Мустафа Кемаль-паша ответил, что у них для этой цели нет средств, — офицеры и солдаты даже жалования не получали уже несколько месяцев. Нет и свободных типографий в стране.

— Если бы вы оказали нам в этом помощь,— сказал Кемаль-паша,— мы приняли бы ее с большой благодарностью.

Он позвал начальника штаба и вместе с ним подсчитал, сколько потребуется средств для постановки политико-просветительной работы в армии. Для выпуска газет и журналов нужны были хотя бы две маленькие

передвижные типографии и одна большая, при штабе западного фронта. Надо было бы приобрести кинематограф. Все это вместе должно было стоить в год около 100 тыс. турецких лир.

Я сказал Кемалю-паше, что у меня такой суммы нет, но обещал более скромную сумму — тысяч двадцать лир.

Встал вопрос и о турецкой академии генерального штаба. Мустафа Кемаль рассказал, что у них есть маленькая организация при штабе, где читаются лекции офицерам и штабным работникам. Открытие академии генерального штаба здесь, на фронте, сказал я, было бы полезной демонстрацией в адрес Константинополя. Мысль эта Мустафе Кемалю очень понравилась, и он отдал соответствующее приказание Исмет-паше.

Когда Мустафа Кемаль вернулся с фронта, он прислал за своей подписью письмо с напоминанием о моем обещании вручить командиру западного фронта Исмет-паше некоторую сумму денег для организации типографии. Привожу это письмо:

Председатель ВНСТ
Особая канцелярия
№ 6/187

Анкара, 20 апреля 1922 г.
Представителю Российской Советской Республики товарищу Аралову

Десять тысяч лир, составляющих часть суммы, даруемой Вами командующему западным фронтом Исмет-паше на приобретение для действующей армии типографии, прошу выдать командируемому Комиссариатом Национальной обороны офицеру для вручения Исмет-паше.

Председатель ВНСТ Главнокомандующий
(факсимиле) Мустафа Кемаль.

— Знаете ли вы,— обратился как-то Мустафа Кемаль-паша ко мне и Абилову в одном из разговоров,— что неподалеку от Акшеира есть русское село Джигидия. Хотите съездить туда? Я вам дам проводника.

Русское село Джигидия в Анатолии

— Как — русское село? Откуда?

— Очень просто. При вашем царе Николае I преследовали религиозные секты. Казнили, сажали в тюрьмы, ссылали сектантов. Были секты и на юге России. Верующие, скрываясь от преследований царской власти, подались в Румынию, а оттуда — в Турцию. Мусульманская Турция их приютила, дала им землю.

В Джигидии мы увидели широкие улицы, хорошие хаты, высокие, с деревянными и железными крышами, с аистами на крышах и у старинных колодцев. Приезд двух машин вызвал замешательство среди жителей села. Многие попрятались в хаты. В середине села мы остановились. К нам подошли два степенных, с большими рыжими бородами крестьянина.

Когда они узнали, что приехал посол из России, они почтительно поклонились нам. Один из них крикнул собравшимся мальчишкам: бегите, зовите отцов, чтобы шли сюда! Из всех хат стали выходить люди, не только мужчины, но и женщины, одетые в кофты с расписными обшивками и юбки с красиво вышитыми каймами.

Повели нас в большую хату, к старосте и усадили. Началась беседа на самом настоящем русском языке с оттенком старинного русского говора. Староста поведал нам, что живут здесь русские очень давно. Это были некрасовцы[24]. Они рассказали, что русские обосновались и в других селах у моря, занимаются рыболовством. Турки особенно не притесняли, но все же кое в чем прижимали. Некрасовцы сохранили русские нравы и обычаи. Только одна жительница ушла к туркам — вышла замуж за мусульманина.

Все жители Джигидии — старообрядцы, чтят посты. России они не помнят, хотя русский язык знают лучше, чем турецкий. Одежду носят русскую. Бород не бреют. Отцы и деды — выходцы из Кубани, Дона и частью из Самарской губернии. Некоторые так и называют себя некрасовцами. Читают только по древнеславянскому письму, мало кто знает современную грамоту. В селе была молельня со старыми иконами и небольшая церковь, хранящая иконы глубокой старины и большой ценности. Служил в церкви выборный дьякон Клим Яковлев. В то время в деревне насчитывалось до 60 дворов.

Некрасовцы подробно расспрашивали о жизни в Советской России. Выражали желание вернуться на Родину.

---

[24] Некрасовцы — секта, существовавшая среди донских и кубанских казаков, примыкавшая к расколу поповского толка. После подавления Булавинского восстания (1708 г.) сектанты перебрались под руководством Игнатия Некрасова на Кубань, а позднее в Турцию. Некрасовцы упоминаются А. С. Пушкиным в повести о Кирджали.

Запомнился один курьез. Когда мы вышли на улицу и наш военный атташе, предложив крестьянам сфотографироваться, приготовил фотоаппарат, все женщины с криком «потянет, потянет!» бросились врассыпную. Они никогда не видели фотоаппарата, фотокарточки. И когда увидели, что Звонарев глядит на них через трубку и что-то делает руками, вообразили, что он собирается втянуть их в расставленный на треножнике аппарат.

Жили некрасовцы обычаями начала XVIII века. В школе шли занятия по псалтырю. Дети нараспев, хором повторяли слова за учителем в длинной черной, вроде подрясника, поддевке. Востроглазые мальчики поглядывали на нас с большим интересом, хотя наставник и не позволял им отрывать глаза от книги.

Наши собеседники рассказывали, что некоторые из крестьян довольно-таки основательно тянут турецкую раки (водку). Теперь некрасовцы —уже турецкие подданные, молодежь их служит в турецкой армии. В начале переселения у них было много земли, но с течением времени турки начали ее отбирать. Суд стал на сторону турок. Находившиеся близко кочевые племена, бегущие с фронта дезертиры нападали на селение, грабили, насильничали. Военные султанские власти забирали повозки и лошадей для армии. Все это создало довольно тяжелую обстановку, и у жителей Джигидии появилась большая мечта — вернуться на Родину. Наш приезд заронил у некрасовцев надежду на то, что это осуществится.

Через некоторое время к нам в полпредство приехали выборные от села для переговоров о переезде в Россию. Советское правительство разрешило некрасовцам переселиться на Родину. Им были отведены земли на Кубани. Только небольшая часть крестьян из числа зажиточных осталась в Турции.

В 8 часов вечера состоялся банкет в честь нашего прибытия в штаб западного фронта, данный Исмет-пашой. Карточки меню были украшены рисунками, их делали сами офицеры. Мустафа Кемаль-паша и Факри [25] предложили тосты за Советскую Россию, Ленина и Красную Армию. Я провозгласил здравицу за Кемаля-пашу, турецкую армию, Исмет-пашу.

Банкет у Исмет-паши

[25] Так значится в моей записи. Это, по-видимому, был командир кавалерийского корпуса — Фахри-паша.

Вечер мы провели вновь у Мустафы Кемаля. Пришло известие о выезде Юсуфа Кемаля-бея в Анкару, из Европы. Из Анкары был получен текст нового обращения Антанты к Турции, где указывались условия мира в духе Севрского договора. Нам с Абиловым это обращение было передано Мустафой Кемалем.

— Сперва,— сказал он,— дадим общий ответ на предложение о перемирии, а затем ответим на эти каторжные условия.

Во время нашей беседы пришли приветственные телеграммы по случаю годовщины турецкой армии от Бухарского и Афганского посольств. Приветствие афганского посла было составлено в панисламистском духе, от «всего мусульманского народа», говорилось и о «последней борьбе с неверными христианами» и т. д. Приветствие не понравилось Мустафе Кемалю. Он хотел было отослать его обратно, мы же посоветовали поместить его в газетах в сокращенном виде. Но было уже поздно: оно появилось целиком в только что вышедшей газете.

Речь Мустафы Кемаля-паши

На одном из офицерских банкетов, устроенных в честь годовщины армии, Мустафа Кемаль-паша произнес большую речь. Он проанализировал положение на фронте, затем остановился на реформах в самой Турции, на ликвидации условий Севрского договора, на борьбе с султанским халифатским реакционным правительством.

Кемаль-паша неоднократно подчеркивал в своем выступлении значение благоприятно развивающихся русско-турецких отношений и помощи, которую оказывает Советская Россия турецкой армии.

— То, что греки и Антанта настаивают на перемирии,— говорил Мустафа Кемаль,— свидетельствует об успехах, достигнутых турецкой армией. Наши победы над греками при Иненю и Сакарии показали силу новой, национально-единой, сплоченной Турции. Спокойствие же в тылу — на севере и востоке — полностью обеспечено дружбой с Советской Россией, ее щедрой и бескорыстной помощью. В этом тоже,— отметил Мустафа Кемаль,— проявляются наши устойчивость и сила. Англии и другим империалистическим государствам это не по душе. Они не раз подсылали своих агентов, чтобы рассорить нас

с Россией, но это им никогда не удастся. Наша свобода и сила зависят от дружбы с Советской Россией. Это надо всегда помнить,— подчеркнул Мустафа Кемаль-паша.— Англия боится полного разгрома греков, и Керзон спешит убедить нас, пока не поздно, пойти на перемирие с греками. Даже идут на большее — обещают освободить и некоторые другие занятые районы Анатолии. Но мы изгоним неприятеля со всей территории нашей Родины. Наша главная задача, так же как и задача всей страны и всей нации, заключается в том, чтобы с оружием в руках разгромить и выгнать врагов, находящихся еще на турецкой земле.

— Некоторые враждебные и слабые люди,— продолжал Мустафа Кемаль,—впадают в панику, твердят, что армия, мол, не сможет, не способна наступать. Но мы знаем, что турецкая армия сильна и что она победит. Мы это доказали под Иненю и Сакарией и докажем, что турецкая армия и впредь будет способна к защите нашей независимости.

Мустафа Кемаль-паша говорил о том, что по всей стране кипит работа по укреплению национальных организаций новой Турции. Но в Стамбуле «султанское правительство и его приспешники состоят из редкостных экземпляров человеческой породы, известных своей безнравственностью, своими грабежами, воровством национального достояния. Своими черными делами они хотят разложить нацию и отдать ее на растерзание хищникам империализма...». Это подлинные слова Мустафы Кемаля.

— Султанские министры,— говорил он,— продажны. Они за английские фунты и американские доллары готовы продать национальную независимость и жизни самих турок в интересах империалистов.

Эту свою знаменательную речь Гази Мустафа Кемаль произносил спокойно и уверенно, но не стеснялся в резких выражениях по отношению к врагам нации, особенно к английским империалистам.

Перед отъездом с фронта мы побывали еще в гостях у командира пехотного корпуса генерала Кязым-паши. Он очень радушно нас принял, рассказал о работе в армии.

— Поверьте,— сказал он,— большие были трудности при создании армии. Ведь ничего не было, кроме отдель-

ных, разрозненных отрядов. Справедливость требует отдать должное Гази Мустафе Кемалю-паше. Многие не верили, что наша группа офицеров во главе с Кемалем-пашой добьется изгнания интервентов и захватчиков и обеспечит полную независимость нации и территориальную целостность Турции в ее национальных границах. Мы же верили, что никакая сила не сможет преградить нам путь к свободной Турции.

1 апреля рано утром мы выехали на смотр кавалерийского корпуса, находившегося в городе Ялык. К нашему приезду корпус был выстроен в поле. Он состоял из трех кавалерийских дивизий: 2-й, 4-й, 14-й. Командир корпуса Фахри-паша считался храбрым кавалеристом, знатоком своего дела. Турки сравнивали его с нашим С. М. Буденным. Подъехав к полю, мы сели на поданных верховых лошадей и объехали фронт. Вид кавалеристов был значительно бодрее, чем пехоты. Обмундирование — однообразнее, у большинства всадников имелась обувь. Лошади хорошие, но разномастные. Общая численность корпуса — до 6 тыс. сабель (сабли — в переносном смысле слова, так как их не хватало). Со всеми командами — артиллерийской и пулеметной, насчитывалось до 8 тыс. коней.

Смотр кавалерийского корпуса

Командир конного корпуса Фахри-паша при приближении Кемаля подъехал к нему с поднятой шашкой, отрапортовал. Корпус прошел рысью перед Гази Мустафой Кемалем-пашой. После парада и небольших маневров Кемаль-паша собрал полки и произнес речь.

— Солдаты,— сказал он,— перелом в войне произошел в пользу Турции. Мы бьем греков, посланных на убой англичанами. Английские империалисты хотят нас истребить, но это им не удастся. Турецкий народ и турецкие солдаты поднялись на борьбу за свою независимость и выгонят врагов с нашей священной земли, как их выгнали русские. Здесь с нами посол Советской России. Попросим его сказать несколько слов...

Не знаю, хорошо ли я сидел в седле, по всем ли кавалерийским правилам, но мой конь стоял смирно. Все взоры обратились ко мне. Рядом со мной был И. Абилов.

— Храбрые и доблестные аскеры,— начал я,— передаю вам боевой привет от солдат Красной Армии.

Кемаль что-то сказал Фахри-паше, тот взмахнул рукой, и его кавалеристы прокричали здравицу Красной Армии. Я продолжал:

— Ваш Гази Мустафа Кемаль-паша сказал, что русские солдаты и советский народ выгнали со своей родной земли империалистов 14 стран, в том числе и греков с Украины, и освободили свою Родину. Русские рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки и строят новое государство. Желаю и вам, дорогие друзья и товарищи, одержать победу над врагами новой Турции, освободить свою дорогую землю, вернуть города Измир и Стамбул. Красная Армия уверена, что вы своей доблестью прославите армию и независимую Турцию!

Мои слова были снова покрыты приветственными возгласами. Фахри-паша просил меня от имени конного корпуса передать привет С. М. Буденному.

После парада командующим корпусом был дан обед. Затем мы поездом отправились в Конию. Тепло простились с Исмет-пашой, который не согласился на все наши просьбы поехать с нами в Конию, оставшись верным своему обычаю не уезжать далеко от фронта.

Приезд в Конию

— Вот и Кония! — сказал Мустафа Кемаль-паша. Было видно, что он несколько взволнован. Это могло быть объяснено тем, что год назад в Конии было восстание против Великого Национального Собрания Турции. В восстании принимали участие местные муллы, особенно секта Мавлеви. Мустафа Кемаль рассказал нам о мятежных делах в Конии. Был такой мятежник-бандит Делибаш; во главе 500 дезертиров он занял Конию, захватил власть. Ему помогали муллы. Посланная кавалерийская часть освободила Конию, бандиты бежали. Делибаш укрылся у французов.

Когда мы вышли из вагона, было уже темно. Солдаты разных воинских частей, выстроенные почетным караулом, держали зажженные факелы. Вся площадь перед вокзалом была запружена народом. При выходе Мустафы Кемаля из вагона раздался гром рукоплесканий. Мустафа Кемаль медленно обошел войска, здороваясь с ними. Кроме воинских частей, нас встречали с факелами и флагами ученики мужских и женских семинарий и даже духовных школ. Когда мы вышли из вокзала, толпа, прорвавшая цепь делегаций, окружила

нас. Лазы из охраны Мустафы Кемаля хотели очистить дорогу, разогнать толпу, но он воспротивился этому. Все время раздавались рукоплескания и возгласы: «Да здравствует Мустафа Кемаль-паша!».

Нам подали коляску. Двигались мы с трудом — вся улица по пути от вокзала также оказалась запруженной народом. Толпа долго не расходилась после того, как мы вошли в отведенное нам помещение, и все требовала выхода к ней Мустафы Кемаля. Мустафа Кемаль сказал несколько приветственных слов, которые были встречены всеобщим восторгом. И мне была предоставлена возможность передать приветствие от имени Советской России и пожелать Турции победы и независимости. Говорил и товарищ Абилов. В своих выступлениях мы указали на разницу между теперешним турецким правительством и прежним, султанским, являющимся игрушкой в руках Антанты. Речи наши были встречены очень тепло.

После ужина приходило довольно много военных, общественных деятелей, чтобы приветствовать Гази Мустафу Кемаля-пашу и советского посла. Мустафа Кемаль приказал отпечатать на гектографе две обширные ноты Антанты и раздавал их приходившим военным и гражданским лицам, требуя от них представления через некоторое время своих соображений по этим нотам.

В этот же день мы посетили две духовные семинарии (медрессе). Во дворе семинарий были выстроены ученики, будущие муллы, здоровые, крепкие, большей частью молодые люди. Около них — целый сонм мулл, ходжей, в широких халатах, в белых и зеленых чалмах. Они подобострастно кланялись Кемалю. Один из главных ходжей, очень влиятельный среди духовенства, обратился к Мустафе Кемалю с просьбой разрешить увеличить число семинарий. Он просил также о том, чтобы учеников не забирали по мобилизации.

Духовные семинарии

Кемаль явно сдерживался во время речи ходжи, но когда вопрос зашел об освобождении семинаристов от призыва в армию, он не выдержал и резко, повышенным тоном сказал:

— Что же, для вас дороже медрессе, чем победа над греками, чем освобождение нации от гнета?! Откармливаете молодых, здоровых дармоедов, в то время

как нация обливается кровью, лучшие сыны народа бьются на фронтах, отдают свою жизнь!

Чем дальше говорил Кемаль-паша, тем грознее становились его глаза.

— Завтра же прикажу всех ваших откормленных молодцов забрать в армию,— заявил он. Муллы притихли, но их лица пылали гневом: в присутствии иностранцев, русских, так резко с ними обращался глава правительства.

— Идемте,— обратился Мустафа Кемаль-паша к нам,— здесь нам больше нечего делать. И, сделав общий поклон, он удалился.

В автомобиле Мустафа Кемаль еще долго не мог успокоиться.

— Кончится война,— говорил он,— тогда поговорим с ними по-серьезному. Прежде всего их надо лишить финансовой базы — вакуфов[26]. Огромное количество земли, что-то около двух третей всех земельных угодий в стране, а может и больше, является вакуфами. Это источник существования мулл. Это грабеж крестьян. Мы это прикончим. Имеют еще наглость просить пособий от правительства!

Кемаль рассказал нам о том, что на территории Анатолии насчитывается до 17 тыс. духовных школ, скрывающих от призыва в армию вот таких молодцов, которых мы видели. Это — целый корпус. На мой вопрос, почему до сих пор не призваны в армию ученики медресе, он ответил, что приказ об их мобилизации уже отдан. Этот революционный шаг вызвал большое одобрение среди офицеров, и в последние дни только и было разговоров, что об этом.

Школа кузнецов

— Нам с вами, товарищи, предстоит очень хорошее дело,— сказал Кемаль.— Как раз настало время посетить другую школу, школу кузнецов. Я обещал побывать там сегодня же, там состоится первый выпуск турецких кузнецов. Я вам расскажу в чем дело.

Он приказал шоферу ехать домой. Через час мы должны были быть в школе.

Что такое школа кузнецов? Мустафа Кемаль-паша рассказывал нам о ней с увлечением. Странным пока-

[26] Вакуф — феодальное мусульманское право присвоения духовенством земель, строений, предприятий и пр.

На фронте. Первый выпуск турецких кузнецов. За столом — Мустафа Кемаль-паша. Речь произносит полпред СССР С. И. Аралов.

жется, что в Анатолии среди турок в то время не было своих кузнецов. Лошадей ковали ремесленники — греки, армяне. Теперь греки воевали против турок, с армянами также не было дружбы. Лошади страдали от неумелой ковки. И вот в армии стали создавать краткосрочные школы для обучения кузнечному делу.

Школьное здание имело вид подковы, в нем был устроен ряд кузниц. Обучались там большей частью солдаты, взятые с фронта, и некоторое количество мальчиков-сирот из областей, занятых греками. Стены кузниц были покрыты надписями следующего содержания: «Священ пот рабочего в труде», «Сила стальной армии в производительном труде», «Трудящихся бог любит», «Труд есть молитва», «Сперва молот и пот в труде, а потом развлечения», «Промышленность и ремесло — костяк народа».

Посреди двора школы была разбита для нас палатка. Перед Мустафой Кемалем, мной и Абиловым поставлены были столики с украшениями. Первым произнес речь начальник школы — капитан. Он сказал, что школа дает опытных кузнецов для армии, главным образом для кавалерийских частей. В этот день был выпуск первых тридцати учеников.

Затем выступил начальник снабжения западного фронта Кязым-бей, бывший посол в Грузии при меньшевиках. Он говорил об истории школы, организованной отделом снабжения фронта, благодарил гостей за посещение ее.

Затем слово было предоставлено Мустафе Кемалю-паше. Он говорил о глубоком различии между старой Турцией и новой, указал на то, что старое, султанское правительство презирало труд, брало все готовым у Запада, считало низким делом развивать в народе любовь к труду. Мустафа Кемаль привел в качестве примера одного султана, пожелавшего, чтобы его лошадь подковывал не турецкий кузнец, а австрийский.

После осмотра слово было предоставлено мне, потом товарищу Абилову. В своей речи я сказал, что школа кузнецов символизирует молодую Турцию, которая кует свою независимость и не даст себя покорить Антанте. Затем началась раздача аттестатов. Мы были приглашены принять в этом участие. По нашему советскому обычаю, я говорил каждому выпускнику короткое напутственное слово. Одному из учеников я пожелал: «Пусть подкованный тобою конь первым войдет в Константинополь вместе с доблестной революционной турецкой армией». Другому — чтобы его «быстрая лошадка, хорошо подкованная, ворвалась первой в Измир». Слова эти очень понравились всем и быстро облетели весь город.

Мастерские и военно-промышленный завод

Надо отдать должное энергии и самоотверженности, с которыми работали на военно-промышленном заводе, в автомобильных мастерских рабочие, офицеры и солдаты. При страшной бедности, отсутствии самого необходимого эти предприятия оказывали заметную помощь армии, выпуская обувь, одежду, винтовки, сабли.

Конийский театр, состоящий из трех ярусов, занят был под такие мастерские: в первом ярусе работали ткачи, в третьем из сотканного материала шили одежду, во втором — помещались сапожная и шорная мастерские. Всех рабочих было около 150 человек. Начальник и рабочие с любовью делали все для армии и трогательно рассказывали нам о своей работе, нуждах, успехах и стремлениях.

На военно-промышленном заводе чинили пушки, винтовки, оттачивали штыки и делали шашки, которые

так необходимы были армии. Нам показали русскую шашку, присланную сюда Кара Бекир-пашой как образец для производства. Конечно, все делалось очень примитивно. В автомобильном парке стояли брошенные и забытые немцами автомобили, из них выбирали наиболее пригодные части. Тут же помещалась и школа шоферов.

Артиллерийское училище и кадетский корпус

Артиллерийское училище подготовляло молодых офицеров. Мы пришли туда в часы занятий. Мустафа Кемаль дал несколько заданий курсантам, которые ими были выполнены. Очень хорошее впечатление оставил кадетский корпус, в котором занимались юноши из занятых греками областей. Мы присутствовали на уроках арифметики, французского и турецкого языков, истории и географии. В последний день нашего пребывания в Конии учащиеся кадетского корпуса, несмотря на плохую погоду, по собственному почину построились и пришли к занимаемому нами дому, чтобы приветствовать нас песней и музыкой.

Лазареты и больницы в Конии были бедны оборудованием, но содержались чисто; уход за ранеными воинами, их питание были организованы очень заботливо. Мы внесли от имени Красной Армии несколько сот лир на угощение раненых турецких солдат и офицеров. На следующий день мы посетили семинарии, детские приюты, женские учебные заведения. В одной городской школе, типа начального училища мы присутствовали на уроке, который давал мулла. Желая оказать нам почтение, он заставил одного ученика написать на доске приветствие на арабском языке. Мустафа Кемаль довольно резко оборвал муллу и приказал «арабскими глупостями» не заниматься, а написать лучше что-нибудь на турецком языке. Я попросил разрешения Мустафы Кемаля задать вопрос этому ученику: «Кто является в настоящее время хозяином Турции?» Ученик вдруг выпалил: «Султан!». Увидя недоумевающие лица присутствующих, он сбился и начал бормотать что-то несвязное. Мустафа Кемаль рассердился. Сказав, что вместо «арабских глупостей» следовало бы объяснить настоящее положение современной Турции, он ушел из школы. Правда, в других школах мы с подобными фактами не сталкивались.

В Конии женщины, как нам показалось, чувствовали себя значительно свободнее, чем в Анкаре. На улицах мы встречали женщин с открытыми лицами. Многие из них явились с визитом к Мустафе Кемалю и к нам; говорили о тяжелом положении турчанки, о необходимости освободить женщину, повести борьбу с невежеством.

Положение женщины

Трогательно встретили нас в женском приюте, где девочки устроили маленький концерт. Они читали приветствия Советской России в стихах. В женской семинарии ученицы вручили мне карточку с надписью: «Господин посол РСФСР! Мы благодарны Вам от души за Ваше посещение школы девочек-турчанок в Конии и просим Вас передать наш горячий привет нашим сестрам, русским женщинам. Учащиеся Конийской школы-семинарии, 30 марта 1922 г.».

Кония являлась центром старинной секты Мавлеви. Тут жил и глава секты Челеби. Секта эта появилась в Турции лет 700 тому назад. Ее основатель, Джелаледдин Румий, живший с 1207 по 1273 год и происходивший из династии Сельджуков, претендовал на султанский престол и халифат. В городе Конии насчитывалось до 300 приверженцев этой секты. Одеты они были в черные шелковые кафтаны и коричневые шапки. Секта Мавлеви имела приверженцев главным образом среди богатых кругов населения. В 1921 году она участвовала в восстании против Мустафы Кемаля-паши. В отправлении обрядов секты участвуют и женщины. Храм секты Мавлеви в Конии очень красив. В храме находится огороженная резной решеткой гробница Джелаледдина, покрытая богатым, расшитым золотом, покровом. Там же похоронен какой-то султан, приверженец этой секты. Храм весь увешан лампадами из прозрачного стекла.

Секта Мавлеви

В другой части храма происходили моления. Для нас, несмотря на неурочное время, была устроена торжественная служба. После пения молитв перед могилой Джелаледдина 13 членов секты вышли из храма, медленным шагом обошли его вокруг под заунывные звуки лютни, флейты и барабана, затем сняли с себя верхние кафтаны, вышли на середину храма и под более веселые звуки того же оркестра начали пляску. Продолжалась пляска полчаса без перерыва. Она несколько напомина-

ла радения хлыстов в старое время в России. Рассказывали, что при закрытых служениях в этом храме в плясках принимали участие и женщины.

Мы побывали в старинном храме сельджуков. Чудесное здание пострадало от войны, почти развалилось, его подготовляли тогда к ремонту. Другой храм был занят под армейские склады. Вообще из-за нехватки зданий некоторые мечети использовались под склады. В одной из мечетей располагались подготовительные курсы для офицеров. Некоторые минареты мечетей были приспособлены для радио.

В этот же день у Мустафы Кемаля-паши побывал с визитом грек по имени Рум. Рум защищал турок от зверств греков, особенно много сделал он в городе Азизия. Мустафа Кемаль принял его с особым почетом.

Спектакль в учительской семинарии

Вечером мы присутствовали на спектакле в учительской семинарии. В программу входили: «Охотник» — детская пьеса в одном действии; «Дарданеллы» — пьеса в трех актах из времен защиты Дарданелл от англичан; стихи о Родине; «Трагедия в Бруссе» — пьеса о греческих зверствах. Последняя пьеса носила резко шовинистический характер, и это вызвало недовольство Мустафы Кемаля. Он сделал выговор устроителям спектакля за то, что они поставили такую старую вещь, хотя в конце этой пьесы и восхвалялся Мустафа Кемаль как защитник Анатолии от Антанты.

Беседа Мустафы Кемаля-паши с народом

Кемаль-паша пригласил нас прогуляться по городу Конии. Вскоре нас окружила большая толпа народа, простых людей, как можно было судить по одежде. Мустафа Кемаль остановился, и немедленно из толпы посыпались вопросы. Кемаль охотно отвечал. Он подошел к скамейке, сел, опираясь на палку. Расспрашивали его о войне с греками, о Советской России, международных делах, о земле, продовольствии, народном образовании, школах, больницах и даже почему-то о памятниках (памятники не были в обычае у мусульман). Многие жаловались на скудное свое существование. Заводили разговор о женском равноправии, снятии чадры, о султане.

О Советской России Мустафа Кемаль сказал, что теперь «мы с ней друзья». По поводу султанов объяс-

нил, что они вели неправильную политику — только воевали с Россией по наущению Англии, Франции, Германии, Австрии.

— Султаны не жалели народ,— сказал он,— не жалели Анатолии и разорили ее.

Глаза Мустафы Кемаля светились во время этой беседы добротой и лаской. Он дружески брал за руку спрашивающего, отвечал просто, доходчиво и подробно. Собравшийся народ осматривал нас со всех сторон, нас даже ощупывали, как бы проверяя, такие ли мы люди, как все.

Кемаль, улыбаясь, сказал:

— Часто говорят разную чушь о советских людях. Вот смотрите, они здесь, беседуют с вами, только на другом языке. Но мы понимаем с полуслова друг друга, ибо цель у нас одна — сбросить империалистов со своих плеч.

Это была знаменательная беседа. Впервые в истории Турции глава государства откровенно и просто беседовал с народом о народовластии, о насущных делах, интересующих массы.

На этом закончилась официальная часть нашего пребывания в Конии, и мы были предоставлены сами себе. Мы бродили почти целый день по городу. Купцы зазывали нас к себе, угощали чаем и кофе, расспрашивали о России.

Кония — город с более широкими улицами, чем Анкара, с бульваром, каменными домами, допотопной одноклошадной конкой. Настроение населения, под влиянием большого количества мулл, ходжей, медрессе, было более консервативным, чем в Анкаре. Кемаль-паша очень резко отзывался о конийских муллах.

— Муллы,— говорил он с возмущением,— готовы подчиниться англичанам, продать турецкий народ, поклониться «неверным», лишь бы им было хорошо.

Беседа с Мустафой Кемалем-пашой о турецкой армии и о помощи РСФСР

В тот же день мы продолжали деловую беседу с Мустафой Кемалем, который составил окончательный ответ Антанте. Интересно протекал разговор о турецкой армии. Мустафа Кемаль отмечал, что армия в настоящее время достаточно организованна, дисциплинированна и крепка, но испытывает большой недостаток в снаряжении. Он снова благодарил Советскую

Мустафа Кемаль беседует с советским полпредом С. И. Араловым.

Россию за оказанную Турции помощь в борьбе с Антантой и греками и высказал уверенность, что Советская Россия и в дальнейшем не откажется помогать турецкому народу, ибо без ее помощи Турция существовать не может.

— В первую голову,— сказал Мустафа Кемаль,— необходимы снаряды, патроны, некоторое количество винтовок, орудий, а главным образом — деньги. Он добавил, что эту просьбу он передал и М. В. Фрунзе.

Мустафа Кемаль-паша неоднократно говорил мне, как послу РСФСР, следующее:

«Мы, турки, учитываем ваше тяжелое положение. Россия и сама в настоящее время небогата. Просим поэтому сообщить прямо и откровенно, что можете нам дать и чего не можете. Верьте, от этого не пострадает наша дружба. Мы так же будем уважать Советскую Россию. Дружба наша базируется не только на вашей материальной помощи, но и на моральной. Мы помним, что в самое трудное время Советская Россия пришла нам на помощь, поддержала нас. Этого Турция никогда не забудет. Нам важно учесть наши ресурсы для военных расчетов и наступления. Мы ценим советский

народ, ваше правительство и В. И. Ленина за то, что помощь ваша бескорыстна. Вы не требуете от нас покорности, выполнения каких-либо политических обязательств».

В нашей беседе в Конии, состоявшейся в апреле 1922 года, Мустафа Кемаль просил меня возбудить в Москве вопрос о присылке 10 млн., о которых он говорил с М. В. Фрунзе.

Многое из того, о чем просил Мустафа Кемаль-паша, было прислано и передано турецкой армии[27].

В основе наших взаимоотношений с Турцией лежала общая цель борьбы с империализмом, освобождения Турции от колониального гнета. Турецкое правительство во главе с Гази Мустафой Кемалем расценивало нашу дружбу как огромный моральный фактор, содействующий достижению национальных целей новой Турции.

Близ Афион-Кара-Хисара на высокой отвесной гранитной горе стоит старая крепость. Забраться на нее не было времени и сил, посмотрели издалека. По пути мы встретили большую группу крестьян и крестьянок из сожженных греками деревень. Они сидели, пригорюнившись, на земле. Крестьяне удивительно похожи были на наших по облику, одежде; женщины — в белых платках, так же повязанных, как у нас. Мы подъехали к ним, расспросили об их беде.

— Налетели подлые,— раздались скорбные голоса,— подожгли; много, много убили... Других угнали, куда — не знаем. Детей тоже поубивали...

В районе Акшеира мне показали то узкое ущелье, о котором я уже упоминал и через которое временами дует такой сильный ветер, что разбрасывает конницу в разные стороны, и нет никакой возможности удержать строй.

---

[27] Не только моральную, но и существенную материальную помощь золотом, материалами оказывала Советская страна еще ранее.

Так, Г. В. Чичерин в ноте от 24 мая 1921 г. писал: «...Я получил от гражданина Орджоникидзе определенное заверение в том, что 4 млн. золотом, которые увезли с собой Делегаты Великого Национального Собрания Турции Юсуф Кемаль-бей и Риза Нур-бей, действительно были провезены ими через турецкую границу». («Документы внешней политики СССР», т. 4, Госполитиздат, 1960, стр. 138).

В Акшеире, как впрочем и в других городах, непосредственно связанных с передовой линией фронта, были расположены штабы, склады. Акшеир выглядел приятно: дома с плоскими крышами, много зелени.

Беседы с офицерами турецкой армии

Из частных разговоров, которые я вел на фронте с командующими армиями, дивизиями, офицерами штабов и полков в те часы, когда Мустафа Кемаль был занят на совещаниях или отдачей распоряжений, выяснялась картина создания новой турецкой армии.

Офицеры рассказывали, что вначале они смутно сознавали измену султана-халифа, однако в силу укрепившихся традиций не могли себе представить существование Турции без султана, без религиозного главы — халифа. Страшило их и то, что они могут вызвать недовольство Англии и других великих держав. И в то же время многие офицеры восхищались большевиками, смело поднявшими оружие против царя и империалистов.

Когда Мустафа Кемаль начал действовать, враги нации засылали своих агентов, стараясь разложить освободительную армию, поколебать офицерство. Но Кемаль оказался великим турком. Он доказал, что бояться Англии, греков нечего, с ними надо непримиримо бороться. Чтобы победить, необходимо сплочение и единство нации...

Офицеры рассказывали, что Мустафа Кемаль требовал строжайшей дисциплины, смелости и предусмотрительности каждого офицера и солдата. Он всегда информировал их о том, что делается в стране.

Из бесед с офицерами явствовало, что Мустафа Кемаль первый открыл им глаза на Россию, на пролетарскую революцию, настойчиво убеждал их, что турки не должны бояться новой России, что она им оказывает бескорыстную помощь и является их другом.

В общем настроение у фронтовиков было боевое, проникнутое национальными освободительными идеями, твердой уверенностью в необходимости борьбы с оккупантами. Офицеры резко осуждали тех турок, которые считали, что можно соблюсти интересы Турции, пресмыкаясь перед султаном и выпрашивая милости у империалистов.

Мне не раз говорили офицеры-фронтовики, что эти люди не имеют веры, они трусливы, это предатели.

Один из офицеров вспомнил слова Кемаля, сказанные на офицерском собрании. Кемаль подчеркнул тогда глубокое расхождение между обещаниями президента США Вильсона, его 14 пунктами и действительностью.

— Пункт 12 обеспечивал Турции полный суверенитет, а что получилось? — спрашивал Кемаль.— Англичане оккупировали Мосул, Константинополь; районы Аданы, Урфы и др. были захвачены французами. Итальянцы заняли Адалию, греки — Смирну. Империалисты устроили погром в Мараше, разрушили этот старый мусульманский город, убили тысячи ни в чем не повинных людей.

Во время одной из наших бесед с офицерами вошел Мустафа Кемаль-паша. Он сел в стороне и внимательно слушал. Видимо, он был доволен рассказами офицеров. Позднее он сказал мне:

— Вы слышали, что говорят офицеры? Они проникнуты великими идеями объединения нации, они революционно настроены, они против империалистов. Война с антантовскими ставленниками популярна, это справедливая война, она освобождает турецкий народ от империалистического гнета.

Политическое воспитание турецких солдат

Как я уже писал, во время совместной поездки по фронту мы не раз говорили с Мустафой Кемалем-пашой о политическом воспитании в армии. Он расспрашивал нас о роли комиссаров и политотделов. Я ему подробно рассказал об этом и спросил о его мнении: возможно ли создать подобные организации в турецкой армии?

Мустафа Кемаль ответил, что в турецкой армии действует политический принцип: защищать самостоятельность Турции в ее национальных границах. Правительство Турции защищает страну от империалистов, от предателей, и армия обязана повиноваться такому правительству.

— У вас в России дело обстояло иначе,— развивал свою мысль Мустафа Кемаль.— Генералитет и офицерство в большинстве были на стороне царского правительства, а потом Керенского, солдатская же масса и небольшая часть офицерства были на стороне большевиков. Иное дело в Турции. Турецкая армия в целом

верна идее национальной независимости, революционна и дисциплинированна. Политикой занимаемся мы, стоящие во главе армии. В чем заключается наша политика? Прежде всего в назначении командиров корпусов и дивизий, преданных, честных, верных. Мы, как и вы, контролируем их. Младшее офицерство и солдат мы воспитываем в духе нации, которую мы, старшие, ведем. Солдаты наши знают, за что они борются. Мы с вами объехали несколько пехотных дивизий, конный корпус; я убежден, что вы заметили их дисциплинированность. Мы рады были вашим и товарища Абилова выступлениям. Мы строго следим за тем, чтобы офицеры не вели политику, противную действиям правительства и высшего командования. Армия наша не аполитична, — сказал в заключение Мустафа Кемаль.

Гази Мустафа Кемаль-паша не раз говорил нам, что с соседями Турция должна жить дружно, не покушаться на их свободу. Сирия, Египет, ранее подвластные турецкому султану, теперь освободились из-под его гнета, и Турция никогда не покусится на их свободу. Наоборот, Турция должна помочь им, как ей помогает Советская Россия. С Персией Турция находится в дружественных отношениях.

Мустафа Кемаль о курдском вопросе

Мустафа Кемаль часто останавливался на курдском вопросе. Курды, живущие вокруг Урмийского озера, изъявляли желание действовать согласованно с Турцией. У них были оружие и деньги, и они готовы были выступить против английского империализма.

— Курдский вопрос,— говорил Кемаль,— запутанный, трудный. Поймите: Курдистан богат нефтью, медью, углем, железом и другими ископаемыми. На Курдистан зарятся многие, прежде всего Англия — наш основной враг. Влияет здесь и стратегия, торговые пути в Персию, на Кавказ, в Месопотамию. Англия пользуется тем, что курды принадлежат двум государствам — Турции и Персии, и играет на этом. Англия хочет создать Курдское государство под своим владычеством и тем самым командовать над нами, Персией и Закавказьем. Англичане исстари подкупают курдских вождей. Теперь курдские вожди разделились: одни тянут к Ирану, другие — к Англии, третьи — к нам. Английские агенты Вуль, Ноэль и др. кричат о независимости Курдиста-

на. В Сулеймании[28] англичане заставили выступить против Турции шейха Махмуда.

Мустафа Кемаль напомнил о том, что во время Сивасского конгресса англичане вместе с изменником султаном подняли восстание курдов, чтобы сорвать конгресс и арестовать делегатов.

— Мы, турки,— сказал, усмехаясь, Кемаль,— не остаемся в долгу. Помогли на юге Курдистана восстать против англичан курду Феттику и др. Вы ведь знаете, ёлдаш, что предатель Турции, великий визирь Дамад Ферид-паша, заключил договор с Англией и в нем дал согласие на отделение Курдистана от Турции. Договор этот был опубликован во французских газетах. Я не знаю, подписан ли этот договор. Не думаю, чтобы у султана-халифа и Ферида могла заговорить совесть,— у них совести и любви к Турции нет, но международное положение и наши победы не позволят Англии подписать его. Франция протестовала бы.

Мустафа Кемаль говорил, что по отношению к арабским группировкам он ведет осторожную политическую линию. Многое там неясно. Была у него делегация из Аравии. Делегация заявила, что она представляет эмира Фейсала, султана Аравии. Кемаль им тогда ответил: «Я не султан, я просто человек, избранный народом. Соберите народное собрание, и тогда с представителями народа мы сговоримся».

Мустафа Кемаль об арабских странах

Приезжали и другие делегации, весьма подозрительные, и Кемаль их не принимал. Была делегация от Йемена, наиболее верного Оттоманской империи. Йеменская армия дралась за соединение с султанской Турцией и не добивалась независимости. Багдад также обратился к Турции за помощью.

— У нас не было лишних сил,— сказал Мустафа Кемаль,— но, чтобы ободрить их, мы послали к Мосулу для моральной поддержки небольшой отряд.

Мустафа Кемаль сообщил, что он написал арабским деятелям послание, в котором призывал их во что бы то ни стало свергнуть продажное правительство в Багдаде, созданное англичанами.

---

[28] Сулеймания — район города Киркук, недалеко от границы с Ираном, юго-западнее Мосула.

Помощь арабским странам Мустафа Кемаль, по его словам, понимал не как возвращение их Турции, а как освобождение от империалистических оков. Он старался помочь им не поддаваться посулам империалистов Англии, Франции, добиваться свободы и независимости.

— В нашем Национальном Обете,— подчеркивал Кемаль, — мы, турки, отказались от владения арабскими странами. Арабы могут и должны сами определить свою судьбу. На Сивасском конгрессе были споры о пантюркизме, оттоманизме, панисламизме, и приверженцы этих отживающих принципов с пеной у рта их защищали. Благоразумное большинство решило иначе. Это не наше дело. Цель наша — создать национальную Турцию в рамках территории, населенной турками. Для нас владение арабскими странами было бы страшной обузой, поводом для международных конфликтов.

К Мустафе Кемалю-паше шли письма из Марокко, Алжира и других мест. В них предлагалось созвать в Анкаре общий мусульманский конгресс. По свидетельству Мустафы Кемаля, движение не носило характера панисламизма, а было одним из проявлений борьбы народов Востока против колониализма, против империализма.

Письмо Мустафе Кемалю от африканского деятеля шейха Сенуси

— Был у меня,— рассказывал Мустафа Кемаль,— один крупный деятель из Африки с письмом от шейха Сенуси. В письме шейх писал: «Во имя аллаха всемилостивейшего африканские арабы просят помощи оружием. Они хотят развернуть действия против власти Запада и империализма для освобождения угнетенных африканских народов от цепей рабства и представления африканцам свободной жизни...».

— Этот вождь,— заметил Мустафа Кемаль,— пишет, что он думает обратиться и к Советской России, которая борется с империализмом...

Так оно и было. Возвратившись из поездки по фронту, я нашел у себя послание от африканского деятеля. О нем я расскажу в другой раз.

— Было бы хорошо вместе с Советской Россией объединить наши моральные усилия для помощи арабским странам,— сказал в одной из бесед Мустафа Кемаль-паша. Это говорило о правильном понимании им роли Советской страны как искреннего и бескорыстного друга всех угнетенных народов.

Кончалось наше путешествие по фронту. Объезд частей турецкой армии, встречи с командирами, беседы с ними, обсуждение с Мустафой Кемалем военных и международных вопросов, внутренней политики Турции, наконец, подробное ознакомление с жизнью города Конии, его жителями, общественностью, учреждениями дали нам очень много для понимания обстановки в Турции и жизни турецкого народа.

Окончание поездки по фронту

Мустафа Кемаль-паша и его ближайшие соратники очень благодарили меня и Ибрагима Абилова за посещение армии. Вечером состоялись торжественные проводы. Мустафа Кемаль остался в Конии. Мы же с товарищами Абиловым и Звонаревым выехали обратно в Анкару, куда прибыли 6 апреля. Поездка наша продолжалась десять дней.

Турецкая общественность с большим интересом и сочувствием следила за развитием дружественных взаимоотношений между нашими странами. Наше полпредство с раннего утра до позднего вечера посещали гости. Приходили целыми группами. Часто бывали члены Великого Национального Собрания Турции, министры, представители общественных организаций, кооператоры, торговцы. Все они выражали свое уважение и симпатии к Советской России.

Чувства симпатии и дружбы турецкого народа к Советской России

Простые люди из народа, часто не называя себя, привозили и приносили в полпредство незамысловатые подарки. Они были нам очень дороги, ибо говорили о дружественных чувствах к советскому народу. Чаще всего привозили из глубины Анатолии различных животных. У нас образовался целый зоологический сад: медвежата, орел с подбитым крылом, ручные куропатки, собаки различных пород, кошки и др.

Комендант полпредства поместил медвежат в небольшой закуток, сколоченный из досок, рядом с кладовой. В кладовой были разложены пироги и торты, приготовленные хозяйкой к празднику 1 Мая. Почуяв запах сладостей, мишки разломали перегородку и с большим аппетитом съели торты, а многое растоптали, измазались и выглядели весьма комично. Один медвежонок выбрался на улицу и решил погулять и развлечься. Неподалеку от полпредства находилась ме-

четь с высоким минаретом. Мишка проник в мечеть, полез по лестнице. В это время на балконе минарета муэдзин призывал правоверных к молитве. Благодушный и сытый медвежонок задумал поиграть с муллой. Он схватил его сзади своими лапами и мордочкой уткнулся в спину. Мулла оглянулся и в ужасе громко закричал. Карапуз медвежонок показался ему со страху громадным медведем, и он, вместо призыва к молитве, закричал: «Аман, аман, шайтан!»[29].

Сбежался народ...

На другой день анкарские газеты рассказали об этом происшествии в беззлобном, шутливом тоне. Но через несколько дней пришли газеты из Константинополя. Там этот случай был раздут, ему попытались придать политический характер. Одна из газет писала: «Советский посол привез с собой из России специально обученных медведей, чтобы они ему притаскивали мулл и ходжей...».

Мустафа Кемаль-паша искренне смеялся и неоднократно шутил по этому поводу.

Празднование 1 Мая в полпредстве РСФСР

В день Первомайского праздника наше посольство посетило более 200 человек. Мы украсили здание внутри и снаружи флагами, зеленью, портретами. Приходили нас приветствовать делегаты от анкарского орудийного завода, от различных мастерских. На приеме были не только делегации, но и отдельные рабочие, министр здравоохранения Тевфик Рюшди-бей, депутаты Великого Национального Собрания Турции, учителя, врачи, журналисты, военные. Сохранился у меня снимок гостей на праздновании 1 Мая в полпредстве.

Помещение было у нас тесное, но гости попросту уселись на полу по восточному обычаю и с большим удовольствием за непринужденной беседой медленно пили кофе из маленьких турецких чашечек. «Эфенди, ёлдаш»,— так обращались к нам посетители.

— Ёлдаш Аралов, расскажите нам, как празднуют 1 Мая в России,— обратился ко мне один рабочий с орудийного завода в Анкаре. Я рассказал историю 1 Мая, о митингах, маевках в подполье, в лесах во времена царизма и о широком, открытом народном праздни-

[29] Спасите, спасите, черт!

Рабочие военного завода отмечают день 1 Мая в Анкаре.

ке по всей стране после свержения власти помещиков и капиталистов.

Начальник генерального штаба Февзи-паша, военный министр Кязым-паша и другие государственные деятели прислали в полпредство приветствия по случаю праздника 1 Мая. Одновременно всех гостей советского полпредства принять было невозможно, посетители непрерывно шли к нам с поздравлениями.

Ближайшими помощниками Гази Мустафы Кемаля, глубоко преданными национально-освободительной борьбе, были начальник генерального штаба Февзи-паша, военный министр Кязым-паша и начальник штаба фронта Исмет-паша. Среди патриотов, до конца верных Кемалю, можно назвать журналиста Юнуса Нади, Ага-оглу Ахмеда-бея, Юсуфа Акчура-бея и др.

Начальник генерального штаба Февзи-паша

Из военного окружения Мустафы Кемаля выделялся Февзи-паша, бывший инспектор армии, а затем военный министр в стамбульском правительстве. Он бежал из Стамбула в Анкару в 1920 году. Февзи-паша как-то кратко рассказал нам о причинах своего бегства.

— Невмоготу стало, — говорил он, — противно было видеть разложившееся султанское правительство, предававшее нацию, продажность его, покорность Англии и

другим империалистам. Султанская клика думала только о собственном благополучии, а не о народе. Не мог этого выдержать.

Хорошо помню облик Февзи-паши: высокого роста, черные длинные усы, густые брови, темные вдумчивые глаза, с несколько прикрытыми верхними веками,— казалось, он вас даже и не видит, о чем-то глубоко задумавшись. На самом деле очень спокойный, даже несколько медлительный, он всегда слушал внимательно, вдумываясь в каждое слово. Февзи немногословен, точен в выражениях, с ним приятно было беседовать. Каждое его слово звучало веско, в его обращении с людьми чувствовалась прямота и твердость. Февзи-паша умел объективно оценивать военную обстановку. Он был олицетворением солдата, простого и мужественного. При этом был искренне религиозен.

Военный министр Кязым-паша

Другим моим частым собеседником был Кязым-паша — военный министр. Большие серые широко открытые глаза. Очень простое приветливое лицо с такой же улыбкой. Серьезный военный работник, деятельный, всегда озабоченный. У меня сложилось впечатление, что Кемаль-паша его очень любил и доверял ему так же, как и Февзи-паше.

К Советской России Кязым-паша относился с большим доверием. Нередко он вместе с Мустафой Кемалем вел со мной переговоры о помощи турецкой армии. Кязым-паша старался всегда обосновать большую необходимость в получении тех или других материалов. Я верил расчетам Кязым-паши, и он всегда уезжал от нас успокоенным, уверенным в нашей помощи.

Начальник штаба западного фронта Исмет-паша

Один из крупных военных деятелей Исмет-паша бывал у нас реже. Он работал все время на фронте, а после победы занят был на международных конференциях. Как Февзи и Кязым, он был одним из самых близких соратников Мустафы Кемаля-паши. Во всех важных международных вопросах Кемаль спрашивал его совета. Фронтовые дела, напряженная работа, успехи и неудачи наложили на облик Исмет-паши отпечаток какой-то особой серьезности, он всегда чувствовал свою большую личную ответственность за каждое действие армии. Первые победы над греками под деревней Иненю

были одержаны под его командованием, и в благодарность от народа он получил имя Исмет-Иненю. Вся подготовка последнего решительного наступления против англо-греческих интервентов легла на плечи Мустафы Кемаля-паши и Исмет-паши.

Я разрешу себе привести здесь ответ Исмет-паши греческому генералу Папуласу, который приписывал победу турок при Сакарии превосходству турецкой тяжелой артиллерии. Исмет-паша с иронией сказал: «Не на своих же фабриках турки изготовляли эти тяжелые орудия. У турок было отнято все оружие, в то время как заводы всего мира были открыты для греческих заказов.— Далее, развивая эту мысль, Исмет-паша продолжал: — Греки могли закупать все, что им было угодно, и имели возможность доставлять свои закупки в любое место. А это значит, что греческое командование оказалось намного ниже турецкого командования в понимании секрета победы».

Начальник штаба западного фронта Исмет-паша.

Бывали у меня встречи и с людьми из военной и гражданской среды, приходившими с совсем иными целями, чем те, о которых говорилось выше. Одним из таких являлся Рефет-паша.

Это был человек невысокого роста, худощавый, с небольшими светлыми усиками, подбритыми снизу, и седеющими редкими волосами.

Рефет-паша.

Внешне он был вежлив, изысканно внимателен, манеры — европейские. Но верить ему было нельзя. Он был неискрен. За спи-

ной Мустафы Кемаля он плел интриги заодно с Кязым Кара Бекир-пашой, наместником восточных вилайетов, Реуф-беем, короче говоря, был скрытым противником национально-освободительного движения. Рефет-паша был связан с клерикально-феодальными элементами и представителями компрадорской буржуазии. Он враждебно относился к Советской стране, оказывавшей поддержку новой Турции.

Рефет занимал различные должности — министра обороны, командира корпуса во время боев при Думлу-Пунаре, усмирял мятежные выступления в Конии. Командовал он войсками неудачно. По замечанию Мустафы Кемаля, как министр обороны Рефет никуда не годился; он был смещен с этого поста в январе 1922 года. Это, однако, не мешало Рефет-паше хвастать своими личными подвигами. Он заверял меня в своих якобы симпатиях к России, в готовности за нее «пролить кровь», если... она прогонит коммунистов. Часто сетовал в разговорах со мной на то, что М. В. Фрунзе, мол, не оценил его, Рефета, и счел империалистом.

Реуф-бей

С Реуф-беем, в бытность его председателем совета министров, мне приходилось неоднократно вести переговоры. Он показал себя ярым противником Советской России. Именно им, Реуф-беем, был организован поджог нашего полпредства в Анкаре. А. Г. Котельников (бывший секретарь полпредства) пишет в своих воспоминаниях, что пожар был устроен по наущению полковника Мужена [30].

Как известно из воспоминаний Мустафы Кемаля-паши, Реуф впоследствии был осужден к изгнанию из Турции на 10 лет.

Мустафа Кемаль видел и понимал двойную игру Реуф-бея, Рефета и др., но до поры до времени терпел их, чтобы не создавать более широкого недовольства, поскольку Рефет, Реуф и другие оппозиционеры имели опору среди крупной компрадорской буржуазии, феодальной военной группировки, ходжей и крупных помещиков.

Мустафа Кемаль-паша говорил, что в Стамбуле, да и в некоторых кругах Анатолии, его считают взбунтовавшимся солдатом. Феодальные круги различными уловками старались восстановить народ против Мустафы Ке-

[30] Мужен — неофициальный представитель Франции в Анкаре.

маля-паши, против депутатов Великого Национального Собрания и других турецких патриотов.

Рассказы Мустафы Кемаля о его борьбе за национальное возрождение Турции

Я привожу то, что было рассказано на эту тему Мустафой Кемалем-пашой в частных беседах, которые мы имели у нас в полпредстве и в совместных поездках. Для удобства я передаю их как одно целое, хотя рассказывал он нам историю своей борьбы в разное время.

Задача Великого Национального Собрания, по словам Мустафы Кемаля, заключалась в том, чтобы расширить национальные организации, борющиеся за освобождение Турции, всей турецкой нации от интервентов. Это была главная задача, и до поры до времени приходилось быть терпимым к оппозиции.

— Мы добиваемся нашей цели путем убеждения и практическими победами на фронте, — говорил Мустафа Кемаль-паша. — Мы доказывали и доказываем ошибочность и вред позиции Рефет-паши, Реуф-бея и др. Мы создаем народную партию и рассчитываем с ее помощью одолеть врагов нации. В партию проникают также наши враги, но они будут выявлены и разоблачены. Реакционеры хотят подорвать национальное движение, но им это не удастся. Сколько уже феодалы организовывали банд, восстаний! Все это делалось и делается под руководством Керзона, Ллойд Джорджа и других империалистов, действующих через остатки партии «Единение и Прогресс», через общество «Друзья Англии»[31] и прочие реакционные организации. Но народ помог нам обуздать реакцию. Вас еще не было здесь, говорил Кемаль, когда вся Анатолия пылала. Различные агенты Англии, ставленники Энвера, султана поднимали восстания. Английское правительство отдавало приказы греческим войскам занять тот или другой район Анатолии. Повсюду организовывались банды. Самым большим был мятеж черкеса Анзавура. Англичане хотели повторить у нас опыт, потерпевший неудачу у вас в России, когда

---

[31] Общество «Друзья Англии» было организовано в Константинополе султаном-халифом Вахидэддином, великим визирем Дамад Ферид-пашой с англичанином — пастором Фрю. Задачей общества было добиться мандата Англии на Турцию. Общество «Друзья Англии» вело подрывную работу против ВНСТ, освободительного движения, засылало диверсантов, шпионов, организовывало мятежи.

Англия истратила сотни миллионов на поддержку Колчака, Юденича, Деникина.

В районе Пандер начал свою подрывную деятельность Анзавур, предатель, ставленник султана и английских империалистов, один из наиболее непримиримых противников национального движения. Ему была поставлена задача ударить в тыл национальному фронту. Анзавуру удалось объединить большие отряды. В Биче произошло кровавое сражение. Анзавур оказался победителем, рассеял национальные части, завладел оружием, взял многих в плен и истребил. Он требовал распустить национальные вооруженные силы, обеспечить грекам оккупацию Смирны и Аданы, создать в Стамбуле высший халифатский совет, составить и опубликовать фетву (послание) против большевизма. Но Анзавур в конце концов был разбит и бежал.

— Турецкая нация в будущем не должна ни на одну минуту забывать этого, — сказал Мустафа Кемаль.

Он помнил коварство империалистов, с возмущением приводил высказывания французского премьера Клемансо: «Ну, да, я отдал Мосул англичанам как приманку, чтобы получить Киликию, Сирию с Дамаском, Алеппо с портами, Бейрут... Александретта — прекрасный порт, в который пойдет нефть из Мосула. Разве можно меня обвинять, если впоследствии турки выгнали нас из Киликии?».

Помолчав и успокоившись, Мустафа Кемаль продолжал:

— Яд, отрава еще не выветрились. Противоядие — в пробуждении всей нации, в ее активности... Ответ народа на Мудросское перемирие, на Севрский договор, на предательство султана, халифата — был началом пробуждения нации. Чаша терпения переполнилась. Ответом на Мудрос, Севр и другие действия Антанты явились наши Сивасский, Эрзерумский конгрессы. Клич об освобождении пронесся по всей Анатолии и проник даже в Константинополь. Турецкая общественность, народ создали Национальный Обет...

— Много было работы, — говорил Мустафа Кемаль. — С каждым депутатом меджлиса мне приходилось беседовать. Каждому надо было разъяснить значение освободительной борьбы, доказывать, что пассивностью ничего не сделаешь.

— Вы, ёлдаш Аралов, — обращаясь ко мне, сказал однажды Мустафа Кемаль, — знаете по своей родине страшную, отчаянную борьбу с войсками бывших царских сатрапов, с войсками интервентов. Мы, турки, в 1920 году имели случай помочь вам. Вы, вероятно, не знаете об этом. Я расскажу. В Акбаши, близ Галлиполи, был склад оружия и боеприпасов, созданный еще во время первой мировой войны. Этот склад охраняли французские солдаты. Французы и англичане решили передать это оружие Врангелю. Белогвардейское судно прибыло, чтобы забрать боеприпасы и оружие. Но мы знали об этом складе и догадывались о намерениях Антанты. Нужно сказать, что оттоманское правительство помогало Франции охранять склад. Замечательный по отваге и смелости наш товарищ Кепрюлюлю Хамди-бей организовал захват этого оружия. Он перерезал телефонные и телеграфные провода. В ночь с 26 на 27 февраля 1920 г. Кепрюлюлю во главе храбрых товарищей тихо переправился на плотах через пролив, обезоружил французскую охрану, быстро погрузил оружие и боеприпасы и переправил их в Лапсеки. Кепрюлюлю захватил с собой и обезоруженных французских солдат. Оружие и припасы он немедленно отправил в глубь страны. Мы получили 8 тыс. русских винтовок, 40 русских пулеметов, много боеприпасов. Это был богатый подарок, он очень нам пригодился. Так вы помогли нам, а мы — вам! Английские империалисты были взбешены. Они послали погоню, но мы им показали нос.

— Против меня и моих товарищей, — рассказывал Мустафа Кемаль, — велась бешеная пропаганда. Приписывали мне все смертные грехи. Надо было все это выдержать, не сдавать позиции. Но нация меня выбрала председателем меджлиса, главнокомандующим — это был ответ англичанам и султану.

— Самая большая трудность, — говорил Мустафа Кемаль, — заключалась в нехватке офицеров, в недостаточном снабжении армии оружием. Но Советская Россия дружески нам помогла: вы нам дали винтовки, орудия, снаряды. Никогда наша нация не должна этого забывать. Преступлением будет, если она забудет о вашей бескорыстной помощи в самую тяжелую эпоху нашей борьбы за независимость. Вы знаете, сколько у меня было вна-

чале войск — 5 тысяч. А теперь целая армия! Это дала освободительная борьба, подхваченная народом.

Однажды я рассказал Мустафе Кемалю о своих встречах с крестьянами во время путешествия из Самсуна в Анкару, об их тяжелом положении.

— Да, да, — сказал Кемаль, — это верно. Задача ВНСТ — освободить крестьян от тяжелого налога ашара и дать другие льготы. Но сейчас мы этого сделать не можем — возбудим против себя ненависть многих групп, и они отойдут и помешают нашей основной задаче — выгнать интервентов, добиться освобождения нации от Антанты, добиться независимости. Когда выполним свое национальное дело, тогда займемся крестьянством.

И. Абилов, с которым мы вместе вели эту беседу с Мустафой Кемалем, доказывал, что при немедленном освобождении от тяжелого экономического гнета миллионы крестьян помогут одолеть феодалов, укрепят власть ВНСТ, сделают Турцию непобедимой и отобьют и в будущем все наскоки империалистов.

Мустафа Кемаль, взяв за руку Абилова, сказал: «Сейчас нельзя, но это будет».

Линия Мустафы Кемаля на освобождение Турции от закабаления ее империалистами, на защиту ее от территориального раздела была понятна огромному большинству народа. И это вызывало страшную ненависть феодалов, помещиков, крупной компрадорской буржуазии, мусульманского духовенства и части интеллигенции, связанной материально с реакционными группами. Некоторые интеллигенты, шедшие вначале с Мустафой Кемалем, впоследствии отошли от освободительного движения или перешли к султанистам, либо вообще отказались от борьбы.

В качестве примера можно привести уже упоминавшуюся писательницу и общественную деятельницу Халиде Эдиб, Аднан-бея, Али Фуад-пашу. У них не было веры в силы народа, их пугали трудности борьбы, они невероятно преувеличивали могущество Англии, США, Франции. Это одна причина. Другая причина отхода этих людей от освободительного движения — страх перед народным революционным движением, особенно аграрным, боязнь лишиться своих привилегий.

По возвращении из поездки по фронту я сообщил все свои впечатления в Наркоминдел Г. В. Чичерину и дру-

гим членам коллегии. Как отклик на ту часть моего доклада, где говорилось о быте турецкого народа, о борьбе Кемаля со всевозможными пережитками старого, мною было получено в копии письмо Г. В. Чичерина наркому просвещения А. В. Луначарскому. Г. В. Чичерин писал:

«Мустафа Кемаль стоит во главе прогрессивного движения по освобождению турецкой женщины и приравниванию ее во всех правах и в общественной жизни к мужчине. Он, например, ходит с женой на заседания Великого Национального Собрания, причем она — без вуали. Он с женой посетил товарища Аралова. Вообще Мустафа Кемаль чрезвычайно энергично толкает вперед движение модернизации всех общественных отношений. Это в высшей степени интересная личность: он по целым дням прогуливается по улицам турецких городов, непрерывно разговаривая с окружающей толпой на тему о парламентаризме, эмансипации женщин, модернизации просвещения и всей культуры. Было бы крайне полезно посылать ему материалы для облегчения деятельности как его самого, так и его единомышленников в области модернизации турецких общественных отношений.

Не могли ли бы вы поручить кому-нибудь собрать и прислать мне материал по женскому вопросу, или, точнее, материалы о том, что нами проведено для полной эмансипации женщины, с тем чтобы эти материалы я мог переслать Мустафе Кемалю для облегчения его деятельности.

Сообщите пожалуйста, что́ было бы нам возможно сделать, если бы турки опять предложили нам послать в Россию несколько десятков или сотен молодых людей для получения здесь образования, в частности технического. Насколько мне помнится, когда вопрос об этом возникал раньше, они больше всего интересовались сельскохозяйственным специальным образованием. Пожалуйста, сообщите мне, возможно ли и в каких пределах и размерах у нас осуществить подобные планы».

Позднее, в 1923 году, Г. В. Чичерин писал в Анкару нашему поверенному в делах:

«Вам посылаются дальнейшие материалы по модернизации общественного быта, в частности по вопросу о защите детей и о социальном обеспечении, для передачи Мустафе Кемалю-паше. Я очень рад быть ему полезным чем возможно в его борьбе против допотопного быта,

всяких предрассудков и средневековья. Всякие его пожелания немедленно сообщайте мне, и я сделаю все, что в моих силах, для их удовлетворения».

Генуэзская конференция и Рапалльский договор

Когда была созвана Генуэзская конференция[32] и разразилась неожиданная для стран Антанты буря Рапалльского договора[33], Кемаль несколько раз заводил с нами разговор о Генуе. Я ему передал, что Г. В. Чичерин требовал от представителей Антанты приглашения Турции, но ему ответили: Турция — малоазиатская держава, а конференция — европейская.

На Генуэзской конференции западные державы требовали от Советской России, чтобы она оказала влияние на Ближний Восток для «установления мира и нейтралитета...». Г. В. Чичерин от имени советской делегации выразил изумление по поводу этого требования. Ведь именно Советская Россия требовала приглашения Турции на Генуэзскую конференцию, ибо присутствие турок способствовало бы установлению мира в ближайшее время в Малой Азии. Что же касается нейтралитета по отношению к войне в Турции, то нейтралитет этот должен быть таким, какого требуют международные договоры и международное право от всех держав.

Когда я информировал Кемаля об этом выступлении Г. В. Чичерина, он просил передать ему благодарность.

Рапалльский договор, заключенный между Германией и Советской Россией, понравился Мустафе Кемалю-паше. Он тогда сказал:

— Это блестящая победа вашей делегации над англичанами. Это меня чрезвычайно радует.

В другой беседе Мустафа Кемаль-паша дал общую оценку Генуэзской конференции, отметив, что это была победа советской дипломатии, хотя конференция и кончилась разрывом переговоров. Если сравнить Генуэзскую конференцию с битвой, сражением, говорил Кемаль, то командующий боем Чичерин совершил заме-

[32] Генуэзская конференция открылась 6 апреля 1922 г. Она была созвана Антантой ввиду тяжелого экономического положения послевоенной Европы. Сыграли большую роль в созыве конференции победы Советской России в гражданской войне, ее влияние на Востоке и необходимость расширения торговли с СССР.

[33] Рапалльский договор между СССР и Германией был подписан 16 апреля 1922 г. во время Генуэзской конференции Договор в Рапалло сорвал попытку Антанты создать единый фронт против СССР.

чательное обходное движение, которого не заметили ни Ллойд Джордж, ни Барту, и пробил брешь в стане империалистов, заключив с немцами Рапалльский договор.

Я прочитал Кемалю несколько строк из выступления Ленина о Генуэзской конференции:

«Всякие попытки навязать нам условия, как побежденным, есть пустой вздор, на который не стоит отвечать. *Мы, как купцы, завязываем отношения и знаем, что ты должен нам, и что мы тебе*... Мы видим много предложений, число договоров у нас растет и будет расти, как бы фигура трех-четырех держав-победительниц ни складывалась...»[34].

В июне 1922 года в Анкаре появился французский эмиссар полковник Мужен. По отзывам турок, это был человек грубый, солдафон. Мужен приехал по вопросам проведения в жизнь Анкарского договора[35]. Однако он расширил свои полномочия, предложив Мустафе Кемалю-паше заключить военный союз между Францией и Турцией, установить компромиссный мир с Англией и порвать с Советской Россией. Мужен не добился поставленной им цели — Мустафа Кемаль отклонил его домогательства.

В этом вопросе приходилось учитывать, что Франция в противовес Англии помогала туркам оружием. Конечно, эта помощь обходилась Турции чрезвычайно дорого, и прежде чем на нее решиться Мустафа Кемаль долго колебался. Мы не смогли в этот критический для Турции момент расширить нашу помощь. Турция задыхалась от финансового и экономического кризисов, и ей ничего другого не оставалось, как принять со стороны Франции помощь оружием. Разумеется, Франция старалась использовать это для того, чтобы вбить клин между нами и Турцией, развернув яростную, злобную антисоветскую пропаганду.

---

[34] В. И. Ленин, О международном и внутреннем положении Советской республики. Речь на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г., Соч., т. 33, стр. 192.

[35] Анкарский договор, подписанный 20 октября 1921 г. Франкленом-Буйоном и Юсуфом Кемалем-беем об эвакуации французами Киликии, установлении особого режима в Анатолии и Александретте, проведении турецко-сирийской границы, снятии подписи Франции с Севрского договора.

Мы разъясняли туркам разницу между помощью нашей и Франции, раскрывали империалистические планы последней. Кемаль и его друзья видели эту разницу. Демократическая интеллигенция и народ в целом были за укрепление дружбы с Советской Россией. Антисоветская агитация французов оказывала действие главным образом среди кругов оппозиции

— Что касается Англии, — сказал Мустафа Кемаль в одной из бесед со мной, — то с ее стороны никаких серьезных шагов к примирению с нами не сделано, и приезд генерала Таунсхенда не имеет политического значения.

Посещение Турции английским генералом Таунсхендом

Генерал Таунсхенд 22 июля 1922 г. приехал в Конию, где через два дня произошла его встреча с Мустафой Кемалем. Затем английский генерал прибыл в Анкару и там имел продолжительное свидание с Рефет-пашой. О своем свидании и беседах с Таунсхендом Мустафа Кемаль умолчал.

Все эти события: приезд Мужена и развернутая им деятельность, прибытие Таунсхенда, поездки Мустафы Кемаля в Конию, Измир, восстания, смерть в августе 1922 года Энвера-паши, создали напряженное состояние в общественных кругах Анкары и в меджлисе и усилили подрывную деятельность оппозиции. Оппозиция старалась втянуть и представительство Советской России в свои интриги и таким образом скомпрометировать нас.

В полпредство то и дело сыпались «намеки колкие со всех сторон», что министр внутренних дел Фетхи-бей отправился-де в отпуск и встретился в Бейруте с генералом Таунсхендом и долго с ним беседовал; что представители Англии были в Измире во время приезда туда в июне 1922 года Мустафы Кемаля и будто бы договорились о начале мирных переговоров.

Мустафа Кемаль мне о таких фактах не говорил. Не думаю, что он утаил бы, если бы такие переговоры велись. Турции не было никакого смысла скрывать их от Советкой России. Слухи этого рода распространялись врагами Мустафы Кемаля и имели целью поколебать наше к нему доверие. Советское правительство, со своей стороны, приветствовало бы, если бы установился мир на Ближнем Востоке и создались нормальные и равноправные взаимоотношения между Турцией и Англией.

В основном русско-турецкие взаимоотношения развивались нормально. Правда, не всегда соблюдались точно решения Московского договора, возникали недоразумения, но после переговоров и переписки эти инциденты улаживались. Реакционные элементы, пробравшиеся в различные турецкие правительственные учреждения, создавали умышленные трудности. К числу таких фактов можно отнести дело с закавказскими транспортными учреждениями. Только саботажем меньшевиков и буржуазных националистов можно объяснить, например, чинившиеся препятствия по перевозке орудий с восточного фронта (Карса) на западный греческий фронт через Батум, что было предусмотрено условиями договора.

Я отклонял какие бы то ни было переговоры с деятелями оппозиции. При вынужденных же встречах я доказывал их неправоту, подчеркивал, что их борьба против национально-освободительного движения, против Мустафы Кемаля помогает врагам Турции.

Тон турецкой прессы в отношении Англии

До июня 1922 года турецкая печать ежедневно выступала против Ллойд Джорджа и разоблачала агрессивную в отношении Турции политику Англии. С приездом Таунсхенда резкости в печати прекратились. Мустафа Кемаль и турецкое правительство стремились к миру, и вполне понятно, что более осторожный тон печати явился одним из предварительных мероприятий.

Какой-либо перемены в политике со стороны Турции к нам не было. Основная линия турецкого правительства оставалась прежней — независимость Турции, дружба с Советской Россией.

Вопрос о консульстве РСФСР в Мерсине

Под французским влиянием всячески тормозилось открытие советского консульства в Мерсине. Назначенный нашим консулом в Мерсину С. М. Горный приехал в Анкару в разгар истории с Али Фуадом [36]. В это время меньшевики и буржуазные националисты, пробравшиеся в аппарат организаций Закавказья, задерживали турецких представителей в Батуме и на границе, обыски-

[36] Али Фуад-паша — посол Турции в РСФСР, взял под защиту турецкого шпиона и агента Англии, застигнутых на конспиративной квартире в Москве при передаче шпионских материалов английскому агенту. После дипломатических переговоров Али Фуад был правительством Турции отозван.

вали их и т. д. Это не могло не создать некоторой насторожённости со стороны турецких кругов. Министерство иностранных дел Турции стало тянуть дело с открытием консульства в Мерсине, то отговариваясь формальными причинами — отсутствием консульской конвенции, то ссылаясь на уже данное разрешение открыть Ахалцихское консульство, то просто откладывая решение вопроса на несколько дней.

Все это было результатом начавшегося заигрывания с французами, которые опасались нашего влияния в Сирии. На банкете по случаю приезда персидского посла Мустафа Кемаль-паша сказал мне, что он по вопросу об открытии консульства в Мерсине приказал дать благоприятный ответ. А министр иностранных дел Юсуф Кемаль, встретившись со мной в меджлисе во время выборов, взял меня под руку и сказал, улыбаясь:

— Вы интересуетесь вопросом открытия консульства в Мерсине. Я заеду к вам после окончания выборов, объясню вам причину задержки ответа и лично привезу разрешение.

Правда, решение вопроса все-таки затянулось на два месяца.

Предложение Мустафы Кемаля о созыве конгресса народов Востока

Говоря о банкете, организованном по случаю приезда в Анкару персидского посла, вспоминаю, что там были произнесены интересные речи, в которых противопоставлялось дружественное отношение Советской России к восточным странам империалистической политике Антанты. Был поднят вопрос о необходимости созыва конгресса народов Востока и экономической конференции представителей восточных самостоятельных правительств. Инициатива исходила от Мустафы Кемаля-паши. Конгресс, по мнению Мустафы Кемаля, должен был состоять из представителей Советской России, Азербайджана, Армении, Грузии, Персии, Афганистана, Египта, Месопотамии, Сирии, Индии, Турции. Через несколько дней идея созыва конгресса была поддержана Персией. Газеты «Ени Гюнь» и «Таксиси Гюит» («Голос Востока») поместили об этом статьи благоприятного характера.

Ага-оглу Ахмед-бей и другие общественные деятели говорили мне, что эпопея Энвера в Бухаре для них не ясна. Как мог Энвер попасть в Бухару, потом таинственно исчезнуть на охоте и стать во главе мятежников? — спрашивал Агаев. Зачем это ему было нужно? С англичанами он сговориться не мог, так как Энвер якобы слишком ненавидел их. Возможно, это была маскировка. Возможно, панисламистские идеи и реакционные взгляды и прежде всего стремление поссорить Советскую Россию с Турцией, главным образом с Мустафой Кемалем-пашой, толкнули его на кровавую авантюру. Всего вероятнее, его побудили к этому английские резиденты через подставных лиц. Я приготовил интервью, но получил весть о разгроме банд Энвера. Его поражение произвело в Анкаре сильное впечатление.

Подавление мятежа Энвера в Бухаре и его гибель

Оппозиция насчитывала в меджлисе 88 человек из 300 депутатов. Им удалось провести закон о выборах министров на общих собраниях меджлиса. Раньше кандидата на должность министра намечал председатель меджлиса, то есть Мустафа Кемаль-паша. С принятием нового закона оппозиция стала хвастаться, что она сильна, хорошо организована и имеет в меджлисе уже 120 голосов. Действительно, к оппозиции примкнула группа депутатов — ярых реакционеров, ходжей, мулл. Некоторые из них пошли за оппозицией из-за личной неприязни к Мустафе Кемалю-паше, как человеку, не исполняющему законов шариата и ведущему неустанную борьбу против мулл и султана.

Борьба кемалистов с оппозицией

Однако расчеты оппозиции не оправдались. При выборах правительства оппозиция потерпела полное поражение. За короткое время Мустафа Кемаль и его сторонники развернули активную политическую работу. От имени Комитета защиты прав был выставлен список членов кабинета во главе с Реуф-беем (до этого премьером был Февзи-паша, начальник генерального штаба). Список прошел полностью, за исключением министра юстиции.

Назначение Реуф-бея премьером было дипломатическим ходом со стороны Мустафы Кемаля. Он знал о

На митинге в Анкаре. Выступает один из членов меджлиса.

скрытой оппозиционности Реуфа, но пошел на этот шаг, чтобы парализовать оппозицию и попытаться привлечь Реуфа на свою сторону. Оппозиция не провела ни одного своего кандидата в состав правительства, хотя были выставлены такие реакционные зубры, как Рефет-паша, Джемаль-паша (депутат Испарта).

Так или иначе, но пути политических деятелей в Турции стали расходиться. Это нужно было иметь в виду и нам — дипломатическим представителям Советской России в Турции.

Летние месяцы 1922 года в Турции прошли под знаком широкой подготовки к генеральному наступлению турецкой армии против англо-греческих интервентов.

Подготовка к наступлению турецкой армии

Наша поездка с Абиловым и военным атташе на фронт должна была быть, по мысли Мустафы Кемаля, частью этой подготовительной работы. Мустафа Кемаль-паша ухватился за наше предложение вручить аскерам подарки от Красной Армии. В те дни он в своих выступлениях

подчеркивал, что Советская Россия и Красная Армия на стороне молодой Турции, что отныне опасаться за тыл на востоке Турции нет никаких оснований, что турецкая армия не одинока. Весь турецкий народ участвовал в подготовке победы своей освободительной армии. Жены, дочери, сестры солдат несли и везли на фронт продовольствие, снаряды, вооружение. Перед наступлением, в июле и августе, по всей Анатолии прокатилась волна митингов с призывами помогать армии всем, чем возможно: одеждой, продовольствием, транспортом для перевозки боеприпасов. На митингах с горячими речами выступали члены меджлиса, простые граждане, даже дети. На многих из этих митингов мне довелось присутствовать.

Запомнился большой митинг в Анкаре, неподалеку от меджлиса. Это было незадолго до генерального наступления. Председательствовал сам Кемаль. Один из членов меджлиса ярко, с большим подъемом, высоко подняв голову и потрясая рукой, громил Антанту и выражался весьма недипломатично по отношению к Англии. Участники митинга сочувственно откликались на его слова.

Но вот вынесли откуда-то стол, народ раздвинулся. На стол влез мальчик лет 10—12 в белой шапочке, черном костюмчике. Он, подражая взрослым, тоже призывал к защите Турции. Он широко расставил руки, показывая этим могущество народа.

— Победим, — закончил он, — турецкие солдаты прогонят врагов, и нам, детям, будет хорошо!

Наступление турецкой армии

Наступление подготовлялось в большой тайне. Нам с товарищем Абиловым пришлось немного участвовать в этой конспирации. В «Истории дипломатии» (т. III, стр. 207) говорится, что Кемаль, уезжая на фронт, пустил слух о готовящемся приеме в его резиденции для членов меджлиса и об этом было официально объявлено в газетах. Это верно, но, кроме того, Мустафа Кемаль-паша просил меня устроить большой прием в полпредстве с его участием, широко оповестить об этом общественность Анкары и пригласить послов других стран. Когда все собрались и ждали Мустафу Кемаля, явился его адъютант с извинением, что Кемаль плохо себя чувствует. А Мустафа Кемаль в это время секретно

выехал на фронт, в город Конию. Впоследствии Мустафа Кемаль так говорил об этом отъезде:

— Я скрывал свой отъезд из Анкары. Посвященные в мои планы должны были действовать так, будто я находился в Анкаре. Они должны были даже сообщить прессе, что я устраиваю чай в Чан Кая. Я проехал ночью в автомобиле через соляную пустыню в Конию. На телеграфе был установлен контроль.

— Видите, какое доверие Кемаль оказал нам, представителям Советской России, — говорил я впоследствии некоторым скептикам.

Отъезд Мустафы Кемаля на фронт состоялся 15 или 16 августа 1922 г.

Оперативный план разгрома интервентов был разработан Мустафой Кемалем и Исмет-пашой при ближайшем участии начальника генерального штаба Февзи-паши. Работу над планом начали задолго до наступления, как мне потом рассказывал Мустафа Кемаль. Армию подготовили самым тщательным образом — и в моральном, и в материальном отношении. Выше я приводил данные о численном составе и технике турецкой армии в начале 1921 года (битва при Иненю). Интересно сравнить ее с армией 1922 года. К моменту решающего наступления она имела 100 тыс. штыков, греческая превышала ее незначительно (130 тыс.). Турецкая армия обогатилась пулеметами (2800), по орудиям сравнялась с греческой: 323 орудия у турок и 348 — у греков. Турки создали конный корпус в 5000 сабель, против греческой кавалерии в 1300 сабель. Турецкий генеральный штаб учел при этом опыт нашей Конной армии в гражданской войне. Турецкая конница Фахри-паши сыграла громадную роль: она вышла в тыл врагу и разгромила греческие части. Кроме того, в тылу греков выступили подготовленные заранее партизаны.

Мустафа Кемаль и Исмет-паша руководят разгромом греческой армии

20 августа 1922 г. Мустафа Кемаль был в Акшехире, в ставке командующего фронтом. Под Афионом есть высокая гора Кэджи-тепе. На ней было подготовлено помещение для оперативного штаба. 26 августа туда прибыли Мустафа Кемаль-паша, Исмет-паша и Февзи-паша.

В тот же день турецкая армия перешла в наступление по всему фронту. Главный удар наносился в районе

города Афион-Кара-Хисара. 30 августа город был взят. В боях была разгромлена вся греческая армия. Остатки ее панически бежали в направлении к Измиру. Всего четыре дня понадобилось для уничтожения большой и прекрасно оснащенной англичанами армии интервентов. Бегущий враг в диком исступлении все сжигал и громил на своем пути. Были сожжены города Ушак, Айдын, Магниса, многие деревни.

Правительство Великого Национального Собрания Турции обратилось ко всему миру с протестом против зверств греков над беззащитным населением. 30 августа 1922 г. в бою у Домлу Пунара остатки греческой армии были окончательно уничтожены. К 18 сентября Анатолия была очищена от интервентов. Сами греческие солдаты писали на стенах и заборах проклятия тем, кто заставил их воевать,— империалистам Англии и реакционным правителям Греции.

Разбирать и описывать подробно разгром греческой армии под Афион-Кара-Хисаром я здесь не буду. Он достаточно освещен в военных трудах. Скажу только, что главнокомандующий греческой армией генералиссимус Трикупис был взят в плен со всем штабом. Король Греции Константин отрекся от престола. На плечах деморализованных остатков греческих частей турецкие войска ворвались в Измир. С греческими оккупантами было покончено.

Ликование прошло по всей Анатолии. Только феодалы и их пособники были в угнетенном состоянии. Англия в лице Ллойд Джорджа за участие Греции в интервенции обещала греческому правительству отдать Константинополь, заменить полумесяц крестом на Софийском соборе, сулила все богатства Анатолии, требуя дальнейшей войны против якобы слабой турецкой армии. Горьким было похмелье и для греков, и для Ллойд Джорджа.

Приветствие полпредства РСФСР и ответ Великого Национального Собрания Турции

14 сентября 1922 г. на посланное мною приветствие Великому Национальному Собранию Турции по случаю победы турецкой армии был получен ответ следующего содержания: «Ваше приветствие по случаю взятия доблестной Турецкой армией Измира и других областей, временно захваченных врагом, было оглашено на пленуме Великого Национального Собрания и встречено бурей аплодисментов.

От имени Великого Национального собрания Турции приношу Вам и в Вашем лице Российской Социалистической Федеративной Советской Республике, неизменно питающей искреннюю заинтересованность в нашей национальной судьбе, глубокую благодарность за Ваше приветствие. Особый восторг ВНСТ вызвало Ваше пожелание об отвоевании турецкой армией в ближайшем будущем Стамбула, Адрианополя. Прошу принять, г. полпред, уверение в моем искреннем уважении. *2-й председатель Великого Национального Собрания Турции — Аднан».*

Мустафа Кемаль-паша потом нам рассказывал, что план наступления, в результате которого была окружена греческая армия, созрел не сразу; он был подготовлен и осуществлен совершенно неожиданно для противника.

Рассказ Кемаля о подготовке разгрома греческой армии

— Мы действовали, — говорил Мустафа Кемаль,— чрезвычайно осторожно. Передвижение войск, их перегруппировка для наступления происходили по ночам. Днем войска скрытно отдыхали в деревнях. Наша цель была в том, чтобы до поры до времени скрыть подготовку и самый успех наступления от всего мира и тем самым исключить попытки со стороны Англии и Антанты прийти на помощь грекам. Такие шаги Антантой уже были предприняты через Реуф-бея из Стамбула: нам предложили немедленно заключить перемирие.

Для руководства операцией Мустафа Кемаль, Исмет и Февзи выехали в Кодэнатепе. 30 августа было закончено окружение неприятеля в районе Асылханлара.

— Я обратился, — продолжал Мустафа Кемаль, — к войскам и призвал их выйти быстро к Средиземному и Мраморному морям, вернуть матери Турции Измир и Восточную Фракию. Мы, руководители армии, вдохновляли солдат и укрепляли их уверенность в том, что полностью разгромим англо-греческих оккупантов и других врагов Турции.

Попытки Антанты приостановить победные действия турецкой армии

Державы Антанты направили генерала Пелле, верховного комиссара Франции в Стамбуле, а потом Франклена-Буйона в Смирну для встречи с Мустафой Кемалем, чтобы убедить его не двигаться дальше и не подходить к Мраморному морю и Стамбулу.

Антанта спешила добиться прекращения военных действий, боясь, что армия Кемаля перейдет проливы, захватит Стамбул и Западную Фракию. 23 сентября 1922 г. Кемалем была получена нота от держав Антанты, требовавшая прекращения военных действий и созыва мирной конференции.

Разгром греков поразил Англию в самое сердце. Англия стремилась расширить свои ближневосточные владения, соединить африканские колонии с азиатскими: Аравией, Сирией, Месопотамией, Индией. Препону создавали кемалистская Турция и Советская Россия, мешавшие осуществлению английских захватнических планов на Ближнем и Среднем Востоке. В Англии полагали, что разгромить Кемаля легче, чем большевиков. Но и здесь осекся английский империализм. Он рассчитывал на помощь Франции и Италии, но империалистические противоречия разделяли эти страны с Англией.

Франция, имевшая самые крупные капиталовложения в Турции, теряла в результате войны в Анатолии колоссальные прибыли и не была заинтересована в расчленении Турции по плану Англии. Италия считала себя обойденной при дележе на Версальской конференции и особенно недовольна была передачей грекам Измира, который еще во время мировой войны союзники обещали передать ей. Англия втянула в войну Грецию, решив разбить якобы слабую турецкую армию с помощью греческих войск, оснащенных английским оружием. Но победоносные турецкие войска, воодушевленные идеей защиты родины от иностранных оккупантов, двигались по направлению к Константинополю.

Британский кабинет министров в панике разослал телеграммы доминионам с просьбой о помощи. В телеграмме говорилось, что войска Мустафы Кемаля-паши, не встречая сопротивления, идут к Константинополю и что поражение или унизительная эвакуация союзниками Константинополя могли бы привести к серьезным последствиям в Индии и среди магометанских народов.

Англия обратилась за помощью к Франции, Италии и Балканским странам. Однако Франция и Италия нанесли своей союзнице удар в спину. По приказу Парижа французские отряды покинули чанакские позиции. Ушли из Дарданелл и итальянские войска, а итальянское пра-

вительство заявило, что не будет участвовать ни в каких военных действиях против Турции.

Поражение греков, победа Мустафы Кемаля вызвали правительственный кризис в Англии. Кабинет Ллойд Джорджа подал в отставку. В новом английском кабинете пост министра иностранных дел занял лорд Керзон, ярый враг Советской России. Английское правительство вынуждено было вступить в переговоры с новой Турцией. Англия, Франция и Италия обратились с совместной нотой к турецкому правительству, предлагая послать делегатов на общую мирную конференцию. Союзники обязывались еще до конца конференции добиться отступления греческой армии за линию, которая будет определена командованием войск Антанты. Для решения этого последнего вопроса предлагалось созвать предварительное военное совещание в Мудании.

Переговоры о перемирии

В Муданию для переговоров был направлен Исмет-паша. Французские делегаты, по утверждению Черчилля[37], внушали туркам, что те могут получить от Англии больше, чем она предлагает. Турецкая делегация держалась непримиримо. Мустафа Кемаль-паша лично занимался делами Муданийской конференции, входил во все детали.

Вместе с Исмет-пашой в Мудании находился и начальник генерального штаба Февзи-паша. Характерно, что переговоры о перемирии Турция вела не с Грецией, а с державами Антанты. Выставляла требования Англия. Единства между державами Антанты по-прежнему не было: Англия, в частности, игнорировала представителя Франции — по существу Франция была отстранена от участия в переговорах в Мудании.

Исмет-паша несколько раз прерывал переговоры, конечно с согласия Мустафы Кемаля. 11 октября 1922 г. соглашение о перемирии все же было подписано. Через два дня по требованию Англии подписала соглашение и Греция.

По Муданийскому соглашению Греция отводила свои войска во Фракии за реку Марицу. Турция получала право держать в Восточной Фракии свою жандармерию.

---

[37] См. «История дипломатии», т. III, Госполитиздат, 1945, стр. 208—209.

Союзные войска оставались там, где находились в момент перемирия, впредь до решения мирной конференции. Вдоль проливов, на азиатской стороне, была установлена зона, через которую турецким войскам запрещалось переходить.

Торжества в Анатолии

После того как турецкая армия разгромила греческих интервентов, восторженные манифестации, митинги, молебствия происходили по всей Анатолии, в том числе и в Анкаре.

Возвращение в Анкару Мустафы Кемаля после победы над интервентами было триумфальным. На вокзале выстроились воинские части, все правительство и все члены меджлиса встречали национального героя Гази Мустафу Кемаля-пашу. Советское полпредство, иранское и афганское посольства участвовали во встрече в полном составе. По дороге к меджлису были сооружены арки с приветствиями и лозунгами. Митинги и молебствия были многочисленными. Все население Анкары высыпало в эти дни на улицы и площади.

Запомнилась мне речь на митинге депутата меджлиса из Саруханa. Он очень образно и экспансивно выступал. Высоко подняв руку, он говорил, что империалисты должны будут склонить головы перед Востоком.

— Восток поднимается! — воскликнул оратор. — Победа новой, молодой, возрождающейся Турции несет знамя свободы, мира, и никаким силам ее не одолеть. Тому свидетели мы сами, наша юная армия. Она разбила под руководством великого нашего полководца Гази Мустафы Кемаля-паши греческие войска, вооруженные до зубов англичанами, американцами и другими империалистами.

Другой митинг, на площади около меджлиса, был организован в связи с предложением Антантой мира после победы у Афион-Кара-Хисара и взятия Измира. Председательствовал на митинге Мустафа Кемаль-паша. Голоса ораторов далеко разносились по площади.

— Смотрите, — говорил один из них, — могущественная Англия склонилась перед Турцией! Ее союзники ей изменяют. Она хотела захватить и поработить Турцию, сделать ее своим вассалом, плацдармом для завоевания всего Востока, для борьбы против Советской России. Россия выгнала английских интервентов, Турция раз-

громила Грецию, руками которой империалисты Англии хотели возвратить свое господство над нами. Наша доблестная армия под водительством Гази Мустафы Кемаля-паши разбила в пух и прах греков, заставила их просить мира. Еще усилие — и Константинополь будет наш!

Потом выступил Мустафа Кемаль-паша. Он говорил спокойно, веско. Его слушали с напряженным вниманием.

— Турецкая нация,— говорил он,— выполнила данный ею священный Национальный Обет и очищает святую нашу землю. Мы не склонили головы перед врагом, не послушали предателей из Константинополя, предложивших нам покориться. Нет, никогда гордый турок не склонит своей головы перед империалистами! Провозгласим же здесь славу и здравицу нашей великой армии!

Во многих местах были устроены празднества с представлениями, гимнастическими и народными играми. На широком поле под Анкарой были установлены шатры для гостей. Мустафа Кемаль-паша присутствовал на этом празднике. Очень интересна была народная пляска лазов.

Мустафа Кемаль о турецкой армии

Когда турецкие войска, прорвав фронт, двигались к Средиземному, Мраморному морям и проливам, мы в полпредстве были уверены, что армия Турции ворвется в Стамбул и займет Анатолийские берега проливов и Восточную Фракию. Встретившись с Мустафой Кемалем после его приезда в Анкару, я задал ему этот вопрос, отметив, что победа Турции была неожиданной для Англии и для всей Антанты и Турция могла поставить Антанту перед свершившимся фактом.

Мустафа Кемаль старался доказать, что ворваться в Стамбул было невозможно,— устали войска и возникала опасность быть отрезанными от основной базы. Не ясны были и позиции соперников Англии.

— Муданийское соглашение,— говорил Кемаль-паша,— это успех для Анкары как стратегический, так и политический. Анкара действительно могла занять проливы, Стамбул и Восточную Фракию и переправить туда войска, но в этом случае можно было предвидеть, что Англия, Франция и Италия объявили бы Турции войну.

Но если бы даже и не было военных действий, что весьма вероятно, Турция на неопределенное время оказалась бы в состоянии войны со всей Европой. Страна оставалась бы на военном положении и все больше истощалась, тогда как народ изнемог от войны и ему нужен мир. Такое положение могло затянуться, ибо это нужно было Ллойд Джорджу. С другой стороны, было бы безумием занять Стамбул и Фракию и перебросить туда войска: они были бы отделены от Анатолии проливами, над которыми господствовал бы неприятель. Кроме того, нельзя было оставить и Анатолию без войск. Мы своим осторожным маневром оторвали Францию и Италию от Англии. Иначе бы мы их объединили.

— Занятие нами Стамбула и Фракии было бы на руку союзникам, — разъяснял Мустафа Кемаль. — Теперь же положение дел для Турции совершенно благоприятное: нами приняты такие меры, что если сегодня я отдам приказ о наступлении, то завтра Стамбул и проливы будут заняты нами и мы сможем запереть даже находящийся между выходами из проливов неприятельский флот.

— Мы теперь, — продолжал Мустафа Кемаль, — мирно занимаем Фракию, переправляем туда 8000 жандармов. Они составят ядро фракийской армии, которая немедленно может быть сформирована. Таким образом, располагая армиями по обе стороны проливов, Турция, если положение дел на конференции вынудит ее к этому, может немедленно занять Стамбул и проливы.

Относительно проливов Мустафа Кемаль добавил, что будет настаивать на формуле Национального Обета о «свободе проливов с обеспечением безопасности Мраморного моря и Константинополя» и что союзники должны будут обеспечить эту безопасность такими гарантиями, которые действительно удовлетворят Турцию. Вопрос об укреплении проливов, заметил он, не играет большой роли, так как, владея берегами проливов, Турция при современной технике всегда сможет в случае необходимости закрыть проливы: для этого нужны только пушки.

Говоря о предстоящей мирной конференции и взаимоотношениях между Россией и Турцией, с одной стороны, и между Турцией и Антантой — с другой, Мустафа Кемаль высказал следующие мысли. На конференции

Турция будет твердо настаивать на своих основных требованиях, выраженных в Национальном Обете, и не сделает в этом никаких уступок. Мустафа Кемаль вполне понимал истинные намерения империалистических держав относительно Турции и видел, что не может рассчитывать на искреннее и благожелательное отношение к Турции с их стороны. Он смотрел на мирный договор, который предстояло заключить, лишь как на перемирие, как на необходимую передышку, которая даст возможность Турции немедленно же готовиться и собираться с силами для новой борьбы с империалистами. Мир же заключить нужно, так как народ действительно устал и нуждается в отдыхе. Что же касаётся отношений Турции с Россией, то оба народа связаны общими интересами. Турецкий народ, подчеркнул Мустафа Кемаль-паша, никогда не забудет оказанной ему Советской Россией бескорыстной помощи, и Москва может быть твердо уверена: что бы ни случилось, ни при каких обстоятельствах Анкара не изменит своих отношений к России и будет действовать совместно с ней.

— Я,— сказал Мустафа Кемаль-паша,— могу повторить свои слова, произнесенные в Великом Национальном Собрании Турции после победы на реке Сакарии: «Мы с Россией — друзья. Россия раньше всех признала нас и наши национальные права и проявила к нам уважение. При этих условиях как сегодня, так и завтра, да и всегда Россия может быть уверена в дружбе Турции». Они остаются действительными и сейчас.

Нота Наркоминдела РСФСР Турции

Однако уже вскоре после победы над греками турецкое правительство без уведомления нас стало договариваться с державами Антанты по ряду вопросов, задевающих интересы черноморских стран.

По поручению Наркоминдела РСФСР мною 3 октября 1922 г. была вручена турецкому министерству иностранных дел нота, в которой говорилось:

«Правительство РСФСР по радио из Бордо узнало, что состоится конференция между представителями турецкого командования и представителями Антанты, что Правительство Турции решило согласиться на оккупацию Фракии союзными войсками. Представитель дружественной РСФСР не был об этом предварительно уведомлен.

Правительство РСФСР на основании как Московского договора о дружбе, так и на основании дополнительных нот комиссара иностранных дел Юсуф Кемаль-бея от 4 августа 1921 г. и Полномочного Представителя Турции в РСФСР Али Фуад-паши от 17 сентября 1921 г., а также ответных нот Наркоминдела Чичерина от 10 октября 1921 г. и ряда последующих нот, которые говорили о взаимном обязательстве предварительного обсуждения и согласования общих решений по вопросам внешней политики в ближневосточных делах, и особенно по вопросу о проливах,—стремилось согласовать в настоящий момент свою внешнюю политику с правительством Национального Собрания Турции.

Мое Правительство весьма удивлено, что Турецкое правительство не поддержало ноту РСФСР и не осведомило о своем согласии участвовать в Муданийской конференции, о согласии на оккупацию Фракии, а также проливов и Константинополя. Таким образом, согласованности внешней политики не последовало, благодаря чему создалось положение, благоприятное для Антанты, и в частности для Англии.

Антанта таким путем стремилась к ослаблению как Турции, так и России.

Наше удивление касается этой несогласованности действий в настоящий важный момент, и мое Правительство опасается, что великие победы, совершенные Турецкой Армией, не будут доведены до желаемого конца.

Мое Правительство считает, согласно нашему договору о проливах, что Правительство РСФСР должно предварительно ставиться в известность о всех шагах Антанты по отношению к Турции и обратно, а также считает необходимым обменяться нотами о нашей взаимной поддержке и неучастии на конференции по вопросу о проливах друг без друга...».

Предложение НКИД РСФСР о конференции черноморских государств

После заключения Муданийского перемирия Наркоминдел РСФСР обратился к Англии, Франции, Италии, Египту и балканским государствам с предложением созвать конференцию всех стран и в первую очередь черноморских государств, заинтересованных в ослаблении ближневосточного кризиса. Нота была послана за подписью Л. М. Карахана. В ней говорилось, что в основе событий

на Ближнем Востоке лежит лишь один вопрос — о признании за турецким народом права на фактическое восстановление его полного суверенитета над турецкими землями, и в первую очередь в столице Турции — Константинополе, и в проливах. Свобода проливов, отмечалось в ноте, необходима, прежде всего, черноморским державам, России с ее союзниками и Турции. Между тем державами — победительницами в войне 1914—1918 годов интересы России вовсе не признавались. Что касается Турции, то она рассматривалась как объект переговоров. Далее в ноте говорилось, что Россия и Турция согласились насчет порядка, в котором следует осуществить свободу проливов, и Россия предостерегает западные державы от повторения ошибок, основанных на игнорировании жизненных интересов заинтересованных стран.

Советская нота подчеркивала, что Великобритания намеревается контролировать жизненно необходимый для других государств путь, с тем чтобы держать их постоянно под угрозой. В первую очередь эта угроза направлена против России и Турции. Нота заканчивалась выражением надежды, что голос правительства РСФСР будет услышан всеми, кто ждет действительного мира, основанного на равноправии сторон и полном уважении к суверенитету Турции на всех турецких землях.

Предложение правительства РСФСР не встретило поддержки капиталистических держав. Они хотели решить ближневосточный вопрос иным путем—продолжать господствовать на Ближнем Востоке, захватить ряд земель бывшей Турции, укрепить колониальный режим, разрушить дружеские отношения между Турцией и Советской Россией, держать проливы под своим контролем. Общественность, широкие массы Турции, большинство депутатов меджлиса встретили ноту правительства РСФСР очень сочувственно. Нельзя этого сказать о турецком премьер-министре Реуф-бее. Реуф-бей выражал недовольство нашими нотами, которые, по его словам, являлись формой «агитации» среди турецкого населения. Реуф-бей действовал в данном случае как скрытый султанист и англофил, взгляды буржуа и феодала брали у него верх над интересами нации.

Выдвинутый Мустафой Кемалем в премьер-министры в интересах политической борьбы с реакционной оппозицией в меджлисе, Реуф-бей во внешней политике действовал двурушнически — демонстрировал якобы дружественные чувства к Советской России, а за спиной Мустафы Кемаля вел интриги, поддерживая связь с реакционными силами в Стамбуле, а через них — с империалистическими кругами Англии.

Мустафа Кемаль
в борьбе за республиканскую Турцию

Выдающаяся роль Мустафы Кемаля-паши как вождя национально-освободительного движения, развернувшегося в Анатолии после первой мировой войны, общеизвестна. В период моего пребывания в Турции мне довелось беседовать с Мустафой Кемалем об этих славных годах героической борьбы за превращение Турции из феодальной, полуколониальной страны в свободное, независимое государство.

Вспоминая о созданном «Обществе защиты прав Анатолии» — этом первом очаге освободительного движения, об Эрзерумском и Сивасском конгрессах общества в 1919 году, Мустафа Кемаль отмечал, что уже тогда приходилось встречаться не только с сопротивлением султанского правительства, но и с групповыми и личными разногласиями внутри самого движения.

— Армия существовала только по имени,— рассказывал мне Мустафа Кемаль.— Все надо было создавать в страшном хаосе. Генералы и офицеры были растерянны. Надо было им подсказать выход, воодушевить. Ни они, ни другие группы населения не понимали, что нацию можно спасти без халифата и султаната. Идею халифата и султаната надо было развенчать. Делали мы это постепенно. За это нас ругали, называли людьми неверующими, людьми без родины, изменниками. Кроме того, многие боялись Англии, Франции, Италии.

— Вот в каком положении была наша страна,— говорил Мустафа Кемаль.— Но народ поднимался, и в этом было спасение. Предстояло создать новое турецкое государство, основанное на национальном суверенитете. Мои соратники не все время были со мной. Агентура султана и Антанты нашептывала им различные страхи, и они переходили в оппозицию. Трудно было, но нашлось много друзей, и нация нас поняла.

Мустафа Кемаль исходил из того, что Турция имеет все основания требовать от других государств культурного, гуманного отношения и дружбы, основанных на взаимности. В области внутреннего устройства Турции он считал, что национальная воля должна быть сосредоточена в Великом Национальном Собрании, которое, соединяя в себе законодательную и исполнительную власть, должно стать высшим вершителем судеб Турции. Тем самым уже тогда Мустафа Кемаль по существу возвещал переход Турции к республиканскому строю.

Реакционные силы повели против Мустафы Кемаля ожесточенную враждебную кампанию. Он с горечью писал об этом:

«Некоторые рассматривали начавшееся объединение нации как результат моей личной инициативы. Они не понимали, что правильнее было бы объяснить это политическим пробуждением народа, и добивались лишения меня возможности проявить инициативу, дезавуировать меня, рассчитывая, что меня проклянет нация».

Свержение и изгнание султана

1 ноября 1922 года произошло знаменательное событие — Великое Национальное Собрание Турции приняло закон о ликвидации султаната. Решение этого вопроса было ускорено приглашением Турции на мирную Лозаннскую конференцию: державы Антанты продолжали признавать правительство султана Вахидэддина и наряду с правительством ВНСТ пригласили на конференцию также стамбульское правительство.

Характерны некоторые детали, связанные с этим важным конституционным актом. 31 октября 1921 г. на собрании парламентской «Группы защиты прав» Мустафа Кемаль заявил о необходимости ликвидации султанской монархии. На следующий день на заседании меджлиса он выступил с большой речью. Мустафа Кемаль-паша разделил вопрос о султанате и халифате. Считаясь с возможностью неблагоприятного отзвука в стране на предложение об упразднении халифата, Кемаль поставил прежде всего вопрос об уничтожении султаната и изгнании Вахидэддина — последнего султана. Кемаль доказывал в своем выступлении, что вся власть, весь суверенитет должны принадлежать Великому Национальному Собранию Турции. Он привел ряд историче-

ских примеров, когда умерщвляли халифов, изгоняли их и т. п.

— Султан Вахидэддин,— сказал Кемаль,— опозорил себя своими сделками с империалистами в глазах всей нации и должен быть свергнут.

Выше мною было уже рассказано о двурушническом поведении премьер-министра Реуф-бея в вопросах политики новой Турции. По вопросу о ликвидации трона он говорил Мустафе Кемалю, что душой и сердцем предан султану, так как отец его жил благодеяниями монарха и принадлежал к сановникам Оттоманской империи.

— Воспоминания об этих благодеяниях,— говорил Реуф, — живут у меня в крови. Мой долг – остаться верным султану и халифату. Без них Турция придет к катастрофе.

Незадолго до 1 ноября 1922 г., когда был принят закон о ликвидации султаната, оппозиция повела, как писал Кемаль, ожесточенную агитацию в Собрании, приписывая лично Мустафе Кемалю проект свержения султанской власти.

Чтобы обезвредить маневры оппозиции в этом вопросе, Мустафа Кемаль пригласил Реуф бея в свой кабинет в здании Собрания. Приняв премьер-министра стоя и делая вид, что ему совершенно неизвестны его, Реуф-бея, взгляды и убеждения, Мустафа Кемаль обратился к нему со следующими словами:

— Мы отделим халифат от султаната и уничтожим последний. Вы выступите в Собрании с заявлением, одобряющим эту меру.

Ни одного слова более не было произнесено. Реуф вышел из кабинета. Мустафа Кемаль пригласил Кязым Бекир-пашу (тоже приверженца султаната и халифата) и попросил его выступить с таким же заявлением.

Реуф-бей выполнил просьбу Мустафы Кемаля паши. Он даже внес предложение считать день уничтожения султаната национальным праздником. Мустафа Кемаль сам немало потом удивлялся подобному образу действий Реуф-бея.

Внесенный в Национальное Собрание проект закона констатировал распад Оттоманской империи, создание нового турецкого государства и подтверждал, что суверенные права принадлежат нации. Проект был подписан 80 депутатами, в том числе и Мустафой Кемалем-пашой.

В прениях открыто выступили против этого предложения только два депутата.

Характерна заключительная часть речи Мустафы Кемаля-паши на заседании меджлиса.

— Суверенитет и власть,— сказал он,— никому не могут быть переданы в результате академической дискуссии. Суверенитет и власть приобретаются только силой и даже насилием. Задача заключается исключительно в том, чтобы констатировать свершившийся факт. Я полагаю, что Высокое Собрание примет единогласно сохранение на вечные времена независимости нации в стране.

Предложение об изгнании султана и отделении халифата от государственной власти было принято единогласно. Оппозиция побоялась голосовать против — настолько общественное мнение было подготовлено к свержению султана. Вместе с тем Мустафа Кемаль опасался феодальных и клерикальных кругов, их власти над забитым крестьянством и не решился тогда провозгласить республику.

По приглашению Мустафы Кемаля-паши мы с товарищем Абиловым присутствовали на этом историческом заседании меджлиса. Кемаль говорил горячо, чувствовалась его большая уверенность, но он все же волновался.

В зале поднимался шум, раздавались выкрики с мест. Уничтожение векового султаната казалось многим делом невероятным. Многие депутаты как бы сами удивлялись своей храбрости. Вожди оппозиции — Рефет-паша, Реуф-бей и другие вышли из здания меджлиса с опущенными головами.

Последняя точка все же не была поставлена. Только через год, 29 октября 1923 г., меджлис объявил Турцию республикой и еще позднее (3 марта 1924 года) упразднил халифат. Но монархический строй по существу был свергнут, и халифат после этого не имел уже никакой власти.

17 ноября 1922 г. ночью Вахидэддин оставил дворец, обратился за защитой к Великобритании и был принят на борт английского корабля.

Великое Национальное Собрание Турции объявило беглого султана низложенным. Халифом был избран наследный принц Абдул Меджид. Последний халиф.

Г. В. Чичерин прислал Мустафе Кемалю-паше приветствие по случаю ликвидации султанского режима.

Разделение светской и духовной власти дало почву для всевозможных толков в народных массах. По многочисленным откликам, полученным советским полпредством, можно было судить, что в общем турецкий народ воспринял изгнание султана и отделение халифата спокойно, даже положительно. Мустафе Кемалю нечего было опасаться с этой стороны, широкие массы населения его поддержали. Однако среди городского и сельского населения продолжалась агитация агентов реакционной оппозиции. Распространялись слухи, что Гази сам собирается занять место халифа.

Поддержка народом свержения султана

Мустафа Кемаль знал об этой агитации. Желая укрепить связь с народом, он разъезжал по стране и вел беседы о новой власти. В результате он добился роста симпатий и уважения к себе и разрушил враждебные замыслы оппозиции. Мустафа Кемаль стремился привлечь на свою сторону и часть иттихадистов, особенно из рядового состава; он вел с ними в провинции беседы, оказывал гостеприимство многим из них.

Реальной силой против оппозиции была армия, целиком стоявшая на стороне Мустафы Кемаля. Но он не применял эту силу, а стремился убедить людей из среды враждебных ему иттихадистов и оппозиции в меджлисе и привлечь лучших из них на свою сторону.

Враги новой Турции распространяли слухи о том, что Мустафа Кемаль якобы собирается распустить Великое Национальное Собрание. Неожиданно подлил масла в огонь оппозиции Юнус Нади. В своей газете «Ени Гюнь» он выступил со статьей «Новый период борьбы», в которой говорилось: «Если захочет паша — распустит ВНСТ...». Правда, Юнус Нади сделал это, по-видимому, с целью припугнуть оппозицию.

Оппозиционные настроения в меджлисе и нападки на Мустафу Кемаля нарастали. Ходжи, муллы, крупные помещики, чиновники, тесно связанные в прошлом с султанским двором, некоторая часть высшего генералитета, часть иттихадистов — такова была среда, на которую опиралась реакционная оппозиция. Часть реакционеров боролась открыто, но большинство образовывало тайные группы.

Рост оппозиции в меджлисе

Оппозиция боялась аграрной реформы, захвата крестьянами земли, боялась развития борьбы рабочего класса, тесной связи Турции с Советской Россией. У оппозиции не было уверенности, что Мустафа Кемаль не пойдет навстречу народному движению.

Шли нападки и на Исмет-пашу, как на ближайшего помощника Мустафы Кемаля, а впоследствии и как на председателя турецкой делегации на Лозаннской конференции. Печать разжигала страсти. Мустафа Кемаль, выступая в меджлисе, обвинял оппозиционных депутатов в том, что они руководствуются враждебной информацией Антанты. Оппозицией был выпущен памфлет «Мусульманский халифат и Великое Национальное Собрание». В нем меджлис противопоставлялся нации и общенародным интересам.

Воспользовавшись поездкой Мустафы Кемаля по стране, три депутата — Сулейман Неджати-бей из Эрзерума, депутат Селяхетдин от Мерсины и Эмин-бей от Джанины — внесли проект изменения Положения о выборах. В проекте предлагалось лишить права быть избираемыми в депутаты тех, кто не принадлежал по рождению к населению, живущему в пределах нынешней Турции. Вместе с тем по внесенному проекту для избрания требовалось постоянное проживание в течение пяти лет в одном избирательном округе. Так как Мустафа Кемаль-паша родился в Салониках, не входивших в состав новой Турции, и не проживал пять лет на одном месте, тем самым он лишался права быть депутатом.

Речь Мустафы Кемаля-паши против проекта оппозиции

Мустафа Кемаль-паша выступил против этого проекта. Закончил свою речь он так:

— Кто дал вам, господа, поручение лишать меня моих гражданских прав? С этой трибуны я обращаюсь официально к Великому Собранию, к населению избирательных округов, ко всей нации и требую ответа!

Речь Мустафы Кемаля была опубликована во всей турецкой прессе. В меджлис были присланы тысячи телеграмм и писем с протестом против действий депутатов-оппозиционеров. Во многих письмах избиратели требовали лишения их депутатских прав.

Мустафа Кемаль-паша дал понять, что меджлис в его тогдашнем составе может стать препятствием в стро-

ительстве новой Турции. Встал вопрос о его роспуске и проведении новых выборов.

Весной Мустафа Кемаль преобразовал парламентскую «Группу защиты прав» в политическую партию, получившую название Народной партии. По инициативе этой партии меджлис единогласно принял закон о выборах в Великое Национальное Собрание. Мустафа Кемаль уделял много внимания предвыборной кампании. Он участвовал в составлении списков кандидатов в депутаты от Народной партии, разъезжал по стране и произносил речи о положении Турции и задачах турецкого правительства. Эти выступления Мустафы Кемаля интересны с точки зрения программы, которую он создавал для Народной партии, а также для выяснения его политических взглядов. Они важны также для правильного понимания современным читателем исторического периода, который тогда переживала Турция.

Выступая 17 февраля 1923 г. в мечети в Балыкесире, Мустафа Кемаль говорил:

Выступления Кемаля перед выборами в ВНСТ

— Наш пророк внушал людям истины религии. Основные законы нашей религии охватывают все правила, соответствующие природе, разуму и логике. Сейчас мы находимся в доме, где пророк устраивал собрания верующих. Мечети построены не для того, чтобы в них смотреть друг на друга, дремать, затем вставать и уходить. В мечетях надо обсуждать, что мы должны делать для народовластия и независимости. Здесь надо изучать общественное мнение нации.

Мустафе Кемалю был задан ряд вопросов. На вопрос о Народной партии он ответил:

— Народная партия — партия политическая, она создана для руководства властью от имени народа и для народа. Народная партия не придерживается никаких классовых позиций. Турция — страна земледельческая. Огромное большинство турецкого народа — хлебопашцы и пастухи. У нас имеются ремесленники и мелкие городские торговцы. Разумеется, мы обязаны защищать их интересы. Подобно тому, как в вопросе о крестьянах приходится думать и о крупных землевладельцах, так же и в вопросе о торговцах приходят на ум купцы с большим капиталом. В нашей стране крупных капиталистов нет, поэтому мы не являемся их врагами. Мы даже бу-

дем стараться, чтобы в нашей стране появилось больше миллионеров и даже миллиардеров.

— Затем идут рабочие, — продолжал Мустафа Кемаль-паша. — В настоящее время фабрик, заводов в Турции очень мало. Налицо у нас не более 20 тыс. рабочих. Между тем для поднятия экономики мы сильно нуждаемся в фабриках. Для этого нужны рабочие. Поэтому следует защищать рабочих, которые не отличаются от тех, кто работает на поле. Далее следует интеллигенция. Может ли она оказаться враждебной народу? Ведь ее призвание, войдя в народ, руководить им на пути к прогрессу и культуре. Ввиду того, что интересы различных классов у нас тесно связаны друг с другом, — заявил Мустафа Кемаль, — Народная партия будет представлять весь народ, явится школой, которая даст народу политическое воспитание. Необходимо иметь уверенность, что достигнутые завоевания сохранятся. Пока я еще не свободен от опасений и никому из вас не советую быть беззаботным. У нас, как и везде, может возникнуть сила против нового движения. Необходимо быть настороже, — предостерегал Мустафа Кемаль.

17 марта 1923 г. в речи на собрании в Тарсусе в ответ на приветствие одного из землевладельцев Рамазанааги Мустафа Кемаль сказал:

— Этот вечер является самым счастливым в моей жизни, так как я сидел за одним столом с земледельцами, составляющими большинство нашей нации. За этим столом мы едим хлеб, добытый их трудами. Есть два средства для завоевания счастья — оружие и соха. Нация, побеждающая только оружием, в один прекрасный день станет жалкой и разоренной. Прочны лишь завоевания, сделанные сохой. Рука, поднимающая оружие, устает, а рука, держащая соху, крепнет изо дня в день. Соха всегда побеждает оружие. Поэтому мы должны обеспечить прежде всего благосостояние земледельца, ибо земледельцы и пастухи являются основными элементами нашего народа.

— В настоящий момент, — продолжал Кемаль, — мы добились независимости. Надо лишь, чтобы ее признали наши враги. Мы должны быстрыми шагами продвигаться в области ремесел, экономики и техники. Султаны и окружающие их предатели народа в течение веков держали Турцию во тьме невежества. Они думали о на-

роде только тогда, когда нуждались в деньгах и солдатах. Одной рукой они грабили страну, а другой, навербовав из народа солдат, завоевывали Египет, Персию. Деньги они взыскивали с народа силой палки, они привели народ к бедности, разрухе. И такой образ правления называется «падишахлык» (монархия).

— Мы безвозвратно уничтожили этот режим,— заявил Мустафа Кемаль-паша.— Правительство, обеспечивающее защиту нации, ее благосостояние, может быть названо хорошим. Прежнее, оттоманское правительство не осуществило ни первой, ни второй задачи. В одном Йемене погибло большое количество турецких солдат. А подумайте еще о Балканах, Сирии. Страна разрушена до основания. Реакционеры, приверженцы старого строя, считающие себя всезнайками, станут рисовать вам в хорошем виде то, что я обрисовал в плохом. Предоставляю вам дать им ответ.

— Есть люди,— говорил Кемаль,— старающиеся разрушить наше взаимное доверие. Знайте, что это враги нации! Они предпочитают перешептываться, но пусть народ их знает и пусть спросит их открыто. Великое Национальное Собрание Турции выполнит свой исторический долг. Будут новые выборы. После подписания мира перед нами откроется период труда.

На банкете, устроенном ремесленниками, Мустафа Кемаль произнес речь о значении ремесел. Закончил он ее так:

— Наша религия говорит, что тот, кто не трудится, тот не является членом общества. А между тем есть некоторые люди, полагающие, что прогрессивный человек—это враг. Создавая такие ошибочные представления, они ведут к тому, чтобы мусульмане оставались порабощенными неверными. Не считайте всех чалмоносцев истинными муллами. Истинный мулла отличается не чалмой, а головой.

В Конии на встрече с местными купцами Мустафа Кемаль ответил на вопрос одного из них о предполагаемых мероприятиях правительства для развития торговли.

— Думая сейчас о торговле,— сказал он,— я непременно вспоминаю о режиме капитуляций. Необходимо обеспечить, чтобы аннулированные кровью капитуляции были зарыты безвозвратно. Лишь тогда смогут разви-

ваться наши торговля и промышленность. После этого надо думать о мерах для конкуренции турецкой торговли с мировой. Для этого нужны две вещи. Во-первых, производить всевозможные товары; во-вторых, немедленно построить шоссейные и железные дороги.

Для благосостояния нашего торгового люда необходимо изъять дело торговли из рук иностранных капиталистов. Ведь наш вывоз достигает только наших берегов, а затем попадает в чужие руки и отправляется за границу. От нас уходит большая доля прибыли. Поэтому и пункты назначения нашего вывоза должны быть в руках наших купцов.

Там же, в Конии, на банкете, устроенном в честь Мустафы Кемаля «Турецким очагом», ему был задан следующий вопрос: «Есть один класс, который идет против народной революции и считает своим долгом направлять людей на истинный религиозный путь. Какие меры принимаются против этого класса?».

Мустафа Кемаль сказал:

— Этот вопрос не ясен. Нельзя сказать, что у нас есть особый класс, проповедующий религию, а остальные лишены этого права. Чтобы быть ходжой, не нужно обязательно носить духовное одеяние. Среди наших духовных лиц есть такие, которыми нация может гордиться. Но одновременно есть и невежды в одежде духовенства. Эти две категории не нужно смешивать. В результате действий тех, которые обманывали народ под религиозной маской, наша религия после первых четырех халифов стала орудием политики, личных интриг и деспотизма. Так было во времена Абассидов, Омейядов и в Оттоманской империи. Но в истории подобные бесчестные люди всегда получали наказание. Я лично являюсь их врагом. Пусть только они предпримут хотя бы один шаг не только против моих идей и моей цели, но и против всего, с чем связана жизнь турецкого народа,— и этот шаг придется рассматривать, как отравленный кинжал, направленный в сердце народа. Тогда я и мои единомышленники всегда и везде будем их уничтожать. Скажу больше: если даже не будет законов, обеспечивающих это право, если кто-либо отступит перед подобными попытками, если даже я останусь один, то все равно буду бороться с ними.

На приеме, устроенном женским обществом Красного Полумесяца в Конии, Мустафа Кемаль обрисовал роль турецких женщин в национально-освободительной борьбе и строительстве новой Турции.

Участница освободительной войны партизанка Аише Чауш.

— Помощь, оказанная женщинами делу национальной борьбы, очень велика, — заявил он. — Я уверен, что подобная деятельность принесет стране еще много пользы. В ходе революционной жизни последних лет мы всегда с благодарностью вспоминаем высокую самоотверженность анатолийской женщины. Нет на свете женского труда выше труда анатолийской крестьянки. В то время, когда мужчины вели борьбу против интервентов, женщины обрабатывали поля. Женщины производили средства существования для страны; женщины играли великую роль в этой войне и прежних войнах. Самоотверженная женщина Анатолии пахала землю, засевала ее, таскала дрова из леса, возила хлеб на базар; она с ребенком на руках, в дождь, грязь, холод и жару на арбах доставляла на фронт военное снаряжение. Мы все должны вечно чтить и уважать этих женщин. Уважая женщину, мы должны изменить ее одежду, открыть ее лицо.

Мустафа Кемаль призвал сделать женщину участницей строительства новой Турции.

— Если турецкие женщины, — говорил он, — будут участвовать в научной, хозяйственной и политической

жизни народа, то даже фанатики должны будут отказаться от возражения против этого.

— На пути просвещения,— сказал Мустафа Кемаль, — наши женщины идут вместе с мужчинами. Везде я вижу, что женщина идет вровень с мужчиной. Мы можем гордиться этим. Истинный путь борьбы для нашей женщины состоит в вооружении знаниями. Я не сомневаюсь в том, что наши женщины не только не отстанут, но и превзойдут европейских.

Неоднократно об этом же, то есть о равноправии турецких женщин и необходимости борьбы с реакцией, Мустафа Кемаль говорил во время пребывания в Измире и других городах и населенных пунктах.

Поездка Мустафы Кемаля-паши в Аданский вилайет сопровождалась рядом демонстраций против французских колонизаторов. В Адане он был встречен большой толпой беженцев из Александретты, несших черные флаги. Одна женщина, вышедшая вперед для приветствия, сказала:

— Наши убитые мужья и осиротевшие дети день и ночь умоляют вас об освобождении нашей Родины. Наши скорбные глаза устремлены на вас.

На это Мустафа Кемаль ответил:

— Турецкий очаг существовал тысячи лет в ваших местах. Он не останется порабощенным иностранцами.

В ответ из толпы раздались возгласы: «Ваши слова, паша, мы принимаем как закон!».

Выборы в Великое Национальное Собрание состоялись в июне 1923 года и принесли полную победу Народной партии. Ни один из кандидатов, выдвинутых оппозицией, не был избран. Через несколько месяцев Турция была провозглашена республикой, и Гази Мустафа Кемаль-паша был избран ее президентом. Первый совет министров республики возглавил Исмет-паша.

Реакционная оппозиция и отношения между Турцией и Советской Россией

Свержение султана, провозглашение республики, борьба с режимом капитуляций — все эти события носили ярко освободительный характер и революционизировали массы. Важную роль в национально-освободительной борьбе турецкого народа играл начавший организовываться рабочий класс.

Рабочие героически сражались на фронте, защищая

независимость Турции, работали на заводах, изготовляя артиллерийские снаряды, патроны, шашки. Рабочие Стамбула помогали доставлять оружие для национально-освободительной армии в Анатолии.

Война сильно отразилась на крестьянстве, пробудив его к политической жизни.

Победа над греками, свержение султана пробудили у крестьян стремление к улучшению своего положения, нарастало недовольство существующими земельными отношениями, дело шло к аграрной революции. Аграрного движения сильно боялись не только феодалы, но и турецкая буржуазия, которая получила от победы национального движения ряд привилегий, обогатилась во время войны с греками, захватила торговые и другие экономические связи, принадлежавшие ранее иностранцам. В стране шло брожение.

В меджлисе стала вновь более отчетливо сказываться оппозиция.

Было время, когда одного острого взгляда Мустафы Кемаля оказывалось достаточным, чтобы оппозиционеры бросились целовать его руки. Теперь оппозиция стала смелее.

Реуф-бей, Кязым Кара Бекир и др. образовали новую, так называемую Прогрессивно-республиканскую партию, в которую вошли отколовшиеся от Народной партии оппозиционные Кемалю генералы и сановники, а также члены бывшей оппозиционной «второй группы защиты прав».

Эта партия была создана, как заявлял Кемаль, для помощи врагам Турции за границей в деле уничтожения нового турецкого общества. В своей подрывной работе Прогрессивно-республиканская партия пользовалась религиозными лозунгами, поднимала под этими лозунгами восстания, особенно на востоке страны. Эта реакционная партия рассылала своих агентов по всей Анатолии. О ее враждебных замыслах Мустафа Кемаль знал. В своих заметках он писал, что повешенный Кадри[38], которого мятежники признали в качестве вали (губернатора), писал шейху Саиду: «Партия Кязым Кара Бекир-

---

[38] Кадри — участник реакционного восстания курдов в 1925 г., вспыхнувшего во главе с шейхом Саидом под лозунгом «во имя шариата и попираемого аллаха».

паши в Собрании является верующей и уважает религиозные предписания. Я не сомневаюсь, что она не откажет нам в своей поддержке...».

Кемалистское правительство прибегло к чрезвычайным мерам и положило конец контрреволюционной, направленной против интересов нации деятельности Прогрессивно-республиканской партии. Мятеж курдов был подавлен. Партия Кязым Кара Бекира была распущена и запрещена.

Для взглядов оппозиции на советско-турецкие отношения характерна фраза Реуф-бея, оброненная им в меджлисе:

— Является ли газета «Хакимиет-Миллие» официозом Турции или официозом русского посольства?

Это было им сказано по поводу эпизода с поздравительной телеграммой замнаркоминдела Л. М. Карахана на имя Великого Национального Собрания Турции. Дело было так. С телеграфа, где я получил телеграмму, я отправился к руководителю Бюро прессы Ахмеду Агаеву. Он при мне перевел ее на турецкий язык и отдал в печать. Я предупредил Агаева, что еще не посылал телеграммы Реуф-бею, но что ночью мы переведем ее на французский язык и пошлем. Я так и сделал. Реуф-бей лично расписался в одиннадцать часов вечера на конверте. Но так как он не читал по-французски, то ознакомление с телеграммой, по-видимому, отложил до утра. Утром письмо было уже напечатано в газете, и Реуф-бей поднял шум: приветствие-де было напечатано раньше, чем оно было оглашено в меджлисе. Когда в меджлисе рассматривалась смета Бюро прессы, то оппозиция предъявила обвинение Ахмед-бею Агаеву. Прогрессивная часть меджлиса стала, однако, на сторону Агаева. Мустафа Кемаль также поддержал его. После речи Ахмед-бея сторонники его устроили ему овацию.

Мустафа Кемаль заявил, что первую задачу, военную, он выполнил, вторую же задачу — внутренние реформы — он надеется также разрешить, опираясь на таких правильно понимающих национальные интересы помощников, как Ахмед-бей Агаев. Нужно отметить, что если бы не защита его Мустафой Кемалем, то Ахмед-бей был бы уволен.

Инцидент с Ахмедом Агаевым — в общем мелкий, но он отчетливо показал настроение умов оппозиции, воз-

главляемой Реуф-беем, в вопросе об отношениях с Советской Россией. Вместе с тем он продемонстрировал дружественную симпатию основной массы депутатов Великого Национального Собрания Турции к Советской Республике.

Общественные деятели новой Турции о Советской России

Мухреддин, бывший деятель партии «Единение и Прогресс», впоследствии порвавший с ней, некоторое время пробыл в новой Турции, а затем уехал и жил в Советской России. Я ознакомился с его письмом, написанным в январе 1922 года и адресованным Юсуф Кемаль-бею. В письме Мухреддин излагает свои впечатления о Советской России, представляющие несомненный интерес.

Мухреддин критически разбирает убогие рассуждения о большевиках европейской печати и реакционно настроенных, невежественных турецких деятелей, а также части турецких интеллигентов, находившихся под влиянием империалистов.

«Буржуазная европейская печать, — пишет он, — считает русских революционеров утопистами. Это ложь. Наоборот, я нахожу, что большевики — большие материалисты, реалисты и очень сильны как идейно, так и в смысле практики. Большевики никогда не отступают от своей системы и методов в теории и в жизни. Совершив ошибку, они ее быстро находят и исправляют».

Отвечая на обвинение большевиков в том, что они «перевернули Россию вверх дном», автор письма заявляет, что «безусловно, существовала нужда в таком действии. Это необходимо было для свержения царизма и для создания возможности и условий социальной революции. Коммунисты России повели громадную созидательную работу и достигли больших успехов. Один из примеров я лично наблюдал в Баку — это резкое увеличение добычи нефти».

«Диктатура пролетариата с насилием над капиталистами, помещиками, феодалами жестока, — пишет далее Мухреддин, — но это необходимо по отношению к сопротивляющимся революции». Мухреддин считает, что это вызвано гуманной целью — освободить трудящихся от деспотизма капитала и феодалов. Он показывает далее, что русский пролетариат действовал и одновременно учился. Мухреддин ссылается на такие же мысли

других своих соотечественников, видевших Советскую Россию.

Хочется привести еще один пример правильного понимания прогрессивными буржуазными деятелями Турции сути русской революции.

Ахмед Агаев, директор Бюро прессы, в своем выступлении при открытии в Анкаре «Турецкого очага» говорил о значении учения Маркса и Ленина. «Практика строительства коммунизма в России,— заключил Ахмед Агаев, — подтвердила правоту учения Маркса и Ленина».

Ага-оглу Ахмед-бей (Агаев).
Зарисовка академика Лансере.

Вспоминая политическую обстановку в Турции периода первых лет наших с ней взаимоотношений, атмосферу взаимной дружбы и уважения друг к другу, общность политики обоих государств в борьбе против империализма, нельзя, разумеется, умолчать о разногласиях и спорах, которые имели место по различным вопросам, начиная с крупных, как Лазанская конференция, и кончая небольшими, возникавшими по вине недалеких турецких чиновников и некоторых недальновидных политических деятелей Турции.

Все это было связано с общей международной обстановкой, в то время крайне напряженной. Империалистические державы продолжали вести вооруженную борьбу против социалистической Советской России, одним своим существованием влиявшей на развитие освободительной борьбы в колониальных и полуколониальных странах.

В этом свете и надо рассматривать отношения Совет-

ской России с Турцией, как они складывались в те годы.

Главные империалистические державы не могли спокойно относиться к нашему присутствию в Турции. Империалисты Англии, Франции, а вместе с ними и турецкие феодалы стремились подорвать престиж Советской России, дискредитировать ее в глазах турецкой общественности. Империалисты и феодалы бывшей Оттоманской империи имели своих платных и не платных агентов не только на всей территории Анатолии, но и внутри турецкого правительства (Реуф-бей, Рефет-паша, Кязым Кара Бекир, Али Фуад-паша и др.), а также среди буржуазии, в меджлисе и даже отчасти среди приверженцев Мустафы Кемаля. Многие политические деятели Турции лишь прикрывались маской дружелюбия к Советской России. Наши противники не брезгали самыми гнусными, подлыми приемами — организацией поджога советского полпредства, засылкой к нам провокаторов и шпионов, распространением всяческой клеветы, подкупом турецких чиновников с целью помешать повседневной работе полпредства, распространением ложных слухов о нашей якобы связи с парламентской оппозицией и, наконец, как венец провокаторской деятельности врагов новой Турции и РСФСР — запугиванием несуществующими «большевистскими заговорами», направленными на подрыв авторитета Мустафы Кемаля.

По наущению Реуф-бея турецкая жандармерия засылала ко мне под видом «коммунистов» агентов-провокаторов, которые требовали у полпредства «денежных субсидий и жалованья». Мы разоблачали этих агентов и выгоняли их. Засылка провокаторов, очевидно, делалась с целью скомпрометировать полномочного представителя РСФСР.

Вспоминается один забавный эпизод, относящийся к числу провокаций против советского полпредства.

Вскоре после моего приезда в Анкару ко мне явился с визитом шейх Серват-эффенди, депутат меджлиса от Таруссы. В бело-зеленой чалме, с окладистой седеющей бородой, в шелковом халате, он выглядел весьма благообразно. Шейх отрекомендовался «убежденным коммунистом». Я предложил ему сесть; принесли кофе. Он смотрел на меня в упор и говорил в заискивающем тоне. Разговорились о делах Турции. Серват-эффенди недоброжелательно отозвался об Англии, убеждая меня в не-

обходимости бороться с империализмом и помочь в этом туркам, для чего необходимо... создать «крепкую коммунистическую партию». Я молчал. Вдруг ходжа вскочил и приложил руку к чалме. Я удивленно посмотрел на него.

— Отдаю честь великому всемирному вождю — Марксу, — заявил он. — Я только что увидел у вас образ Маркса и отдаю ему свое великое почтение.

У меня в кабинете на столе действительно стоял небольшой бюст Маркса. Ходжа некоторое время стоял перед ним неподвижно, склонив голову.

Турция на Лозаннской конференции

Великая Октябрьская социалистическая революция пробудила среди порабощенных народов Востока небывалое по размаху революционно-освободительное движение. Борьба против колониального гнета империалистических держав развернулась в ряде стран — Афганистане, Персии, Турции, Китае. С этим империалисты Англии, Франции и других колониальных держав, разумеется, не хотели мириться.

Когда прямые вооруженные атаки на Советский Союз и на молодую Турцию не дали результатов, империалистические правительства в лице Черчилля, Керзона, Ллойд Джорджа, Пуанкаре изменили тактику. Они повели закулисную подрывную борьбу, стараясь рассорить Советский Союз с новой Турцией.

Империалистические агенты проникали в турецкие правительственные и политические организации.

Я уже говорил выше об интригах и провокациях, на которые пускалась империалистическая агентура в Турции в те годы, когда установились и развивались, по инициативе В. И. Ленина, дружеские отношения между этой страной и Советской Россией.

Реакционная клика Реуф-бея различными обходными маневрами старалась запутать жизненно важный для Турции и Советской России вопрос о проливах, поднимала разговоры о советской системе монополии внешней торговли, о нашем торговом представительстве, консульствах и т. д., стремясь во что бы то ни стало создать напряженность в отношениях с советским полпредством. Это особенно ощущалось нами в период Лозаннской конференции.

Неправы, однако, те, кто, сравнивая прошлое с настоящим, говорит, что-де при Мустафе Кемале-паше «тоже» имели место враждебные выпады против СССР. Да, такие выпады были, но они шли не со стороны правительства новой Турции и народа, а со стороны империалистической Антанты и турецкой контрреволюции, от тайных агентов Антанты, всяких авантюристов, интриганов, ничем не брезгавших в своих личных, корыстных интересах. И все же, несмотря на все усилия империалистов и внутренней турецкой реакции, им не удалось сорвать дружеских отношений между Турецкой республикой и Советской Россией.

Империалистам западных держав было, разумеется, отнюдь не на руку то, что Турция на Лозаннской конференции имела возможность опираться на поддержку Советской России. Они стремились вбить клин между нами, старались создать впечатление о «холодных отношениях» советских представителей с главою турецкого правительства Гази Мустафой Кемалем. Это соответствовало целям западных держав, организаторов Лозаннской конференции, и в этом направлении должны были действовать по их наущению приверженцы Реуф-бея и реакционная турецкая печать.

Беседа с Реуф-беем

У меня в памяти и в записях сохранились длительные, подчас жаркие дискуссии с премьер-министром Реуф-беем, иногда продолжавшиеся по 3—4 часа, по вопросам Лозаннской конференции, а также по вопросам, выдвигая которые, мой собеседник старался отвлечь наше внимание от предстоящей конференции. Я не буду полностью приводить наших споров, они часто бывали однообразны. Но хотя бы кратко о них следует сказать.

Как уже было сказано, одним из «спорных» вопросов, возникавших по инициативе турецкой стороны, был вопрос, связанный с монополией внешней торговли. Он появился и в моей беседе с Исмет-пашой. Исмет-паша говорил, что Турцию смущает следующее обстоятельство: Внешторг есть государственное учреждение, он имеет в Турции свое представительство и является как бы отделением Народного комиссариата иностранных дел; у торгпредства свой флаг и вывеска, на которой написано: «Представитель Комиссариата внешней торговли

РСФСР». Подобные опознавательные знаки висят и на зданиях всех советских консульств.— Это дает повод сделать вывод, что Внешторг якобы не подчиняется турецким законам, что он экстерриториален,— заключал Исмет паша.

Эти доводы мне раньше приводил Суад-бей, чиновник турецкого министерства иностранных дел, наиболее упрямо отстаивавший позицию западных дипломатов в вопросе о нашей монополии внешней торговли.

Хотя Исмет-паша только что приехал тогда в Анкару с фронта и не мог быть знаком подробно с внешторговской проблемой, он тем не менее показал себя при разговоре со мной достаточно осведомленным. «Аргументация» Суад-бея была, видимо, передана Исмет-паше в заранее подготовленном виде.

Я возражал против этой притянутой за уши аргументации, разъясняя, что торгпредство не является отделением Наркоминдела и что об экстерриториальности наших внешнеторговых органов не может быть и речи.

— Мы, — говорил я Исмет-паше, — являемся первой страной, отменившей режим капитуляций в отношении Турции. Нам и в голову не могло прийти требовать возобновления этих привилегий в какой-либо форме. Это противоречило бы самой природе Советской власти, стоящей на позиции полного суверенитета каждой нации. Мы добиваемся только улучшения наших экономических отношений с Турцией в интересах обеих стран.

Перед своим отъездом в Лозанну Исмет-паша, как обещал, приехал к нам в полпредство и сообщил, что в посланной нам вербальной ноте он разрешил компромиссно вопрос о возможности существования в Турции представительства Внешторга и указал мне на следующее место в ноте: «...Излишне добавлять, что могут свободно производиться все коммерческие операции, которые будут совершаться в соответствии с законами и правилами страны. Взамен Комиссариат иностранных дел Турции надеется, что турецким гражданам в России при проведении коммерческих операций будут предоставлены такие же облегчения...». Исмет-паша добавил, что это — временный выход из создавшегося положения при условии деятельности Внешторга как частной организации.

Надо отметить к чести Исмет-паши, что он, поняв задачи Внешторга, нашел этот временный выход, чтобы не

срывать начавшихся экономических взаимоотношений между Турецкой Республикой и Советской Россией. Этого нельзя сказать об агенте Антанты Реуф-бее и его клеврете Суад-бее.

После отъезда Исмет-паши в Лозанну Реуф-бей снова принялся за преследование нашего торгпредства. В частности, он не разрешил операций Нефтеэкспорта, что привело к прекращению ввоза советского керосина в Турцию.

5 декабря 1922 г. Реуф-бей особенно донимал меня разговорами о нашем торгпредстве и грозил расширением торговли керосином с американской фирмой «Стандард ойл». Я на это ему ответил, что внешняя торговля в России является государственной монополией и частным гражданам не разрешена; поэтому Советское правительство не может вести торговлю через частных лиц. Я еще и еще раз разъяснил Реуфу, что Наркомвнешторг и торговое представительство не посягают на турецкие законы, но что в свою очередь мы не откажемся от монополии внешней торговли ради интересов тех, кто добивается ухудшения наших отношений.

— Мы уважаем законы новой Турции, — говорил я,— и просим так же относиться и к законам Советской России. Вы, господин Реуф-бей, должны знать, что монополия внешней торговли распространяется на все страны, западные и восточные, с которыми мы ведем торговлю.

В ответ Реуф-бей заявил, что торговля между Турцией и Советской Россией невозможна «вследствие расхождения внутреннего законодательства обеих стран, для каждой из которых свое законодательство священно». Я еще раз отвел этот довод как неосновательный, сказав, что при наличии доброй воли мы всегда сможем договориться.

Во время беседы Реуф-бей вытащил из кармана лист бумаги, по которому стал перечислять права и обязанности представителя Наркомвнешторга в Турции. Как потом оказалось, что был... старый мой мандат. Перечисляя указанные в мандате функции, он пытался иронизировать над «всеобъемлющими задачами» представителя Внешторга.

Я заметил, что этот мандат мною был получен для того, чтобы установить торговые отношения с Турцией,

которых до этого не было; мандат этот был в свое время турецким правительством встречен с большим удовлетворением.

— Мы, — подчеркнул я снова, — уважаем законы Турции и не склонны иронизировать над ними. Они выработаны представителями турецкого народа и обязательны для нас. Меня удивляет ваша ирония над законами Советской России.

Реуф-бей стал тогда жаловаться на то, что никакие турецкие товары не пропускаются в Россию, если они не визированы органами Внешторга. Я ответил, что и это вызвано требованиями нашего законодательства. Реуф-бей продолжал жаловаться, что эта мера, мол, очень стеснительна для купцов и может сделать невозможной всякую торговлю между Турцией и Россией.

Саботаж турецких чиновников был прекращен энергичным вмешательством самих турецких купцов. Реуф-бей вынужден был разрешить возобновление операций Нефтеэкспорта. Но и после этого Реуф-бей не успокоился и чинил всякие препятствия работе советского торгпредства.

Что касается вопроса о наших консульствах в Баязеде и Измире, то здесь Реуф-бей после отъезда Исмет-паши стремился создать атмосферу ссоры. Вопрос об измирском консульстве в конце концов удалось благополучно разрешить благодаря содействию министра иностранных дел Юсуфа Кемаля и самого Гази Мустафы Кемаля, с которым мне удалось об этом предварительно переговорить.

Баязед — один из курдских центров, и там было в то время неспокойно. Среди курдов часто вспыхивали восстания, провоцируемые агентами Англии. Турецкому правительству было нежелательно присутствие там нашего консульства. Ни Исмет-паша, ни Реуф-бей этого прямо мне не говорили, а ссылались главым образом на то, что на советского консула в Баязеде Мальцева поступают постоянные жалобы: он-де неправильно действует, ведет якобы какую-то агитацию и т. д. От выдержанного, дисциплинированного, политически хорошо подготовленного Ю. В. Мальцева этого нельзя было ожидать. Это были явные придирки, инспирируемые Реуф-беем.

Лозаннская конференция началась для Турции в трудной обстановке: Англия, Франция и Италия выдви-

Переговоры с МИД Турции о Лозанне

гали жесткие требования, в частности, настаивали на сохранении режима капитуляций. Забегая вперед, скажу, что все же конференция кончилась в общем успешно для новой Турции [39]. Этому помогли дружба Турции с Советской Россией и разногласия между державами Антанты, главным образом между Англией и Францией.

27 сентября 1922 г. Риза Нури-бей — заместитель министра иностранных дел Юсуфа Кемаля-бея, который в это время был на фронте по вызову Мустафы Кемаля, заявил мне официально от имени турецкого правительства (с просьбой сообщить правительству РСФСР), что турецкое правительство решило требовать участия Советской России, Украины и закавказских республик в Лозаннской конференции. Три дня у нас с Риза Нури-беем шли переговоры об уточнении совместных дипломатических выступлений на конференции. Однако у меня создалось впечатление, что мой собеседник боится совместных с нами решительных дипломатических действий. Он часто ссылался и на отсутствие Гази Мустафы Кемаля-паши. Тогда я выразил желание поехать на фронт и повидаться с Мустафой Кемалем. Мустафа Кемаль ответил, что он очень занят военными делами и просит по вопросам, мною возбужденным, переговорить с Юсуфом Кемалем, который выехал в Анкару.

Когда мы встретились с Юсуфом Кемалем-беем, он мне сказал:

— Французы бесцеремонно лезут, не спрашивая предварительного согласия, на прием к Гази Мустафе Кемалю, прибывают на собственных крейсерах. Были у него генерал Пелле и старый наш приятель Франклен-Буйон. В этих свиданиях, — подчеркнул Юсуф Кемаль, —

---

[39] По Лозаннскому договору, подписанному Турцией, с одной стороны, и Англией, Францией, Грецией, Италией, Румынией, Югославией, Японией — с другой, державы Антанты обязывались вывести из Турции свои войска. За Турцией сохранялись ее основные земли, в том числе Восточная Фракия и Измир, подлежавшие отторжению по Севрскому договору. Был отменен режим капитуляций. Турция освобождалась от международного финансового контроля. Вместе с тем под нажимом держав Антанты и США Турция приняла проект Англии о режиме проливов, противоречивший интересам черноморских стран.

нельзя видеть изменения курса Турции по отношению к Советской России.

Конфиденциально Юсуф Кемаль сообщил мне, что французы жаловались на английское правительство, которое мешает установлению добрых экономических отношений между Францией и Турцией, и уверяли, что на предстоящей Лозаннской конференции Франция будет помогать Турции. По-прежнему французы намекали, что будет лучше, если Турция отдалится от Советской России. Голод, непрочное экономическое состояние, уверяли они, Советское правительство едва ли выдержит.

— Вы понимаете, господин посол,— прибавил Юсуф Кемаль,— что, конечно, Гази решительно и резко отверг этот непрошенный совет. Что же касается непрочности Советского правительства, то Гази Мустафа Кемаль просто высмеял это, указав, что на протяжении всей интервенции противники новой России сотни раз уверяли в гибели Советов. «Нельзя победить народ, если он поддерживает свою власть и стоит за нее горой,— говорил французам Гази,— я думаю, что вы на собственном опыте в этом убедились...». После этой реплики собеседники Мустафы Кемаля примолкли. Реплика была не в бровь, а в глаз, — улыбаясь, заключил Юсуф Кемаль.

Юсуф Кемаль передал от имени Мустафы Кемаля извинения и сожаление, что он не мог со мной увидеться в Измире; но Гази надеется, что по возвращении в Анкару мы по-прежнему внимательно и по-дружески побеседуем.

Я заметил, что свидание наше с Гази было бы расценено на Западе как свидетельство продолжающей крепнуть дружбы между нами, а это смогло бы помочь и успешной работе турецкой делегации на мирной конференции. Юсуф Кемаль с этим согласился и сказал, что время для свидания с Мустафой Кемалем еще не упущено.

Я уже упоминал, что реакционная, связанная с кругами Антанты группировка в Турции возглавлялась Реуф-беем, Кара Васыф-беем [40], Али Фуад-пашой, Рефет-пашой. Это были подпольные, тайные руководители. От-

---

[40] Кара Васыф-бей — депутат меджлиса от Сиваса, ярый противник Советской России. Играл видную роль в младотурецком движении. В меджлисе голосовал против упразднения султаната. Имел тесную связь с полковником Мужепом, представителем Франции.

крытыми же лидерами парламентской «второй группы» были Хюсейн Авни-бей и Хюсейн Селяхеддин-бей[41].

Министр иностранных дел Юсуф Кемаль-бей иногда также подпадал под их влияние, но его линию во внешней политике выправлял Мустафа Кемаль-паша.

Антантовская оппозиционная группировка, особенно ее скрытая часть, пыталась восстановить Мустафу Кемаля-пашу против Советской России и ее представителя, нашептывая всякие небылицы и сплетни и стараясь частными «спорными вопросами» отвлечь внимание от больших, основных международных вопросов. В этом отношении реакционная оппозиция действовала единым фронтом с дипломатическими представителями империалистических стран. Но Мустафа Кемаль твердо стоял на позиции дружественных отношений с Советской Россией и отвергал все попытки Реуф-бея и других поссорить Турцию с Советской Россией.

Лозаннская конференция, на которой должен был быть подписан мирный договор между Турцией, Грецией и Антантой, естественно, стояла в центре внимания общественности турецкой столицы, депутатов меджлиса, журналистов и дипломатических кругов. Созыв Лозаннской конференции был результатом блестящей победы молодой Турции над интервентами, и весь народ был заинтересован в ее исходе. Антантовские заправилы, долгое время не признававшие правительства Мустафы Кемаля-паши, делали ставку на феодальное правительство султана и религиозные традиции населения.

Ослепленные своим тщеславием, империалисты стран Антанты открыто третировали турецкий народ и смотрели сверху вниз на Мустафу Кемаля, рассчитывая быстро его разгромить. Но расчеты эти были сделаны без хозяев. Блестящий и решительный разгром греческой армии и сплочение турецкой нации вокруг Мустафы Кемаля явились полной неожиданностью для империалистических кругов великих держав. Большим ударом для них было и дружеское сближение кемалистской Турции с Советской Россией и то, что Великое Национальное Собра-

---

[41] Хюсейн Селяхеддин-бей — крупный помещик в Аданском вилайете, депутат от Мерсины. Вел оппозиционную борьбу против Мустафы Кемаля имел связь с иттихадистами. В конце 1922 года был против упразднения султаната. Франкофил, открыто выступавший против Советской России.

ние Турции и Мустафа Кемаль-паша сумели понять историческое значение Великой Октябрьской социалистической революции для Турции и для восточных порабощенных стран и заключили дружеский договор с РСФСР, вопреки бешеной антисоветской пропаганде и противодействию буржуазных дипломатов.

Антанте пришлось пригласить Советскую Россию на Лозаннскую конференцию. Это было сделано нехотя и явилось результатом как нашего настойчивого требования, так и желания турецкого правительства и давления мировой общественности. Правда, Советская Россия была приглашена участвовать в обсуждении только вопроса о проливах. Мы настаивали на участии в конференции по всем вопросам, но это требование Советской России не было принято.

Керзону, Бриану и прочим было ясно, что Советская Россия не согласится ни с каким нарушением суверенных прав турецкого народа и вместе с тем не поступится своими собственными жизненными интересами. Поэтому заправилы конференции постарались обставить наше присутствие в Лозанне такими условиями, чтобы от него не осталось ничего, кроме пустой формальности. Однако Советское государство сумело использовать Лозанну так, что политический и моральный след от наших выступлений там сохранился в умах и сердцах турецкого и других восточных народов и европейском общественном мнении.

Устроители Лозаннской конференции скоро убедились, что выступления Г. В. Чичерина и других наших делегатов воздействуют на широкую общественность, что наши аргументы обнажают захватнический характер требований Антанты. И они поспешно добились того, что вопрос о проливах был изъят из обсуждения в соответствующей комиссии и передан в подкомиссию «экспертов», и притом без нашего участия. Мы протестовали против этой наглой махинации. Наша делегация в Лозанне проводила ленинскую политику мира, будучи готова пойти на весьма значительные уступки, чтобы добиться мира.

Нужно отдать должное турецкой делегации на Лозаннской конференции: как председатель делегации Исмет-паша, так и все ее члены упорно отстаивали позиции новой Турции. Исключение составлял вопрос о про-

ливах. Здесь Исмет-паша быстро сдал свои позиции. Это была уступка за наш счет и в известном смысле — за счет национальных интересов Турции. Для турок проблема проливов составляла лишь часть общего комплекса внешнеполитических вопросов. Проливы стали предметом торга. Турецкое правительство знало, что Англия и другие западные державы были очень заинтересованы в свободном проходе военных судов через проливы, и если в вопросе о проливах уступить, то можно рассчитывать добиться победы в вопросах капитуляций, финансовых, территориальных и т. д.

Мустафа Кемаль-паша исходил из того, что Советское правительство не рассорится с Турцией по вопросу о проливах, что хотя это и чрезвычайно важный вопрос, но частный по отношению ко всему политическому комплексу отношений между РСФСР, Турцией и другими восточными странами.

Мустафа Кемаль не раз намекал на то, что Англия и Франция сильно обожглись на вооруженной интервенции в России и Турции, что их неустойчивое внутреннее политическое положение, раздоры по международным политическим и экономическим вопросам, нарастание общественного мнения против войны — все это не позволит Антанте в ближайшие годы вновь пойти на военную агрессию.

Эта отсрочка, по мнению Мустафы Кемаля, дает возможность Турции и России укрепить свое положение и добиться изменения в режиме проливов. Уступка же Англии в режиме проливов поможет Турции добиться успехов в других вопросах, стоящих на повестке дня Лозаннской конференции.

В этой внешнеполитической тактике Мустафы Кемаля сказалась природа кемалистской революции, которая оставалась ограниченной рамками интересов турецкой национальной буржуазии. Вместо прямого, правдивого обсуждения и установления общей линии против общего противника — западного империализма, что могло только укрепить внешнеполитические позиции новой Турции, турецкое правительство пошло иным путем.

Перед Керзоном, этим воинствующим империалистом, на Лозаннской конференции стоял вопрос о прямой организации разрыва дружбы между Советской Россией и Турцией. Он стремился подорвать во что бы то ни стало

эту дружбу и превратить снова Турцию в вассала английского империализма.

Мустафа Кемаль это прекрасно понимал и думал поймать Керзона на удочку, уступив в вопросе проливов, но оставив за собой достаточные гарантии для закрытия проливов в нужный момент.

История показала, что эта нерешительная политика имела в конечном счете тяжкие последствия для новой Турции.

Действия турецкого правительства в период Лозаннской конференции сохранялись в тайне. Несколько откровеннее вела себя пресса, но и она не выходила из рамок внешнего спокойствия. Между тем на секретных заседаниях меджлиса происходили бурные прения. Правая оппозиция непрерывно атаковала правительство. Когда двери меджлиса неожиданно открылись для широкой публики, то при докладе Реуф-бея о Лозаннской конференции мы были свидетелями того, как оппозиция репликами с мест выражала недовольство политикой правительства и Мустафы Кемаля-паши в разрешении мосульского вопроса, вопроса о проливах и др.

Обсуждение мосульского вопроса в меджлисе осложнялось выступлениями курдов. Депутаты-курды упрекали членов правительства, которые в большинстве являлись представителями Фракии и западных вилайетов, в предательстве по отношению к ним и к восточным и южным районам страны. Этим воспользовалась оппозиция для привлечения недовольных курдов на свою сторону. Курды говорили: «Вы готовы отдать Мосул, лишь бы получить Фракию». Нужно отметить, что оппозиция в меджлисе сконструировалась отчасти и по географическому признаку — к ней принадлежали большей частью депутаты восточных вилайетов.

Мустафа Кемаль-паша как-то рассказал мне, что в мосульской нефти весьма и весьма заинтересован лично Керзон. Он был акционером мосульской компании «Тэркиш ойл». Султан Абдул Гамид когда-то был хозяином мосульской нефти, наследники Абдул Гамида передали свои права американцам. США защищали интересы «Стендард ойл». Американский представитель Чайльд заявил, что Мосул должен иметь «открытые двери».

— Англичанам важен Мосул,— говорил Мустафа Кемаль,— как ближайший район к Курдистану, который они

хотят прибрать к рукам для целей вполне понятных: это ближайший подход к Советской России, Персии и для давления на Турцию.

Исмет-паше не удалось отвоевать Мосул, и в этом вопросе Турция потерпела поражение.

Борьба вокруг состава турецкой делегации в Лозанне

При подготовке к Лозаннской конференции возник конфликт в самом правительстве Турции по вопросу о том, кто возглавит делегацию. Претендовал на эту роль председатель совета министров Реуф-бей, предполагая иметь у себя советником Исмет-пашу. Однако Реуф-бей не был послан в Лозанну. Мустафа Кемаль-паша решительно воспротивился посылке Реуф-бея, зная о его явных симпатиях к западным державам и опасаясь его готовности во всем уступать им.

«Я никак не мог согласиться с тем, что делегация, возглавляемая Реуф-беем, будет в состоянии достигнуть успеха в таком жизненном и важном для нас вопросе. Мало того, у меня создалось впечатление, что и сам Реуф-бей не понимал грандиозности стоящей перед нами задачи»[42],— писал позднее Мустафа Кемаль в своих воспоминаниях. Мустафа Кемаль решительно заявил, что Исмет-паша принесет больше пользы в качестве председателя делегации на Лозаннской конференции.

Реуф-бей терпеливо ожидал прихода своего часа. Он надеялся с иностранной помощью восстановить власть реакционного султана, а самому занять положение диктатора. Поездка в Лозанну развязала бы ему руки. Это имел в виду Юнус Нади, когда в меджлисе он сказал о Реуф-бее, что, засев в уголке ВНСТ, он путем тайных интриг пытается осуществить некоторые свои личные цели.

Реуф-бей продолжал заниматься комбинациями по составлению делегации.

— Я делал вид, что не придаю этому значения,— вспоминал позже Мустафа Кемаль.— Переговорил с Юсуфом Кемалем — и последний подал в отставку, а министром иностранных дел перед поездкой в Лозанну был назначен Исмет-паша[43].

Во время конференции Реуф-бей повел против Исмет-

---

[42] Мустафа Кемаль, Путь новой Турции, т. IV, Соцэкгиз, 1934, стр. 96.

[43] Там же, стр. 96—97.

паши кампанию саботажа и дезинформации — подолгу не отвечал на его запросы и телеграммы, не все передавал Мустафе Кемалю-паше, извращал донесения и т. д. Он довел Исмет-пашу до того, что тот вынужден был через голову Реуфа как председателя совета министров особым шифром обращаться непосредственно к Мустафе Кемалю-паше.

Исмет-паша о Турции и РСФСР на Лозаннской конференции

Первый мой разговор с Исмет-пашой как министром иностранных дел я передал Г. В. Чичерину по прямому проводу. 31 октября 1922 г., сообщал я, после трех с половиной часов беседы с Исмет-пашой мы установили следующую его точку зрения:

1. По первым трем вопросам Вашей директивы от 30 октября Исмет-паша, по моей просьбе, письменно, лично сам, формулировал ответ так: «Наша точка зрения о проливах установлена и объявлена в Национальном Обете[44]. Мы не можем приступить к работе на конференции путем выставления бо́льших, чем там указано, требований. На конференции мы будем обсуждать те меры, которые необходимы для обеспечения безопасности Константинополя и Мраморного моря. В этом отношении мы будем работать в связи и контакте с русской делегацией. Мы не имеем никаких обязательств ни перед кем без ведома России».

---

[44] Статья 4 Национального Обета гласила: «Безопасность Мраморного моря и Стамбула, который является резиденцией исламского халифата, столицей высокого султаната и центром оттоманского правительства, должны быть вполне обеспечены. При условии сохранения этого принципа мы присоединяемся к решению об открытии проливов Мраморного и Черного морей для мировой торговли и сообщения, которое будет принято по взаимному соглашению между нами и всеми другими заинтересованными державами» (Мустафа Кемаль, Путь новой Турции, т. III, Соцэкгиз, 1934, стр. 252).

Московский договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией заключен был 16 марта 1921 г. Пункт 5 Московского договора посвящен вопросу о проливах: «Дабы обеспечить открытие проливов и свободное прохождение через них для торговых сношений всех народов, обе договаривающиеся стороны соглашаются передать окончательную выработку международного статуса Черного моря и проливов особой конференции из делегатов прибрежных стран при условии, что вынесенные решения не нанесут ущерба полному суверенитету Турции, равно как и безопасности Турции и ее столицы — Константинополю».

Исмет-паша имел в виду, что первый вопрос, или, как он говорил, первая конференция, касался исключительно заключения мирного договора Турции с державами Антанты и Греции, с которыми Турция вела вооруженную борьбу, и второй вопрос (вторая конференция) касался режима проливов, на обсуждение которого была приглашена Советская Россия.

2. По вопросу об участии России в двух конференциях и об ультимативном требовании со стороны Турции о нашем участии в конференции на равных правах во всем ее объеме и без всяких ограничений Исмет-паша после долгих споров и объяснений сформулировал свою точку зрения в письменном виде так: «Турция считает естественным заключение мира самостоятельно с государствами, находящимися с ней в состоянии войны».

3. По вопросу о режиме проливов Исмет-паша сказал: «Сообщенная Вами формулировка режима проливов расширяет рамки Национального Обета и Московского договора в пользу Турции. Мы, конечно, всецело разделяем Вашу точку зрения. Но по вопросу об укреплении проливов мы не можем предложить конференции Ваши формулировки, ибо державы Запада поймут это как желание закрыть проливы, что создаст для нас невыгодное положение. Фактически же, владея обоими берегами и без укреплений, мы всегда сможем своими силами обеспечить свободу проливов, конечно, с непропуском военных судов. Что касается охраны проливов стационерами[45], то это возможно только в том случае, если это не будет угрожать безопасности Мраморного моря и Константинополя».

Мною был задан вопрос: а что, если на конференции кем-либо из черноморских государств в противовес требованиям Антанты будет выдвинуто требование выставить свою охрану у входа в Черное море? На это Исмет-паша заявил, переменив свою точку зрения: «Нельзя допускать присутствия военных судов между проливами, так как это угрожало бы безопасности Мраморного моря и Константинополя. На конференции будут обсуждаться способы обеспечения безопасности вышеупомянутого района».

---

[45] Под «стационерами» Исмет-паша имел в виду суда, несущие сторожевую службу в портах.

На мой вопрос, как может быть обеспечена безопасность проливов без их укрепления, Исмет-паша ответил: «Всегда найдем эту возможность».

Исмет-паша далее заявил: «Турция не сделает в вопросе о проливах ни одного шага без ведома России».

4. Точное понимание Исмет-пашой вопроса о составе участников конференции по вопросу о проливах следующее: все государства, участвующие в конференции, и Россия со своими союзниками.

По Московскому договору и договору о дружбе с Украиной турецкое правительство к «прибрежным» и заинтересованным государствам относит все приглашенные на конференцию государства, то есть и западные государства Антанты.

5. По вопросу об участии России в конференции по заключению мира между Турцией и другими державами Исмет-паша указал, что Турция не считает возможным участие России, так как по вопросу о заключении мира Турция будет говорить только с державами, с которыми находилась в состоянии войны; участие же России в мирных переговорах воссоздало бы прежнее, старое, то есть колониальное положение Турции, положение, при котором все державы решали судьбу Турции; поэтому Турция не может требовать участия России в заключении мира.

В этом изложенном Исмет-пашой положении сказалось обостренное колониализмом и режимом капитуляций национальное чувство турецкого народа. Когда Исмет-паша говорил об этом, на его лице появилась смущенная мягкая улыбка, он замолчал и прикоснулся к моей руке, как будто этим движением хотел сказать: мы знаем, что Советская Россия не хочет нас обижать, но мы иначе не можем...

Потом он сказал мне:

— Нам будет труднее без вас, но так надо. Мы об этом говорили с Мустафой Кемалем. Это наша общая точка зрения. Вы же знаете Гази Мустафу. Он за вечную дружбу с Советской Россией. Мы будем морально сознавать, что вы с нами. Прошу понять нас...

Единственным возможным препятствием к своему участию на Лозаннской конференции турецкое правительство считало присутствие на ней константинопольского реакционного правительства. Исмет-паша заявил

категорически, что в случае такого требования со стороны Антанты они его отвергнут и не пойдут на конференцию.

5 ноября 1922 г. Исмет-паша приехал к нам в полпредство для продолжения переговоров. Я поздравил Исмет-пашу с началом освобождения Константинополя от власти султана и его правительства.

Исмет-паша сообщил мне, что турецким правительством отправлена через Гамид-бея[46] представителям союзных держав в Константинополе вербальная нота следующего содержания: «Ввиду того, что с переходом власти в Константинополе в руки Великого Национального Собрания Турции оно отныне является ответственным за сохранение общественного порядка и за правильный ход дел, турецкое правительство обращается к союзному командованию с просьбой, не найдет ли оно своевременным очистить Константинополь с окрестностями от союзных войск при условии, что турецкое правительство не будет вводить своих войск в нейтральную зону, но с разрешением иметь в ней свою жандармерию».

Исмет-паша добавил, что ввиду того, что власть в Константинополе изменилась, делегация находит возможным ехать в Лозанну через Константинополь и она сегодня вечером уезжает.

Мы обсудили при этой встрече с Исмет-пашой вопрос о российских беженцах и эмигрантах в Константинополе. Я указал, что в последнее время в западной прессе дебатируется вопрос о русских беженцах в Константинополе и что Антанта собирается на предстоящей конференции поставить этот вопрос на обсуждение. Я выразил уверенность, что турецкое правительство не согласится обсуждать этот вопрос с державами Антанты, ибо он касается исключительно России и Турции, которые и могут его разрешить путем переговоров. Исмет-паша выразил согласие и заверил меня, что они без России этот вопрос обсуждать не будут. Разговор закончился взаимными приветствиями по случаю отъезда Исмет-паши на конференцию в Лозанну.

Как уже было сказано, после отъезда Исмет-паши все вопросы приходилось разрешать с Реуф-беем. Мне

---

[46] Представитель Великого Национального Собрания Турции в Константинополе.

Еще о Реуф-бее

пришлось иметь с ним дело в течение ряда месяцев. Я с самого начала подозревал Реуф-бея в оппозиционном настроении по отношению к Мустафе Кемалю-паше, приверженности к константинопольскому реакционному правительству, связях с англичанами и враждебном отношении к Советской России. После того как Мустафа Кемаль-паша опубликовал свои воспоминания, подтвердилось, насколько мои подозрения были верны. Вот что рассказывал мне Мустафа Кемаль-паша:

— Оппозиционная группа в меджлисе перешла в наступление. Она приступила к продвижению в председатели совета министров Реуф-бея, что ей в дальнейшем и удалось. Я понимал скрытые замыслы оппозиции. Тем не менее я пригласил к себе Реуф-бея. Я заявил ему, что большинство Собрания склонно избрать его председателем совета министров и что я сам держусь того же мнения. Реуф-бей сделал вид, что он колеблется. Однако Реуф-бей все же принял пост председателя совета министров и оставался на этом посту с 12 июля 1922 г. до 4 августа 1923 г.

Реуф-бей и Кара Васыф-бей (иттихадист, друг Реуф-бея) были близки к представителю Франции — полковнику Мужену. Они шли с первых дней нога в ногу в деле организации, руководства и консолидации блока оппозиции, хотя Реуф-бей не вступал официально в парламентскую «вторую группу», предпочитая числиться среди сторонников Мустафы Кемаля-паши.

Такое положение вещей длилось в течение трех лет. Все же в конце концов Реуф-бей был вынужден выявить свою партийную принадлежность. Но это случилось тогда, когда, как сам он выразился, «не было больше возможности делать вид, что я с вами»[47]. Двурушничество он проявлял и во взаимоотношениях с полпредством РСФСР и со мной лично.

Встречаясь со мной, он всегда старался подчеркнуть верность советско-турецкой дружбе и в декларативной форме высказывался за борьбу Востока против империалистов.

---

[47] О Реуф-бее и его оппозиционности см. Мустафа Кемаль, Путь новой Турции, т. IV, стр. 206, 209, 222, 224—225, 235, 237, 240—242, 251, 255—257.

— Я и мое правительство,— говорил он,— убеждены в том, что борьба восточных народов за свою самостоятельность не закончена, а только начинается, и ввиду этого наша дружба с Советской Россией должна укрепляться и стать еще теснее, чем когда-либо. Таково наше желание.

Эта его тирада хорошо мне запомнилась — он выражал мне тогда свое сожаление по случаю пожара нашего полпредства, тайно организованного им же по подсказке полковника Мужена.

Реуф-бей был представительный, красивый человек, высокий, молодо выглядевший, с подстриженными усами и большими черными глазами. Говорил Реуф-бей не спеша, но как-то вызывающе, повышенным тоном, с пренебрежительными интонациями, особенно когда собеседник с ним не соглашался. Другое дело в меджлисе: в присутствии Мустафы Кемаля он сжимался, раболепно склонялся, сразу теряя обычную военную выправку. Взгляд и все лицо его менялись необычайно быстро, вся фигура выражала подобострастие, почтительность и смирение. Во время его выступлений, когда ему подавали из зала резкие реплики, уличающие его в двурушничестве, он иногда не сдерживался и бросал на своих противников взгляд, полный ненависти, особенно на Юнуса Нади. Однажды он крикнул, что не привык и не намерен давать объяснений о своих делах и поступках. Но тут же потушил злую гримасу и снова любезно и мягко стал говорить о своей преданности, любви и высоких чувствах к ВНСТ, к Мустафе Кемалю-паше.

По происхождению Реуф-бей — черкес. Отец его переселился в Турцию из Кабарды и был в почете у жестокого султана Абдула Гамида. Реуф-бей не любил, когда ему говорили о его кавказском происхождении.

Мустафа Кемаль впоследствии в своих воспоминаниях писал о Реуф-бее и всей оппозиции: «Как можно поверить в серьезность, искренность действий людей, которые упорно избегали даже произносить слово «республика» и хотели задушить ее в зародыше?.. События показали, что программа Прогрессивно-республиканской партии создана предателями национального движения» [48].

---

[48] Мустафа Кемаль, Путь новой Турции, т. IV, стр. 255—257.

В другом месте Мустафа Кемаль пишет: «Разве любовь к вере стимулирует ожесточенную работу против нас таких людей, как Реуф-бей, черкес Эдхем и Рейшид?». Здесь Мустафа Кемаль ставит Реуф-бея и реакционных мятежников — черкесов Эдхема и Рейшида — на одну доску.

В беседе, состоявшейся в конце ноября 1922 года, Реуф-бей снова старался заверить меня, что он — самый искренний друг России. Он при этом улыбался и лицемерно прижимал руку к груди. Помолчав, он вдруг с еле заметной язвительной усмешкой сказал:

Вопрос о совместной защите проливов Турцией и РСФСР

— Я просил бы вас объяснить, почему ваш советник по морским делам предложил нашему начальнику морского отдела сообща изучить возможности и способы совместной защиты проливов против союзников. Я бы вас просил объяснить, что это значит и как надо это понимать.

Я ответил, что Советская Россия заинтересована в проливах не менее Турции, поскольку все побережье Черного моря с его портами остается почти беззащитным перед неприятельским флотом и экономическая жизнь в России может в любой момент подвергнуться серьезнейшей угрозе. Советская Россия вместе с тем заинтересована в том, чтобы дружественная ей Турция была сильна и чтобы проливы находились в ее руках с полным осуществлением ее суверенных прав. Советская Россия ни в коем случае не может согласиться ни на господство Англии в проливах, ни на контроль Лиги Наций, который равносилен контролю Англии.

Я напомнил Реуф-бею, что более ста пятидесяти лет царское правительство вело активную политику, направленную на захват проливов или установление свободного прохода русских военных судов из Черного моря, с тем чтобы проливы оставались закрытыми для судов других стран. Много было пролито из-за этого крови. Главным противником открытия проливов для русских судов была Англия. Она противилась проникновению русских военных судов в Средиземное море. Турцию английское правительство использовало как таран. Свои интересы Англия защищала кровью турецкого народа.

Я подчеркнул, что теперь настало иное время. Великая Октябрьская социалистическая революция выброси-

ла на свалку истории царизм с его агрессивной политикой. Советская Россия завоевала мирную жизнь не только для себя, но и ведет открытую борьбу за вечный мир для всех народов. Поэтому бессмысленно подозревать социалистическое государство в каких-то тайных замыслах. Мы желаем, чтобы проливы находились в владении Турции, но мы хотим почетного мира для турецкого народа, хотим, чтобы проливы не были яблоком раздора между народами, чтобы они служили свободной торговле между странами. Именно поэтому мы требуем запрещения прохода военных судов через проливы.

— Вспомните,— говорил я,— как в последние годы немецкие, английские, французские суда проникали в Черное море и несли с собой смерть советским и турецким людям, захватывали порты, грабили, насильничали. Поэтому-то мы так настойчиво призываем Турцию совместными усилиями добиться мирной жизни в проливах. Настанет время, когда будет царить мир во всем мире, и тогда военных судов не будет. А до тех пор надо нам с вами вместе охранять себя от агрессии империалистов. Если Турции не удастся разрешить на конференции вопрос о проливах в желательном духе и ей придется свои права в проливах защищать против неприятельского флота, то Советская Россия, как и раньше, будет и в данном случае оказывать Турции всемерную помощь. Вот почему правительство Советской России, имея в виду общность интересов России и Турции в проливах, командировало мне советника по морским делам, поручив ему войти в контакт с турецким морским ведомством, чтобы совместно выяснить условия и возможность защиты проливов. Соображения по этому вопросу, если возникнет необходимость соответствующего соглашения между нашими правительствами, должны быть представлены нами в Москву.

— Я должен в таком случае,— сказал Реуф-бей, и сказал серьезно, без усмешки,— задать один прямой вопрос и просить такого же прямого ответа. Если конференция будет сорвана, то Англия предпримет против нас враждебные действия; они, вероятно, выразятся в операциях английского флота против Черноморского побережья. Выступит ли Россия открыто на нашей стороне против Англии и будет ли вместе с нами защищать про-

ливы, чтобы помешать английскому флоту проникнуть в Черное море?

Я сказал, что на поставленный таким образом вопрос ответить не могу, не имея указаний моего правительства. Но одно я могу сказать: в случае враждебных действий Англии против Турции на Черном море Советская Россия, конечно, примет меры для оказания помощи Турции, как это было во время оккупации интервентами части турецкой территории.

— Англия,— ответил Реуф-бей,— ведет слишком дальновидную политику, чтобы начать против Турции враждебные действия и тем создать себе еще нового врага в лице России. Можно заранее сказать, что Англия сквозь пальцы будет смотреть на оказываемую вами помощь. Поэтому нашему правительству чрезвычайно важно получить определенный ответ на поставленный вопрос — выступит ли Россия вместе с нами для защиты проливов в случае срыва конференции и враждебных против нас действий Англии.

Когда Реуф-бей говорил это, я наблюдал за выражением его лица, за интонацией. Реуф говорил медленно, как-то неуверенно, подыскивая слова.

Я подумал: поставлен ли этот вопрос Реуфом серьезно, по указанию Гази Мустафы Кемаля-паши, или по его личной, Реуфа, инициативе, провокационно, а может быть, и по заданию его тайных хозяев? Это было неясно. Надо было выведать у собеседника его истинные мотивы.

Я ответил, что едва ли Англия, обжегшись на героическом турецком отпоре, станет затевать новую войну, тем более, что у нее нет в настоящее время верных партнеров; но английские и другие военные суда Антанты, пользуясь свободным проходом военных судов в Мраморное и Черное моря, могут и Турции, и нам принести много бед, хлопот.

— У Франции, Италии — иные политические и экономические интересы,— развивал я дальше свою мысль.— Даже внутри самой Англии рабочие не хотят войны. Греция деморализована. У Турции же дружественный, верный сосед — Советская Россия, силу которой Англии пришлось испытать и отказаться от дальнейшей вооруженной борьбы с нами.

Что же касается прямого вопроса Реуф-бея, то вви-

ду его важности я обещал запросить Советское правительство.

Реуф-бей ответил, что как он, так и другие члены правительства Турции просят возможно скорого ответа, чтобы они могли принять его в соображение при составлении новых инструкций, которые собираются на днях послать Исмет-паше.

На мой вопрос, что́ ему известно о предварительном соглашении между Пуанкаре, Керзоном и Муссолини, Реуф-бей сказал, что достоверных сведений у него нет, но что только одно можно считать несомненным: между Англией и Францией состоялось соглашение по вопросу о Сирии и Месопотамии. Что касается тройственного соглашения, то Пуанкаре категорически заверил Исмет-пашу, что Франция не примет участия в выступлениях, направленных во вред Турции. По поводу позиции, занятой Англией на конференции, Реуф-бей сказал, что все внимание Англии сосредоточено на Мосуле, которого она не хочет отдавать Турции. Британская империя настроила против Турции все державы. Вопросы финансовые и вопрос о капитуляциях она сдала в комиссии и занята теперь исключительно вопросом о Мосуле, относительно которого хочет торговаться с Турцией, предлагая ей взамен Карагач[49]. Если же Турция не пойдет на это, то Англия сорвет конференцию, свалив вину за срыв на Турцию, которая якобы, несмотря на желание держав удовлетворить ее справедливые и законные требования, продолжает настаивать на своих непомерных и неосновательных притязаниях.

Вскоре после этого обсуждения со мной вопроса о проливах Реуф-бей информировал меня о первом заседании Лозаннской конференции, посвященном проливам. Это было 4 декабря 1922 г. Он рассказал о выступлении Исмет-паши.

Исмет-паша в своей речи сказал, что, согласно Национальному Обету, оба берега проливов принадлежат Турции. Требования Турции сводятся к следующему: к постоянной гарантии от всяких неожиданностей с суши и моря для проливов, Константинополя и Мраморного моря; к ограничению морских сил, направляющихся в Черное море; к запрещению содержать в Чер-

---

[49] Карагач (Караагач) — предместье Адрианополя.

ном море военные суда; к свободе торгового судоходства. Исмет-паша требовал исключить из понятия проливов Мраморное море, так как военные меры на его берегу необходимы для защиты Анатолии и Фракии. В Константинополе и проливах должны быть разрешены арсеналы и другие морские постройки. Имброс, Тенедос, Самофракия должны стать турецкими.

По словам Реуф-бея, Керзон ответил отказом на большинство предложений Исмет-паши. Начались споры.

Проливы, естественно, занимали наши думы, и много бесед было проведено на эту тему как с членами правительства, так и общественными деятелями Турции. При встрече с Юнусом Нади этот вопрос также был поднят. Я развил Юнусу Нади нашу точку зрения. Россия рассматривает согласие Исмет-паши на проход хотя бы мелких военных судов через проливы как отступление от Национального Обета и нарушение Московского договора, который предусматривает свободу проливов только для торгового мореплавания. Я подчеркнул при этом, что в упомянутых документах не говорится о свободе прохода для военных судов и тем самым подразумевается закрытие проливов для военных судов, ибо только закрытием проливов для военных судов и укреплением их берегов могут быть обеспечены требуемая Национальным Обетом безопасность Константинополя и Мраморного моря и полный суверенитет Турции в проливах; тем самым была бы обеспечена безопасность и всего Черноморского побережья как России, так и Турции.

Юнус Нади о проливах

Я вновь повторил, что вопрос этот является очень важным в наших взаимоотношениях с Турцией. В вопросе о проливах интересы России и Турции совпадают. Россия была уверена, что здесь она найдет поддержку Турции и потому, естественно, Советское правительство было удивлено тем фактом, что Исмет-паша в самом начале обсуждения на конференции вопроса о проливах согласился на проход военных судов. Тем самым он дал союзникам возможность предпринимать враждебные действия против Черноморского побережья России; Советская Россия вынуждена будет теперь укреплять свои военные силы по всему Черноморскому побережью.

Юнус Нади старался доказать мне, что турецкие предложения по вопросу о проливах не противоречат русской точке зрения и что противоречия есть только якобы в формулировке, а результат в том и другом случае будет отвечать интересам обоих правительств. Он заверял меня, что и Турция желает закрытия проливов.

— В соответствии с Национальным Обетом,— заявил Юнус Нади,— Турция требует гарантий действительной безопасности Константинополя и Мраморного моря и на этом будет категорически настаивать и ни на какие уступки не пойдет. Турции пока еще не предложены никакие гарантии, которые могут обеспечивать эту безопасность, но если гарантии будут даны, то хозяином проливов явится Турция, которая может закрыть их в любой момент.

— При этих обстоятельствах,— пытался доказывать Юнус Нади,— проход легких военных судов не будет иметь никакого значения. Имелось два решения вопроса о проливах: одно — выдвинутое союзниками — об установлении в Чанак-Кале международного гарнизона, который обеспечивал бы свободу проливов, и другое — предложенное Турцией. Первое решение для Турции неприемлемо, поэтому она настаивает на своем предложении. Если оно будет принято, то положение Турции в проливах будет обеспечено, а Москва в свою очередь тоже может быть спокойна.

— По существу,— заключил Юнус Нади,— мы идем к одной и той же цели, и я уверен, что если это не случилось вчера, то сегодня Исмет-паша уже наверно вполне договорился с Чичериным.

В ходе беседы Юнус Нади всячески заверял меня, что турецкое правительство неизменно стоит за дружбу с Советской Россией и не предпримет ничего во вред ее интересам. Более того, эту дружбу следует, по его мнению, укрепить заключением военного союза между Россией и Турцией.

Юнус Нади поставил передо мной вопрос и о том, какую позицию займет Россия в случае разрыва Турции с Антантой и выступит ли она на стороне Турции. Уже в конце разговора он сказал, что еще неизвестно, кончится ли Лозаннская конференция миром или нет, но что Турция будет настаивать на полном удовлетво-

рении требований ее Национального Обета и в противном случае снова будет воевать.

Юнус Нади, как депутат меджлиса, видный журналист и друг Мустафы Кемаля, был в курсе всех международных дел Турции, в частности, хорошо был осведомлен о делах Лозаннской конференции. Следующая наша с ним беседа касалась позиции Керзона по отношению к Франции и была для меня интересна и важна. Я ее вкратце передаю.

— Керзон,— говорил Юнус Нади,— заигрывает с Францией, предлагая ей образовать единый фронт против Турции; вместе с тем он добивается отстранения влияния Франции на Турцию и постепенной ликвидации Анкарского соглашения. Как известно, Франклен-Буйон тайно от англичан заключил договор с нашей молодой Турцией. По этому договору Франция эвакуировала свои войска из Киликии и прекратила военные действия. Это было прямым ударом по Англии. Английское правительство протестовало, возмущалось. Бриан мягко ответил англичанам, что договор затрагивает исключительно частные вопросы франко-турецких экономических отношений и что, наоборот, Франция добивается отхода Турции от Советской России, тем самым помогая Англии и всей Антанте.

Юнус Нади рассказал далее, что в свою очередь Керзон настраивает французских держателей турецких акций против отмены капитуляций. Он ведет с Турцией за спиной Франции переговоры о ликвидации Севрского договора, уверяя, что вопрос Киликии не может быть решен без Англии и что английское правительство готово подтвердить возвращение Киликии и помочь Турции в ряде других вопросов, если турецкое правительство пойдет на открытие проливов для военных судов. Керзон давал и продолжает давать согласие на помощь Турции в борьбе с Францией по вопросам капитуляций и по финансовым вопросам.

— Керзону важны два вопроса,— сказал Юнус Нади,— это проливы и мосульская нефть. В остальных вопросах английская делегация маневрирует с целью добиться выгодного для нее решения этих двух вопросов.

— Рассчитанные на внешнюю «убедительность» льстивые речи Реуф-бея склоняли некоторых деятелей из лагеря оппозиции к тому, чтобы идти на поводу

Англии. Но Мустафа Кемаль парирует эти замыслы и расшифровывает их,— сказал Юнус Нади в заключение.

Продолжение бесед с Реуф-беем о Лозаннской конференции

14 декабря 1922 г., встретившись вновь с Реуф-беем, я спросил его: правда ли, что Исмет-паша дал согласие на проход через проливы военных судов не только в мирное время, но и во время войны? Реуф-бей ответил, что турецкое правительство до сих пор не имеет от Исмет-паши никакого сообщения по этому вопросу.

Я несколько раз возвращался к этому вопросу, добиваясь у Реуф-бея разъяснения точки зрения турецкой делегации в Лозанне на проход военных судов через проливы, что противоречит как Национальному Обету, так и статье 5 Московского договора.

В ответ Реуф-бей рассказал мне, что Керзон приглашал Исмета подробно изложить турецкую программу разрешения исторического спора о проливах. Но Исмет-паша ограничился повторением принципов, изложенных в Национальном Обете, а именно: проливы должны быть открыты для мировой торговли, но без ущерба для безопасности Константинополя и Мраморного моря. С этой позиции Исмет-паша не сходит.

— Вы видите,— сказал Реуф-бей,— что наш представитель твердо стоит на позиции Национального Обета и не вдается в подробности, чтобы не дать повода Керзону для новых нападок.

Я ответил, что мне казалось бы более правильным, если бы Исмет-паша подкрепил положения о проливах, изложенные в Национальном Обете, практическими предложениями, указав на большую опасность прохода военных судов, даже и небольшого тоннажа.

Реуф-бей упорно отвечал одно и то же: он, мол, не может дать никакого ответа, пока союзниками не будут предложены гарантии обеспечения безопасности Константинополя, и только после рассмотрения этих гарантий правительство Турции может принять какое-либо решение, в зависимости от того, признает ли она эти гарантии удовлетворительными или нет.

— Турция, — доказывал Реуф-бей,— ни на йоту не отступает от Национального Обета, в котором не предусматривается прохождение или непрохождение военных судов, а только безопасность Константинополя и

Мраморного моря; Московский договор точно так же не касается этого вопроса, а имеет в виду только решение вопроса о проливах конференцией заинтересованных держав, которая теперь и происходит при участии России.

— Чего же вы хотите от нас?! — раздраженно воскликнул Реуф-бей.

Я ответил, что мы хотим действовать согласованно с Турцией в вопросе о проливах, и спросил Реуф-бея, читал ли он интервью В. И. Ленина, данное в конце октября 1922 года корреспонденту английских газет «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» по вопросу о проливах.

Реуф-бей сказал, что не читал, но слышал об этом интервью главы Советского правительства.

Тогда я вкратце рассказал ему об основных принципах, высказанных В. И. Лениным. В. И. Ленин сказал корреспондентам: «Наша программа относительно проливов (пока еще приблизительная, конечно) содержит в себе, между прочим:

Во-первых, удовлетворение национальных стремлений Турции...

Во-вторых, наша программа заключает в себе закрытие проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время. Это — непосредственный ближайший торговый интерес всех держав, не только тех, территории которых непосредственно прилегают к проливам, но и всех остальных...

В-третьих, наша программа относительно проливов состоит в полной свободе торгового мореплавания» [50].

На вопрос корреспондента Фарбмана, согласно ли русское правительство на контроль проливов Лигой Наций, В. И. Ленин ответил: «Лига Наций... настолько неразрывно связана с Версальским договором, настолько пропитана вся насквозь отсутствием чего-либо похожего на реальное установление равноправия наций, на реальные шансы мирного сожительства между ними, что, мне кажется, наше отрицательное отношение к Лиге Наций понятно и не требует дальнейших комментариев» [51]

---

[50] В. И. Ленин, Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» Фарбману, Соч., т. 33, стр. 348—349.

[51] Там же, стр. 350.

Я поинтересовался далее, информировал ли Исмет-паша Реуф-бея о речи Г. В. Чичерина на конференции от 4 декабря. Реуф-бей сказал, что Исмет-паша его информировал, но очень кратко. Тогда я познакомил его с речью Чичерина, которую к этому времени получил из Москвы.

Народный комиссар иностранных дел Советской России Г. В. Чичерин в своем выступлении прежде всего сказал, что основной целью Советского правительства и его союзников на Ближнем Востоке и всей их внешней политики является содействие установлению и укреплению общего мира. Поэтому РСФСР и требовала своего участия во всех работах Лозаннской конференции.

Речь Г. В. Чичерина в Лозанне

— Эти требования,— отметил Г. В. Чичерин,— не были удовлетворены, и потому делегация России, Украины, Грузии в вопросах, в решении которых она будет участвовать, будет стараться осуществлять следующие две основные мысли: 1) равенство положения и прав России и ее союзников с положением и правами других держав и 2) сохранение мира и безопасности территорий России и союзных с нею республик, равно как свободы их экономических сношений с другими странами.

В вопросе о проливах российско-украинско-грузинская делегация пока считает необходимым остановиться на следующих своих основных положениях: постоянная свобода торгового мореплавания и мирных морских сообщений в Босфоре, в Мраморном море и Дарданеллах должна быть обеспечена абсолютно и без какого-либо ограничения; сохранение мира на Черном море и безопасность его берегов, равно как и сохранение мира на Ближнем Востоке и безопасность Константинополя, должны быть прочно гарантированы, а это означает, что Дарданеллы и Босфор как в мирное время, так и в военное должны быть постоянно закрыты для военных и вооруженных судов, а также для военных летательных аппаратов всех стран, за исключением Турции.

Основываясь также на том, что Дарданеллы и Босфор принадлежат Турции, Советская Россия и ее союзники, уважая суверенитет каждого народа, настаивают на восстановлении и сохранении во всей их полноте

прав турецкого народа на свою территорию и на свои воды, а также на том, что турецкое правительство в состоянии защищать действительным образом проливы и Мраморное море лишь в том случае, если за ним будет признано право укреплять и вооружать его берега, иметь военный флот и применять в деле защиты проливов и Мраморного моря все средства военной техники. Закрытие проливов для военных судов соответствует также принципу равенства между всеми государствами, тогда как их открытие для военных судов создает преимущества для наиболее сильной морской державы.

— Ставя себе целью защиту трудящихся масс и укрепление мира, чуждая всякой агрессии, воинственных намерений, посягательств на свободу других народов,— говорил Г. В. Чичерин,— Советская Россия аннулирует без какой-бы то ни было компенсации все соглашения, касающиеся передачи Константинополя России, давая возможность Турции победоносно защищать свое существование, и освобождает все государства бессейна Средиземного моря от старой угрозы вековых вожделений царизма.

Далее Г. В. Чичерин указал, какое экономическое значение имеют проливы для России. Например, за 1910 год 70% экспорта хлеба из России шло через проливы.

В отношении военной угрозы со стороны Антанты Г. В. Чичерин привел примеры оккупации Одессы, Николаева, Херсона, Севастополя, Батума и других приморских городов Черного моря; державы Антанты поддерживали белые армии Деникина и Врангеля своими военными кораблями.

— Безопасность Константинополя также зависит от закрытия проливов для военных судов,— отметил Г. В. Чичерин.

Керзон, отвечая на речь Г. В. Чичерина, пытался неловко острить: Россия-де предлагает превратить Черное море в российское озеро, поставив Турцию своим сторожем у проливов, а сама будет распоряжаться в Черном море, как у себя дома.

— Контроль над проливами,— продолжал свои неумные остроты Керзон,— надо дать только Турции, которая уже в прошлом доказала свою неспособность выполнять эту должность.

Керзон вызвал у многих улыбку неожиданным аргументом: свободный режим-де установлен в Панамском и Суэцком каналах.

Короче говоря, представитель Англии требовал установления такого порядка в проливах, когда Турция была бы в полном подчинении, а Англия главенствовала бы на берегах Советской России.

Г. В. Чичерин на язвительные выпады Керзона спокойно ответил, что мы имеем перед собой не что иное, как проект «британского продвижения в Европе» со стремлением захватить проливы и Черное море. Раздирающие мир конфликты будут, к несчастью, при такой комбинации продолжаться, и проливы будут их ареной.

— Мир,— сказал Г. В. Чичерин,— отнюдь не укрепляется нагромождением военных сил. Единственно прочной основой состояния мира на Ближнем Востоке являются свобода и суверенитет Турции. Советское предложение намечает не эфемерную комбинацию, но сохранение прав турецкого народа, который победоносно подтвердил свое право на существование.

Противопоставляя эти серьезные возражения скоморошеству Керзона, Г. В. Чичерин указал на роль балканских стран, на лицемерие в отношении Болгарии, которую разоружили. Он привел исторические примеры войн, которые вела Турция, сослался на ряд международных установлений и отметил, что Керзон умолчал о препятствиях, которые чинили союзники нашей торговле, нашим правам, когда они заняли проливы и Константинополь.

— Неверно,— сказал Чичерин,— что интересы торговли требуют присутствия иностранных военных флотов. Если западные державы, посылая к нам свои торговые суда в сопровождении военных кораблей, желают подражать приемам, употребляемым ими в колониальных странах, то они глубоко ошибаются, полагая, что Советская Россия подчинится замене права силой.

Г. В. Чичерин закончил свою ответную речь следующими словами:

— Слушая господина председателя, я получил впечатление, что основной мыслью его экспозе является создание системы, направленной против России. Мы вам предлагаем мир, а вы растягиваете до бесконечности борьбу против нас. Россия находится в начале но-

вого периода, и мы хотим начать этот период, создавая вокруг нас прочные условия мира, между тем как вы хотите поставить условия, понуждающие нас к борьбе. Русская революция сделала из русского народа нацию, вся энергия коей сосредоточена в его правительстве с силой, небывалой в истории; если ему навяжут борьбу, он не сдастся. Но мы предлагаем вам не борьбу, а мир, основываясь на принципе свободы и суверенитета Турции.

Касаясь параллели, которую провел Керзон между проливами и Суэцким и Панамским каналами, Г. В. Чичерин сослался на факты: Суэцкий канал сразу потерял интернациональный характер своего режима при наступлении империалистической войны, а Панамский канал прекрасно укреплен Америкой, которая вовсе не считается с международными претензиями на свободу прохода через него.

Я сказал Реуф-бею:

— Вот из этих принципов, выдвинутых Лениным и изложенных Чичериным на конференции, мы и исходим в вопросе о проливах.

Я еще раз подчеркнул, что безопасность Стамбула, Мраморного моря и проливов заключается прежде всего, в запрещении прохода военных судов. Открытие проливов для военных судов будет содействовать росту их числа и увеличению других вооружений на Черном море, и Турция будет неизбежно втягиваться в конфликт всякий раз, когда где-либо вспыхнет война.

— Советское правительство считает, — продолжал я,— что проливы должны быть закрыты для военных судов как наших, так и других держав, кроме, конечно, Турции. Советское правительство имеет полное основание беспокоиться, ибо открытые для военных судов проливы открывают дорогу неприятельскому флоту к берегам русского Черноморского побережья.

Я указал, что, когда на Лозаннской конференции была образована комиссия экспертов для обсуждения вопроса о проливах, представители Советской России не были в нее включены. Это ведь похоже на закулисный торг! Советское правительство вправе полагать, что в этой комиссии не будут приниматься решения, направленные против России.

Реуф-бей сказал мне, что якобы впервые слышит о комиссии экспертов, и просил официально сообщить ему обо всем этом, после чего обещал запросить Исмет-пашу.

Я заметил: странно, что он этого не знает, когда об этом были сообщения в газетах.

Реуф-бей тут же записал сказанное мною, составил при мне телеграмму Исмет-паше и отдал ее для отправки. Вновь и вновь Реуф-бей повторял, что Исмет-паша находится в самом тесном контакте с Чичериным. Затем Реуф-бей сообщил мне содержание полученной им от Исмет-паши телеграммы. Исмет-паша сообщал, что в комиссии происходило обсуждение вопроса о проливах, но что он воспротивился дальнейшему обсуждению и совместно с Чичериным направляет ноту с требованием образования подкомиссии для обсуждения вопроса о проливах. На мой вопрос, можно ли об этом сообщить в Москву, Реуф-бей ответил, утвердительно.

Далее Реуф-бей рассказал мне, что между Соединенными Штатами, Англией и Францией состоялось соглашение по вопросу о мосульской нефти. По этому соглашению каждой из трех держав представляется по 25% участия, оставшиеся же 25% предназначаются четвертой державе, которую им удастся втянуть в это соглашение.

Новая встреча с Реуф-беем состоялась 19 декабря 1922 г. Я поехал к нему, чтобы продолжить начатую беседу о ходе переговоров на Лозаннской конференции. На этот раз наш разговор с турецким премьером продолжался 3 часа. Реуф-бей был в высшей степени любезен и разговор вел в очень дружелюбном тоне даже тогда, когда дело касалось щекотливых для него вопросов.

Реуф-бей пожаловался мне на плохую связь Анкары с Лозанной, на то, что телеграммы приходят с большим опозданием и — по странному совпадению — наиболее важные телеграммы доставляются искаженными так, что неоднократно приходится требовать их повторения. Далее он сказал, что Исмет-паша и Чичерин подали каждый в отдельности идентичную ноту с предложением назначить подкомиссию для рассмотрения вопроса о проливах. Как и в прежних разговорах, так и на этот раз Реуф-бей явно старался подчеркнуть, что Исмет-паша действует в тесном контакте с русской делегацией.

Я решил поставить вопрос прямо:

— Разрешите, господин премьер-министр, информировать вас относительно комиссии экспертов, о которых у нас с вами уже был разговор,— начал я.— Мною получено сообщение из Москвы, что 12 декабря наш представитель на совещании экспертов столкнулся с неприглядной картиной: эксперты союзнических держав вместе с турецкими занимались втихомолку приспособлением союзнического проекта к турецким пожеланиям. Наша делегация заявила письменный протест, но он был оставлен без внимания. По-прежнему шла закулисная торговля. Вы видите, я был прав, опасаясь, что вместо свободного и совместного обсуждения в комиссии или в подкомиссии за нашей спиной идет недопустимый секретный торг. Получилось очень нехорошо! Мы, признаться, этого не ожидали.

Реуф-бей был смущен, но быстро овладел собой. Своей пухлой рукой он коснулся моего плеча. Он напоминал в эту минуту кота, спрятавшего свои когти. По обыкновению, он стал заверять меня, что является сторонником турецко-советской дружбы и что Европа никогда не будет в состоянии поссорить нас. Что же касается поднятого мною вопроса о комиссии, то он запросит Исмет-пашу.

На все мои дальнейшие вопросы о том, какое же решение приняло турецкое правительство по вопросу о проливах, Реуф, улыбаясь, говорил, что он понимает мою настойчивость, что она вполне законна, но пытался отшучиваться: господин посол хочет узнать то, чего сам он, Реуф-бей, не знает.

Реуф-бей вновь старался доказывать, что проход через проливы легких судов тоннажем в 10 тыс. т «не является чрезмерным», что опыт защиты проливов во время первой мировой войны показал бесполезность капитальных береговых укреплений. Последнее обстоятельство и заставляет-де Турцию не связывать защиту проливов с капитальными укреплениями, которые легко могут быть разрушены воздушной атакой, и т. д.

Не говоря определенно, что Анкара не дала своего согласия на прохождение военных судов через проливы, Реуф-бей дал, однако, понять, что Анкара согласится на это. Он также сослался на то, что несогласие Анкары на свободный проход военных судов через проливы

восстановило бы против Турции общественное мнение всего мира.

1 января 1923 г. у меня опять была встреча с Реуф-беем. Я осведомился, сообщил ли ему Исмет-паша о следующем: советская делегация, чтобы пойти навстречу союзникам, ни в коем случае не поступаясь интересами и суверенными правами Турции, соглашается на некоторые уступки, а именно — на разрешение прохода через проливы легким военным судам, кроме подводных лодок, причем это может иметь место в отдельных и совершенно исключительных случаях для специально определенных целей и с разрешения турецкого правительства. Я добавил, что наша делегация идет на уступки, имея в виду согласие турецкой делегации с проектом союзников.

Предложения советской делегации

Далее я сказал Реуф-бею, что мы предложим создать для контроля над проливами международную комиссию под председательством Турции в составе представителей черноморских государств, а также представителей других заинтересованных стран в противовес керзоновскому проекту поручить весь контроль Лиге наций.

— Керзон,— отметил я,— отверг наш проект с новыми поправками, заявив, что он противоположен его предложению, которое «воодушевляет» союзников, в том числе и турецкую делегацию.

— Да,— сказал Реуф-бей,— мы знаем это. Но Исмет-паша критикует отдельные статьи проекта Керзона и продолжает требовать их улучшения. Вы видите, господин посол, наша делегация продолжает исправление проекта и тем самым помогает России.

Я задал Реуф-бею такой вопрос: судя по сообщению о положении дел на Лозаннской конференции, у Турции, по-видимому, устанавливаются хорошие отношения с Америкой; не сможет ли ввиду этого Турция получить поддержку Америки на конференции?

Реуф-бей уклончиво ответил, что Америка, пользуясь своим исключительным положением, только морочит всех — Италию, Францию, Англию, Турцию, и на нее нельзя положиться.

Я заметил, что в связи с переговорами, которые турецкое правительство ведет с американским крупным

капиталистом Честером[52], Америка, будучи заинтересована, могла бы оказать Турции такую поддержку.

Упоминание о переговорах с Честером передернуло моего собеседника, и он заволновался. Реуф-бей ответил, явно нервничая, что он-де никогда не связывает частных дел с государственными, и одно к другому никакого отношения не имеет. Я больше не возвращался к этому вопросу, так как было ясно, что Реуф-бей ничего больше не скажет, и перешел к русско-франко-турецким отношениям.

Я указал, что перед Лозаннской конференцией Англия хотела вступить в переговоры с Россией по турецкому вопросу с намерением поссорить Россию с Турцией. Советское правительство заявило, что оно ни в какие переговоры за спиной Турции не вступит. Теперь империалисты Франции стараются разъединить Россию и Турцию, но наше правительство снова отказалось вести какие бы то ни было переговоры в этом направлении. Несмотря на внешние признаки дружелюбия (просоветская кампания части французской прессы с «Тан» во главе, приезд Эррио и т. п.), нам совершенно ясно было, что в действительности Франция составляет с Англией единый фронт против Турции и своим заигрыванием стремится только разъединить ее с Советской Россией.

— Блистательная победа турецкой армии над греческой армией вынудила Францию изменить политику в отношении новой Турции,— продолжал я.— Однако полная независимость Турции нарушила бы экономические и политические интересы французских империалистов. В Турции были вложены французскими капиталистами и правительством крупные капиталы, и в силу этого Франция по ряду вопросов, несмотря на разногласия с Англией, шла вместе с последней. Лорд Керзон на этот раз постарался отплатить Франции за ее измену во время греко-турецкой войны, столкнув делегатов Франции с турецкими в комиссии по экономическим и финансовым вопросам, где представители Франции добиваются сохранения режима капитуляций и исключительных привилегий для французов, а также получения

---

[52] Честеру была предложена концессия на строительство железной дороги.

новых концессий. Представители Англии не поддерживают в этом Францию, зато всю силу своего влияния Керзон сосредоточил на вопросах о проливах и о мосульской нефти.

— Советское правительство, — подчеркивал я, — отчитывается перед народом и представительными учреждениями в своей внешней политике, и в частности в политике по отношению к Турции. Последняя должна дать нам нужное для этого обоснование соответствующим своим отношением к русским интересам. Политика Советской России оставалась и остается искренне дружественной по отношению к соседней Турции, и поэтому мой и моего правительства дружеский совет — продолжать укреплять искренние и дружественные отношения с Советской Россией.

Реуф-бей, записав мои слова, начал отвечать по пунктам. Сначала он сказал, что ничего не знал о желании английского правительства вступить перед конференцией в переговоры с Россией и что полпредство, по его сведениям, не информировало якобы об этом турецкое правительство. Но тут же он спросил, не имел ли я в виду письмо лорда Керзона к Литвинову, когда последний был в Берлине.

Я ответил, что именно это имел в виду и что М. М. Литвинов своевременно информировал об этом турецкое правительство. Тогда Реуф-бей поспешно переменил тему и стал отрицать, что Турция шла на конференцию, опираясь на Францию.

— Турция,— говорил Реуф,— проводит определенную политику и не будет ежеминутно менять ее. Турция воодушевлена искренним желанием поддерживать дружеские отношения с Россией. Среди турок в пределах Анатолии нечего пропагандировать дружбу с Россией, так как отношение к России этого населения хорошо известно, но дружеские чувства к России нужно прививать туркам, находящимся в пределах России и Кавказа, путем соответствующего обращения с ними.

На это я ответил Реуф-бею, что Россию ни в коем случае нельзя упрекнуть в отсутствии дружественного отношения к Турции, так как в самые тяжелые для Турции дни Россия делом доказала свое инстинно дружелюбное отношение.

15 января 1923 г. состоялось новое свидание на квар-

тире Реуф-бея, которое длилось с 8 часов вечера до половины двенадцатого ночи.

Я осведомился у Реуф-бея о том, известно ли ему, что советская делегация на Лозаннской конференции не допускается на заседания экспертов, и ознакомил его с нотами и заявлениями Чичерина.

— Что вы можете сказать по поводу того, что за спиной советской делегации союзники стараются вести переговоры о проливах с представителями Турции? — спросил я.

Реуф-бей ответил, что это не более, как «частные разговоры». Я возразил, что «частные разговоры», ведущиеся между союзниками и Турцией по вопросу о проливах без участия Советской России, могут привести к официальному результату, который для нас будет неприемлем, так как мы не участвовали в этих переговорах.

Реуф-бей поспешил ответить, что Исмет-паша его информировал о нотах Чичерина и вел по поводу них переговоры с Г. В. Чичериным. Я попросил ознакомить меня с этими переговорами. Реуф-бей заявил в ответ, что Россия была приглашена на конференцию по определенному вопросу — о проливах, и что советская делегация «сама не участвует в работах экспертов».

Я сказал, что это неверно и что мы, наоборот, настаиваем на участии в работе экспертов. Я привел следующий факт: 7 января 1923 г. наша делегация послала на имя председателей конференции ноту, в которой констатировала, что где-то происходит обсуждение неизвестного советской делегации проекта конвенции о проливах. В ответ было сделано неосторожное признание: некоторые делегации имели-де между собой «официозные» переговоры с целью ускорить работу конференции и уточнить пункты, наметившиеся к соглашению между большинством делегаций. Наша делегация в новой ноте немедленно подчеркнула это признание и заявила, что советской стороне собираются навязать проект, в выработке которого она не принимала участия. В ноте было подчеркнуто, что Россия, Украина и Грузия не находятся на положении побежденных, обязанных подчиняться чужой воле, и поэтому они требуют предоставления им возможности обсудить таинственный проект на заседании комиссии.

— Нами,— сказал я далее Реуф-бею,— было сделано и еще одно открытие: в списке делегаций, розданном секретариатом конференции, значился орган, именуемый «комиссия экспертов», участниками которого являлись Англия, Франция, Италия, Турция. Вы видите, господин премьер-министр, что даже официально сообщалось, что невинные «эксперты» на деле составляют подкомиссию, из которой советские представители были исключены. Секретариат конференции в новом издании списка изъял всякое упоминание об экспертах. Турецкая делегация тоже указала на якобы вкравшуюся ошибку.

Реуф-бей заверил меня, что он запросит Исмет-пашу, почему русская делегация не участвует в работе экспертов. Далее он повторил несколько раз мысль, что Россия якобы «слишком рано открыла свои карты о проливах, слишком рано заявила свои требования». Я несколько раз пытался выяснить, какие же гарантии дает Антанта Турции. Реуф-бей сослался на незнание и тут же попросил меня еще раз разъяснить, чего же мы хотим. Я повторил наши требования, изложенные в декларациях и нотах, а также в интервью В. И. Ленина английским газетам. Я добавил, что мы рассматриваем согласие Турции на пропуск военных судов через проливы как шаг, направленный против России, и как нарушение советско-турецкого договора.

Не находя сколько-нибудь убедительных аргументов, Реуф-бей воскликнул:

— Что же вы хотите, чтобы мы составили новый Национальный Обет, согласный с интересами России!

На это я возразил, что никакого нового Национального Обета составлять не нужно, а просто обеим странам надо придерживаться Московского договора.

Замыслы Англии на Галлипольском полуострове

Я перешел к вопросу о работах англичан на Галлипольском полуострове и главным образом о прорытии канала западнее Булаира. По полученным мною сведениям, сказал я, англичане подвезли туда землечерпалки и ведут работы днем и ночью. Я осведомился, известно ли это турецкому правительству и соответствует ли это действительности. Мне пришлось напомнить Реуф-бею о книжке фон Сандерса, в которой говорится о проекте таких работ.

Реуф-бей старался вначале отделаться шуткам это, мол, будет очень хорошо для Турции — тем сам разрешится вопрос о проливах, и Россия должна бы довольна. Потом он вдруг добавил, что турецкому пр вительству об этом ничего неизвестно, и осведомилс откуда у меня такие сведения. Я ответил, что эти свед ния дошли до Москвы.

Реуф-бей позвал своего адъютанта и продиктова ему при мне телеграмму Рефет-паше, представител анкарского правительства в Константинополе, с запро сом о работах англичан, приказал зашифровать и от править по указанному адресу. Было очевидно, что вс это не более, как демонстрация.

После 15 января мы еще несколько раз встречалис с премьер-министром Реуф-беем, но беседы наши были по сути дела, повторением предыдущих. Реуф-бей отго варивался либо неполучением сведений из Лозанны, либо вообще своей неосведомленностью, сопровождая эти увертки бесконечными льстивыми уверениями в преданности, уважении, дружбе и т. п.

Я получил сообщение из Москвы, что в таинственных недрах «комиссии экспертов» без нашего участия закончено составление проекта конвенции о проливах и этот проект предполагается огласить на пленарном заседании комиссии по проливам. Наша делегация узнала это случайно, увидев напечатанный проект конвенции у одной из делегаций. Я попросил свидания с Реуф-беем и заявил ему: мне очень досадно, что турецкая делегация не поделилась с нами этими сведениями, что она, к сожалению, как и союзники, скрыла от нас выработанный текст.

Реуф-бей стал уверять меня, что еще не все согласовано в проекте конвенции и еще идут споры между Исмет-пашой и союзниками.

— Значит,— ответил я ему,— вы подтверждаете, что конвенция составлялась без нас, составлялась втихомолку от советской делегации!

Почувствовав, что он попал в неловкое положение, Реуф-бей пытался оправдаться. Насколько я знаю, заявил он мне, никто, в том числе и турецкая делегация, не пытался скрывать этих документов. Тут какое-то недоразумение. Я запрошу Исмет-пашу. Он так занят, так занят, не догадался, видно, проверить.

— Возможно,— сказал я,— что если бы советская делегация была вовремя ознакомлена с согласованным текстом конвенции, то она могла бы пойти навстречу турецкой делегации и внесла бы новые предложения, чтобы не расходиться с дружественной нам Турцией. Тогда зазнавшийся лорд Керзон не имел бы повода заявить, что советская делегация не имеет-де оснований требовать особого к себе внимания, ибо даже турки не разделили ее взглядов. Я уверен, что лорд Керзон или его преемники со временем пожалеют о таком надменном заявлении. Социалистическая Россия будет неудержимо расти, крепнуть и достигнет небывалого расцвета и силы...

Реуф сжал губы и окинул меня взглядом, в котором было явное раздражение. Но тут же он изменил выражение своего подвижного лица и с улыбкой сказал, разводя руками:

— Очень жаль, что так неудачно все произошло. Я доложу об этом Гази. Вы, господин посол, можете быть уверены, что и турецкая нация также окрепнет и будет сильной.

Я ответил, что не сомневаюсь, что освобожденный от гнета турецкий народ будет крепнуть под руководством Великого Национального Собрания Турции и останется непримиримым ко всякой политике угнетения и насилия. Именно это поможет турецкому народу процветать, развивая свою экономику, торговлю, промышленность.

— Однако,— продолжал я,— вернемся к прерванному разговору о проливах. Выработанная конвенция создаст трудные условия для мира на Ближнем Востоке, на Черном море и, конечно, для установления всеобщего мира. Выработанный проект показывает, как выразился наш народный комиссар Г. В. Чичерин, бессилие настоящей конференции послужить делу мира. По существу нет соглашения с Россией, Украиной, Грузией. Это были не переговоры, даже не было попыток к ним. В этих условиях вопрос о проливах нельзя считать решенным, он остается открытым, поскольку конвенция по плану союзников принимается без одобрения нашей делегации и не учитывает жизненных интересов Советской России.

Весь ход моих бесед с Реуф-беем, его увертки и

Реуф-бей старался вначале отделаться шутками: это, мол, будет очень хорошо для Турции — тем самым разрешится вопрос о проливах, и Россия должна быть довольна. Потом он вдруг добавил, что турецкому правительству об этом ничего неизвестно, и осведомился, откуда у меня такие сведения. Я ответил, что эти сведения дошли до Москвы.

Реуф-бей позвал своего адъютанта и продиктовал ему при мне телеграмму Рефет-паше, представителю анкарского правительства в Константинополе, с запросом о работах англичан, приказал зашифровать и отправить по указанному адресу. Было очевидно, что все это не более, как демонстрация.

После 15 января мы еще несколько раз встречались с премьер-министром Реуф-беем, но беседы наши были, по сути дела, повторением предыдущих. Реуф-бей отговаривался либо неполучением сведений из Лозанны, либо вообще своей неосведомленностью, сопровождая эти увертки бесконечными льстивыми уверениями в преданности, уважении, дружбе и т. п.

Я получил сообщение из Москвы, что в таинственных недрах «комиссии экспертов» без нашего участия закончено составление проекта конвенции о проливах и этот проект предполагается огласить на пленарном заседании комиссии по проливам. Наша делегация узнала это случайно, увидев напечатанный проект конвенции у одной из делегаций. Я попросил свидания с Реуф-беем и заявил ему: мне очень досадно, что турецкая делегация не поделилась с нами этими сведениями, что она, к сожалению, как и союзники, скрыла от нас выработанный текст.

Реуф-бей стал уверять меня, что еще не все согласовано в проекте конвенции и еще идут споры между Исмет-пашой и союзниками.

— Значит,— ответил я ему,— вы подтверждаете, что конвенция составлялась без нас, составлялась втихомолку от советской делегации!

Почувствовав, что он попал в неловкое положение, Реуф-бей пытался оправдаться. Насколько я знаю, заявил он мне, никто, в том числе и турецкая делегация, не пытался скрывать этих документов. Тут какое-то недоразумение. Я запрошу Исмет-пашу. Он так занят, так занят, не догадался, видно, проверить.

— Возможно,— сказал я,— что если бы советская делегация была вовремя ознакомлена с согласованным текстом конвенции, то она могла бы пойти навстречу турецкой делегации и внесла бы новые предложения, чтобы не расходиться с дружественной нам Турцией. Тогда зазнавшийся лорд Керзон не имел бы повода заявить, что советская делегация не имеет-де оснований требовать особого к себе внимания, ибо даже турки не разделили ее взглядов. Я уверен, что лорд Керзон или его преемники со временем пожалеют о таком надменном заявлении. Социалистическая Россия будет неудержимо расти, крепнуть и достигнет небывалого расцвета и силы...

Реуф сжал губы и окинул меня взглядом, в котором было явное раздражение. Но тут же он изменил выражение своего подвижного лица и с улыбкой сказал, разводя руками:

— Очень жаль, что так неудачно все произошло. Я доложу об этом Гази. Вы, господин посол, можете быть уверены, что и турецкая нация также окрепнет и будет сильной.

Я ответил, что не сомневаюсь, что освобожденный от гнета турецкий народ будет крепнуть под руководством Великого Национального Собрания Турции и останется непримиримым ко всякой политике угнетения и насилия. Именно это поможет турецкому народу процветать, развивая свою экономику, торговлю, промышленность.

— Однако,— продолжал я,— вернемся к прерванному разговору о проливах. Выработанная конвенция создаст трудные условия для мира на Ближнем Востоке, на Черном море и, конечно, для установления всеобщего мира. Выработанный проект показывает, как выразился наш народный комиссар Г. В. Чичерин, бессилие настоящей конференции послужить делу мира. По существу нет соглашения с Россией, Украиной, Грузией. Это были не переговоры, даже не было попыток к ним. В этих условиях вопрос о проливах нельзя считать решенным, он остается открытым, поскольку конвенция по плану союзников принимается без одобрения нашей делегации и не учитывает жизненных интересов Советской России.

Весь ход моих бесед с Реуф-беем, его увертки и

недомолвки, попытки обмана советского представителя,— все это свидетельствовало о том, что идет торг между турецкой делегацией в Лозанне и Керзоном за счет Советской России в кардинальном вопросе — положении о проливах.

Уступчивость, проявленная турецким правительством в отношении империалистических замыслов Керзона, и боязнь показать близость с Советской Россией,— все это привело к изоляции Турции на Лозаннской конференции и значительно уменьшило ее успехи. А между тем турки пришли на конференцию победителями не только над греками и султаном, но и над всей Антантой. Правда, Исмет-паша добился многого — кемалистская Турция уничтожила Севрский договор, который просуществовал около двух с половиной лет. Но ошибочная политика уступок и угодничества перед Англией и Францией в конечном итоге привела к ослаблению позиций Турции на международной арене.

Результаты Лозаннской конференции для Турции

Керзон добивался отрыва Турции от Советской России с помощью самого турецкого правительства. Этот замысел при Мустафе Кемале-паше не имел успеха. После смерти Гази его завет, что только силой, упорством можно добиться политической независимости Турции, был окончательно забыт его преемниками. Лишенная самостоятельности, Турция оказалась на грани потери результатов своих побед в национально-освободительной борьбе. Это стало началом нового постепенного захвата политических и экономических позиций Турции империалистическими державами.

Опираясь на победу организованной Кемалем новой армии, Турция добилась в Лозанне сохранения единства турецкой нации в ее этнографических границах, отмены финансовой и экономической кабалы, в которой ее держали западные государства. Все это было следствием той большой материальной и моральной помощи, которую оказала Советская Россия в труднейшие для Турции дни борьбы.

Но в то же время Керзону удалось отторгнуть от Турции Мосул и другие территории, ранее ей принадлежавшие, отказать Турции в получении греческих репараций для восстановления разрушенных городов, сел и деревень, осуществить английские планы в вопросе

о проливах. Взамен Мосула и репараций с Греции Турции милостиво был предоставлен незначительный район Карагача. Кроме того, западные державы уговорили Турцию согласиться на уплату в течение 20 лет оттоманского султанского долга западным капиталистам с распределением его между теми странами, к которым отошли бывшие турецкие территории.

Советская делегация в Лозанне

Работа нашей делегации в Лозанне была полна трудностей. Ей пришлось вести дискуссию по вопросам проливов в одиночестве против многочисленных противников. Тем не менее политический и моральный перевес всегда был на нашей стороне. Речи Г. В. Чичерина и других советских делегатов имели громадный резонанс во всем мире. Мировой общественности становилось ясно, что для Советской России и ее союзников вопрос о суверенных правах Турции, о мире на Черном море не может стать и никогда не станет предметом торга. Народы колониальных и зависимых стран Востока убеждались, что Советская Республика последовательно ведет борьбу с империализмом и отстаивает права и интересы порабощенных народов. Капля за каплей просачивалась правда о Советской России в сознание миллионов угнетенных людей Востока.

Призыв к миру во всем мире громко звучал в речах советских делегатов. И он также был близок и понятен миллионам. Турецкая общественность не раз высказывала понимание и симпатии к позиции советской делегации на Лозаннской конференции. В наше полпредство приходили депутаты Великого Национального Собрания Турции, трудящиеся, журналисты, общественные деятели и выражали горячую благодарность Советской России за защиту и помощь, оказанную ею новой Турции.

Прошло много лет. Теперь стало еще виднее, что если бы турецкая делегация была одна против колониалистских хищников, она была бы приперта к стене и ей не удалось бы пожать плоды своих замечательных побед. Ей пришлось бы или сдаться на милость держав Антанты, или вновь воевать. Делегация Советской России со своими союзниками Украиной и Грузией одним своим присутствием в Лозанне умеряла аппетиты империалистов. Недаром Керзон так боялся выступлений

Г. В. Чичерина, об этом мне говорил Исмет-паша. Керзон и его империалистические соратники отлично помнили исход своих грабительских походов на Советскую Россию, помнили, как их громил и изгонял советский народ. Они знали также, что турецкий народ во главе с Гази Мустафой Кемалем нанес жестокое поражение интервентам благодаря материальной и моральной помощи советского народа. Все это, несомненно, обуздывало империалистических хищников, заставляло их маневрировать там, где в иных условиях они действовали бы мерами прямого насилия и угроз.

7 февраля 1923 г. в работе Лозаннской конференции был объявлен перерыв. Наша делегация покинула Лозанну. Прекратились и мои беседы с Реуф-беем по вопросам конференции. Заканчивая воспоминания о выполнении тех заданий, которые я имел от Советского правительства в этот первый период Лозаннской конференции, скажу несколько слов о ее конце, хотя она закончилась тогда, когда я уже был отозван из Турции и получил новое назначение.

Подписание Советской Россией Лозаннской конвенции

Перерыв длился несколько месяцев. О возобновлении работ Лозаннской конференции наше правительство не было извещено. На запрос В. В. Воровского (полпреда СССР в Италии) о возобновлении работ Лозаннской конференции поступило сообщение, что приглашающие державы не предполагают возобновлять обсуждения вопроса о проливах, так как турецкая делегация не потребовала никаких изменений в конвенции; ввиду заявления Г. В. Чичерина об отказе подписать конвенцию, секретариат конференции хотел бы получить уведомление, не изменилось ли это решение.

В. В. Воровский ответил, что работы комиссии по проливам не были закончены на заседании 1 февраля и что Г. В. Чичерин никогда не утверждал, что он вообще отказывается подписать конвенцию, а лишь констатировал ее противоречия с интересами России. Поэтому попытка устранить Россию и ее союзников от последней фазы работ комиссии по проливам была бы резким нарушением первоначального приглашения на конференцию.

Ответа не последовало. В. В. Воровский должен был 10 мая покинуть Лозанну, но в тот же день по заданию

империалистов он был убит в гостинице во время обеда. Конференция никак не отозвалась на подлое убийство члена советской делегации, недавно заседавшего за одним столом со всеми участниками конференции.

24 июля 1923 г. в Лозанне был подписан мирный договор с Турцией и одновременно конвенция о проливах.

Секретариат конференции запросил нас телеграммой, готовы ли мы подписать конвенцию.

Было ясно, что, поскольку конвенция принята другими державами и Турция откроет свои проливы для иностранных военных судов в Черное море и поскольку создается международная комиссия, от которой будет зависеть проведение в жизнь хотя бы тех минимальных предосторожностей, ограничений и гарантий, которые имеются в конвенции, то наш отказ от участия в последней мог бы отнять у нас возможность контролировать действия других держав и выступать перед лицом мира в защиту собственных и турецких интересов.

19 июля 1923 г. нами была послана ответная телеграмма с согласием подписать конвенцию; но ввиду неслыханного поведения швейцарского правительства в связи с убийством В. В. Воровского мы потребовали, чтобы конвенция была подписана нашим делегатом, полпредом в Риме И. О. Иорданским.

14 августа в Риме И. О. Иорданский подписал конвенцию.

Так закончилась эпопея Лозаннской конференции.

Когда я покидал Турцию — это было в апреле 1923 года,— Лозаннская конференция еще не кончилась. До приезда нового советского полпреда в Турцию Я. З. Сурица поверенным в делах оставался М. И. Розенберг, которому Г. В. Чичерин прислал письмо с указаниями о его работе в Турции.

Мой отъезд из Турции

Чем был вызван мой отъезд из Турции? Главный мотив — это недружелюбное и некорректное отношение к советскому государству, к нашему посольству и лично ко мне премьер-министра Реуф-бея. Ему не по душе была активная деятельность советского посла, направленная с самого начала на укрепление дружбы между нашими странами, мои частые дружеские встречи с Гази Мустафой Кемалем-пашой, поездки по фронту, беседы с депутатами меджлиса, организация моей женой встреч с турец-

кими женщинами, короче говоря, постоянные, почти ежедневные контакты с анкарской общественностью.

Каплей, переполнившей мое терпение, было клеветническое заявление Реуф-бея Мустафе Кемалю-паше, что якобы я «организовал турецких коммунистов» для «борьбы с Мустафой Кемалем-пашой, для подрыва его престижа». Это была наглая ложь, одно из звеньев провокаторских махинаций Реуф-бея, которые вызывались его ненавистью и к СССР, и в одинаковой мере к новой кемалистской Турции. В частной беседе с Мустафой Кемалем-пашой я откровенно высказал ему свое мнение о Реуф-бее как враге Турецкой республики.

В обстановке провокаций и травли, созданной Реуф-беем, я счел невозможным продолжать свою работу в Турции и просил мое правительство отозвать меня.

Теперь, по прошествии многих лет, вспоминая о своем пребывании в Турции, я все время возвращаюсь мыслями к встречам с выдающимся государственным деятелем этой страны — Мустафой Кемалем-пашой. В свою очередь и он отдавал должное этим встречам.

В июне 1931 года Мустафа Кемаль, будучи на приеме в нашем полпредстве, передавал мне свой искренний привет и добавил, что он всегда с большим удовольствием вспоминает о нашем плодотворном сотрудничестве, направленном на укрепление советско-турецкой дружбы.

— За истекшие семь-восемь лет Турции пришлось провести большую работу, но первые годы неизгладимы,— сказал Мустафа Кемаль-паша.

Мустафа Кемаль-паша правильно понимал значение для судеб Турции искреннего, дружественного отношения советского народа, его правительства и полномочного представительства к турецкому народу и его правительству.

Работа коллектива советского полпредства

Полномочное представительство СССР строго и точно проводило указания В. И. Ленина о всемерной материальной и моральной помощи турецкому народу и его правительству и лично Мустафе Кемалю-паше в национально-освободительной борьбе против империалистических оккупантов.

Описывая прошлое, было бы непростительно с моей стороны не вспомнить самоотверженную работу моих

товарищей по полпредству. Весь коллектив полпредства дружно проводил в жизнь ленинскую политику. Дипломатический состав — А. Н. Голубь, И. Абилов, о которых я писал выше, Г. А. Астахов, К. К. Звонарев, А. К. Маликов, Ф. И. Валиев, К. И. Пржебельский, технический персонал —секретари, машинистки, шифровальщики, охрана, — все они добросовестно старались помогать мне в работе.

Все вместе и каждый в отдельности прекрасно понимали свой гражданский долг, и все старались внести свой вклад в общее дело укрепления дружбы с турецким народом. Наши работники прекрасно сознавали, что они сыны и дочери великой Советской страны и все силы должны отдать общему делу процветания социалистической родины.

Вот один пример. В то время, когда мы жили на даче, был совершен уже упоминавшийся мною поджог здания советского полпредства, где оставались только один дежурный и охрана. Товарищи не растерялись и спасли из огня все ценное — архивы, несгораемый шкаф с документами и многое другое. Это сделали сотрудники охраны Г. Тимофеев, Д. Соболев, Ф. Самелюк, А. Амтолев, И. Монасветов и др. В это время в нашем полпредстве работали, конечно, не графы и князья и не их дети, как бывало прежде, а выдвинутые Октябрьской революцией люди из народа, из рабочих, крестьян, преданных революции старых большевиков.

Выделялись среди них прекрасным знанием турецкого языка и страны товарищи А. К. Маликов; его супруга Р. Х. Маликова, которая нашла путь к сердцу турецких женщин, отвечавших ей уважением и доверием; М. Абсалямов — квалифицированный, хорошо владевший турецким языком, скромный и вдумчивый работник; переводчик Ф. И. Валиев; заведующий бюро печати Г. А. Астахов, который сумел наладить деловые отношения и дружественные связи с турецкой общественностью, журналистами, депутатами, активными участниками кемалистского национально-освободительного движения. Будучи способным и высококультурным журналистом, он располагал к себе своих собеседников. О нем как-то Мустафа Кемаль-паша заметил: «У вас во главе бюро печати стоит толковый, правдивый человек».

Многие прогрессивные деятели республиканской

Турции не раз говорили мне: «Знаете, ваш Астахов — настоящий турок, он дерется за нас с оппозицией и феодалами. Это ценнейший работник полпредства».

Много уюта и веселья вносили в наш небольшой дружный коллектив машинистка З. В. Флерова, шифровальщица Р. Л. Гинзбург, прекрасно знавшие свое дело, работавшие весело, с душой и умевшие так же весело отдыхать и заражать всех нас своим звонким молодым смехом.

Беседа с депутатом ВНСТ Сырры-беем

Однажды во время Лозаннской конференции меня посетил член Великого Национального Собрания Сырры-бей, сторонник оппозиции. Он начал с того, что охарактеризовал отношение турецкого правительства к РСФСР как «хамское». Он добавил, что если положение на Лозаннской конференции ухудшится, то можно ожидать, что Мустафа Кемаль-паша заедет к нам в полпредство, но он, Сырры-бей, не уверен, насколько Мустафа Кемаль-паша будет любезен. Я возразил Сырры-бею, что он предвзято смотрит на Гази Мустафу Кемаля, расценивая его со своей, узко личной точки зрения. Я вновь напомнил ему о громадной роли Мустафы Кемаля в возрождении Турции, в организации ее победы, борьбе с империализмом и реакцией, в создании нового быта, установлении тесной связи с Советской Россией. Я отметил популярность Мустафы Кемаля-паши на всем Востоке и объяснил это тем, что он не идет на поводу у реакционной султанской оппозиционной группы.

— Мустафа Кемаль,— говорил я,— создал новое государство на развалинах гнилой султанской империи. Он опирался на поднявшийся против феодалов народ. Вы это все забываете. Тон всей кампании против Советской России задает Реуф-бей со своей группой. Они же стараются создать ложное впечатление, будто Гази Мустафа Кемаль «охладевает» к турецко-советской дружбе. Реуф — султанист, имеющий старые связи с английскими империалистами,— подчеркнул я,— и поэтому в прогрессивных кругах Турции он не пользуется никаким авторитетом.

Сырры-бей поспешил тут же согласиться с характеристикой, которую я дал Реуф-бею. Визит Сырры-бея ко мне был одним из свидетельств того, что оппозиция как огня боялась укрепления дружбы Турции с Совет-

ской Россией. Вместе с тем этот визит отражал страх реакции пред тем, что с заключением мира Мустафа Кемаль разгромит оппозицию, а в случае ее сопротивления и снесет, кому нужно, голову. Прелюдией к этому служили тогда статьи Юнуса Нади в «Ени Гюнь». Сам Мустафа Кемаль-паша говорил о неизбежности оживления реакции после революции и выражал полную уверенность, что реакция будет раздавлена.

Мустафа Кемаль-паша и строительство новой Турции

Реформы в быту и культуре

Однажды Мустафа Кемаль рассказал мне и товарищу Абилову историю своей женитьбы. Когда он с передовыми частями ворвался в Измир, в городе еще шли бои, город горел, из-за углов отступавшие греки обстреливали группы турок. Латифе-ханум, дочь богатого турецкого купца, встретила Мустафу Кемаля-пашу и предложила ему поселиться в их доме. Отец ее был в это время в Стамбуле. Латифе-ханум окружила Кемаля заботой, создала удобную для его работы обстановку. Зная несколько европейских языков (Латифе-ханум кончила Парижский университет), она переводила Мустафе Кемалю необходимые документы; прекрасный музыкант, она в часы отдыха Кемаля исполняла произведения Бетховена, Моцарта, Шуберта, Чайковского, читала вслух любимые его стихи.

Латифе-ханум стала женой Мустафы Кемаля.

По совету Мустафы Кемаля она вела большую работу среди женщин Анкары по освобождению их от феодальных пережитков. Всюду, в том числе и в меджлисе, она появлялась с открытым лицом. Это возбуждало ненависть против нее фанатиков старых исламских обычаев, но она не сдавалась и шла своим путем.

Свою свадьбу Мустафа Кемаль сыграл не по старым обычаям и обрядам. Свадебная церемония происходила в присутствии и мужчин, и женщин. Латифе-ханум была без чадры. Обряд совершался без денежных выкупов и подарков. Газеты широко распространили описание этой свадьбы.

На другой день Мустафа Кемаль-паша посетил вместе с женой Измирский театр, где собралось до 3000 муж-

чин и женщин, беседовал там со многими присутствующими на животрепещущие темы. До того присутствие женщин одновременно с мужчинами в театре запрещалось, а лица, допускавшие это, строго карались законом.

Все это вызвало возмущение в религиозных кругах, и оппозиция даже сделала запрос в меджлисе о свадьбе Гази. Рассказывали, что перед отъездом Мустафы Кемаля на фронт к нему обратился с просьбой какой-то мулла. Кемаль обещал исполнить его желание, но с условием, что тот исполнит в свою очередь и его желание.

— Когда я женюсь и приеду в Анкару с женой,— сказал Мустафа Кемаль,— ты придешь ко мне со своей женой, мы снимем со своих жен чадры и пойдем с ними гулять по городу.

Ходже только и оставалось, что завопить: «Аман, аман!».

В том невежестве, темноте и забитости, которые царили в Турции, подобные жесты Кемаля делали свое дело. В Анатолии они заражали своим примером молодежь, придавали бодрости интеллигенции и возбуждали ненависть ходжей.

Турецкая женщина в пече (чадре). *Зарисовка академика Лансере.*

Мустафа Кемаль-паша часто говорил нам о том, что необходимо поднять культуру турецкого народа. Он отмечал, что много еще проходимцев из рядов ходжей, шейхов, эмиров и т. д. Проповедуют всяческое суеверие, фанатизм, ненависть к прогрессу; необходимо покончить с существованием текк (духовных орденов), монастырей, различных религиозных сект, дервишей. Впоследствии Мустафа Кемаль провел это в жизнь.

Мне вспоминаются слова Мустафы Кемаля-паши,

сказанные в моем присутствии еще задолго до наступления на оккупантов, о том, что он поведет борьбу за освобождение женщины, широко развернет народное образование и поднимет развитие национальной экономики, промышленности, сельского хозяйства и культуры.

В мою бытность в Турции он решительными мерами добился освобождения женщин от пече (чадры). Были запрещены чрезмерные расходы при свадьбе, отменен обычай выставлять напоказ и перевозить открыто приданое невесты, делать большие подарки невесте; банкеты и музыка разрешались в течение одного дня. При всяких других семейных обрядах (обрезание и др.) также запрещались пышные празднества. Ахмед-бей Агаев рассказывал мне, что незадолго до отъезда Кемаля на фронт он и Хамдулла Субхи составили ему справку о борьбе Петра Великого со старым бытом.

Кемалю эти сведения очень понравились, и он решил воспользоваться этим примером в своей реформаторской деятельности.

Планы экономических преобразований

С целью обсуждения мер по подъему хозяйства страны был назначен созыв в Измире экономической конференции. Делегатами конференции должны были быть исключительно представители зажиточных классов. Делегаты отправлялись на конференцию за свой счет, и это, конечно, мешало возможности участия в ней представителей рабочих и крестьян. На конференцию могли прибыть главным образом представители городов, западных и прибрежных вилайетов. Восточные вилайеты за дальностью расстояния не могли быть представленными полностью.

Мустафа Кемаль-паша и Махмуд Эсад, министр экономики, в своих предварительных речах заявляли, что постановления конференции явятся национальным Экономическим Обетом и правительство сочтет своей священной обязанностью провести их в жизнь. Эти заявления привели в трепет реакционную оппозицию. Она со своей стороны начала деятельно готовиться к конференции и отправила доверенное лицо в Измир для переговоров с командующим армией Нурредин-пашой[53]. Лидеры

[53] Нурредин-паша в 1922 году командовал первой турецкой армией, взявшей Смирну (Измир). По убеждениям — реакционер. Имел связи с оппозицией.

оппозиции выдвинули версию, что конференция эта не будет экономической, что она якобы созывается Мустафой Кемалем-пашой с целью саморекламы и для создания новой партии. Оппозиция боялась планов экономических реформ, выгодных городской буржуазии, поддерживающей Мустафу Кемаля. В своей борьбе против экономической конференции реакционеры опирались на близкую им социальную среду — феодалов, кулачество, старое чиновничество, ходжей.

Борьба между политическими группировками уже приобретала тогда острый характер. Вокруг Мустафы Кемаля плели сеть интриг многочисленные его политические и личные враги. Не создав крепкой опоры среди народа, он опирался главным образом на анатолийскую буржуазию. Из крупных военных деятелей постоянными друзьями его оставались Исмет-паша, Февзи-паша, Кязым-паша и еще несколько преданных людей. Друзей и сторонников он имел главным образом среди рядовых политических деятелей и среди военных.

Нужно отметить все же, что эта внутренняя борьба не достигла еще той стадии, когда ее могли бы использовать противники Турции — Англия и Франция — для ее нового закабаления. Турция больше всего жаждала тогда мира. Крестьянство устало от войны, земля не обрабатывалась, торговец хотел воспользоваться плодами военной победы, даже офицерство тянулось больше к торговле, чем к военному делу. У накопившей капиталы буржуазии все нарастало поддерживаемое правительством стремление к созданию своей турецкой промышленности. Росли кооперативы, импортно-экспортные товарищества. В то же время западный капитал стучался во все двери, и предложения сыпались дождем. Много было разговоров вокруг проекта американца Честера о постройке железнодорожной сети и его предложения о ввозе в Турцию сельскохозяйственных орудий.

Мустафа Кемаль о привлечении иностранного капитала

Мустафа Кемаль-паша в своих речах доказывал необходимость допуска иностранного капитала в Анатолию, ссылаясь на бедность и разорение страны и невозможность поднять ее собственными силами. Он допускал вхождение иностранного капитала в экономику Турции на условии: максимум выгоды — для страны и нормальный минимум — для концессионеров.

Турция считала предложение Честера для себя выгодным. Проект постройки железнодорожных линий охватывал восточные и южные вилайеты. Часть этих железнодорожных линий нужна была по стратегическим соображениям: строиться должны были линии, подходившие к Персии, а следовательно, к персидской нефти, а также к Мосулу. Честер и его компаньоны не жалели средств на подкупы и на раздачу подарков, подготовляя благополучное прохождение проекта через все стадии. Однако из проекта Честера ничего не вышло, так как он не располагал достаточными капиталами.

Большой оптимизм проявлялся в то время турецким правительством по отношению к экономическим связям с Францией. Экономическая заинтересованность Франции в Турции была весьма велика. Оттоманской империей со времени Крымской кампании было получено 14 внешних займов, из них 10 — во Франции. Оттоманский долг распределялся следующим образом *(в турецких лирах):*

Долг Франции	2 млрд. 500 млн.
» Англии	577 млн.
» Германии	867 млн.

Долг был гарантирован монополией на соль, почтовые марки, налогом на рыбный промысел, на шелк и др.

Франция вложила в частные турецкие предприятия около 53% всех внешних капиталовложений, Англия — 13, Германия — 32%. Табачные промыслы Оттоманской империи находились в руках французов.

Турция рассчитывала, что империалистические державы, в том числе Франция, пойдут ей навстречу по части экономической помощи в обмен на ее уступчивость на Лозаннской конференции. Но вскоре пришло разочарование. Закулисные переговоры с Францией продолжались, но турецкие газеты уже были переполнены нападками на нее. Отдельные депутаты меджлиса усиленно ругали Францию за измену, за то, что она не поддержала Турцию в Лозанне. Реуф-бей отвечал на нападки, заявляя: «Подождем результатов конференции, не будем делать скороспелых заключений».

17 февраля 1923 г. в Измире состоялся экономический конгресс. Мустафа Кемаль сам его торжественно открыл.

Экономический конгресс в Измире

Мы с товарищем Абиловым были приглашены на конгресс, и Кемаль просил нас выступить там. Во вступительной речи Мустафа Кемаль говорил об экономическом наследии, которое оставила султанская монархия, об отсутствии промышленности, тяжелом положении земледельцев. Заканчивая, он сказал, что ждет от конгресса помощи в выявлении ресурсов нации и в выработке программы восстановления хозяйства. «Плуг!— воскликнул Мустафа Кемаль,— вот то перо, которым пишется история новой Турции. Долой мотыгу и палку — плуг должен быть хозяином на наших полях!».

Мое выступление и выступление И. Абилова было встречено овациями в честь Советской страны. Мы рассказали о том, что делается в нашей стране для восстановления народного хозяйства, для развития культуры после тяжелых и кровавых войн; сказали мы и о том, что думаем о новой Турции, которая успешно закончила войну изгнанием интервентов и победой над феодальным режимом и империализмом. Товарищ Абилов в своей речи на турецком языке осветил подробно экономическое положение Азербайджана.

На экономическом конгрессе были приняты решения по ряду вопросов: о расширении сети кредитных учреждений для организации мелкого кредита земледельцам, ремесленникам, промышленникам, купцам и пр.; об увеличении капитала земледельческого банка; об организации государственного банка; о ввозе земледельческих машин; о расширении добычи и производства сырья; о строительстве железных дорог. Были подняты вопросы о постройке крупных предприятий, особенно текстильных и пищевых, а также вопрос о поддержке национального капитала против иностранного.

Экономический конгресс в Измире принял Экономический Обет, который, по замыслу Мустафы Кемаля, являлся дополнением к принятому еще в 1920 году Национальному Обету. Подобно тому, как Национальный Обет поднимал народ на борьбу за национальную независимость, Экономический Обет призывал нацию к борьбе за экономическую независимость.

Решения конгресса отразили интересы анатолийской буржуазии. По отношению к крестьянам и рабочим дело ограничилось только обещаниями и фразами, вроде того,

что крестьянин — «хозяин страны». Конкретных решений, направленных на подъем материального положения народных масс, вынесено не было.

Во время конгресса, 23 февраля 1923 г., мы понесли тяжелую утрату — умер представитель ЗСФСР товарищ Абилов. С большим почетом и выражением участия Мустафа Кемаль простился с товарищем Абиловым. Тело его мы отправили в Азербайджан, в Баку.

Большая заслуга Гази Мустафы Кемаля-паши и его соратников заключалась в том, что они сумели возглавить освободительную борьбу против империалистической Антанты и клерикально-монархического режима. Национальная буржуазия была тем классом, который поддержал национально-освободительное движение, возглавлявшееся Мустафой Кемалем-пашой. Буржуазия захватила в свои руки руководство крестьянством и мелкобуржуазными слоями Анатолии. Рабочий класс в Анатолии был малочисленным, но он поддерживал борьбу против империализма. Мустафа Кемаль организовал из остатков старой султанской армии и партизанских отрядов, возникших в большей части стихийно, крепкую новую освободительную армию.

Сильные и слабые стороны Мустафы Кемаля-паши как вождя новой Турции

Широкие массы трудящихся — крестьянство, ремесленники — возлагали на Мустафу Кемаля большие надежды. Они ждали, что он даст землю, облегчит жизнь трудящихся. Но надежды эти не оправдались. Выиграла от национальной революции и военных побед освободительной армии только буржуазия.

Тесная связь с крестьянством, своевременное разрешение аграрного вопроса, облегчение положения рабочих дали бы возможность Мустафе Кемалю-паше радикально покончить с феодально-клерикальной реакцией, которая на всем протяжении освободительной борьбы организовывала заговоры, мятежи, помогала империалистам в их планах удушения новой республиканской Турции. Но Мустафа Кемаль не был последователен в борьбе с феодалами, имевшими корни в восточных вилайетах, в Курдистане, Стамбуле и раскинувшими по всей стране сеть своей агентуры. Кемаль щадил их, считался с ними, не решаясь сильным ударом сломить их. Важную опору феодальная реакция имела в мусульманской религии.

Религиозная агитация мулл, ходжей, сопротивление новому строю богатых купцов, связанных с иностранным капиталом, саботаж старых сановников, интриги иттихадистов,— все это не прекращалось, несмотря на острую временами борьбу Мустафы Кемаля против сил старого режима. Реакционеры пользовались отсутствием систематической работы партии Мустафы Кемаля среди середняцкого и беднейшего крестьянства и осуществляли свое влияние в деревне через кулацкую верхушку, помещиков, ходжей.

Была в Мустафе Кемале двойственность: он решительно боролся с империализмом, с султанатом, халифатом, энергично защищал национальные интересы Турции; и в то же время он мирился с полным бесправием и нищетой крестьянства, фактической властью помещиков и служителей культа над деревней. Феодальные путы, такие как, например, средневековая издольщина, продолжали висеть на среднем и бедняцком крестьянстве. Ростовщик и ага продолжали экономически главенствовать в деревне. До середины 1923 года тяжелейший налог на крестьян — ашар все еще не был отменен, хотя и Мустафа Кемаль и ВНСТ много раз обещали его отменить. На экономическом конгрессе в феврале 1923 года Мустафа Кемаль еще раз обещал, что ашар будет значительно облегчен. Но только в 1925 году, когда силы реакции, воспользовавшись недовольством крестьян, подняли в Курдистане восстание, грозившее перекинуться и на западные вилайеты, ашар был в спешном порядке отменен.

Мустафа Кемаль провел освобождение женщин от чадры, запретил многоженство, бытовые средневековые обычаи и вместе с тем он терпел жестокую эксплуатацию буржуазией рабочего класса, поддерживал запрещение рабочих организаций.

Кемаль стоял за равноправие национальностей, но не давал самостоятельности курдам, армянам и другим национальным меньшинствам.

Много было у Мустафы Кемаля и других вопиющих противоречий. Он стремился поднять и развернуть национальную экономику страны, но не проявлял настойчивости в борьбе против проникновения хищнического иностранного капитала, чего можно было достигнуть при помощи планомерной концессионной политики.

В отношении Кемаля-паши к Советской России подчас ощущалась та же двойственность — он до конца дней своих стоял за дружбу и сотрудничество со Страной Советов и в то же время поддавался порой нашептываниям реакционеров, старавшихся привить ему страх перед большевизмом, перед «коммунистической угрозой».

Некоторые итоги

Заканчивая свои воспоминания, я хотел бы кратко подвести итог наших взаимоотношений с новой Турцией в те годы, о которых идет речь в этих записках. Дружественные отношения, которые Советская Россия установила с Турцией,— одно из звеньев ленинской национальной политики, направленной на борьбу против колониального рабства, за освобождение народов от гнета империалистической эксплуатации.

Турецкий партизан.
Зарисовка академика Лансере.

Уже советско-турецкий договор в 1921 году освободил турецкую армию, расположенную на востоке страны, и дал возможность Мустафе Кемалю перебросить ее на запад, против интервентов. Это сыграло огромную роль в победе Турции, в завоевании ею независимости. Передача нами Турции по договору Карского района с городом Карсом и других пунктов морально подняла дух турецкого народа, вселила в него спокойствие за восточные границы и уверенность в том, что Советская Россия — добрый сосед революционной Турции и ее искренний друг.

Материальная помощь, оказанная Советской Россией

по директивам Ленина в тяжелые для Турции дни оружием, боеприпасами, золотом и пр., сыграла существенную роль в ее победе над врагами.

Помощь и поддержка Советской России дали возможность молодой Турции добиться освобождения своей территории от оккупационных войск, ликвидации режима капитуляций, способствовали достижению международного признания независимости Турции, отмене кабального Севрского договора, некоторому облегчению в уплате оттоманского долга.

Одним из опасных для новой Турции этапов было восстание в восточных вилайетах в 1925 году, организованное Англией. Опять, как и в 1920—1921 годах, турецкое правительство обратилось за помощью к Советскому Союзу. СССР вновь поддержал Турцию. Был подписан новый советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете, укрепивший внутренние и внешние позиции Турецкой республики. Все это — факты, и никакая империалистическая лживая пропаганда не вытравит из памяти турецкого народа дружескую бескорыстную помощь, оказанную народами СССР в решающие для существования Турецкой республики годы.

Империалисты Антанты, помимо внутренних сил турецкой реакции, взяли на вооружение также и внешние ревизионистские, правосоциалистические партии и группы. Меньшевистские, дашнакские, муссаватистские, троцкистские и прочие контрреволюционные группы и организации были использованы международной буржуазией для подрыва дружбы Советской России с восточными народами. Этого не понимали тогда некоторые близорукие люди.

Наша задача как представителей Советской России в Турции заключалась в противодействии международным и внутренним реакционным силам, стремившимся подорвать во что бы то ни стало отношения дружбы и доверия между новой Турцией и Страной Советов. Эту работу мы по мере наших сил выполняли, находя в этом поддержку со стороны Кемаля Ататюрка, прогрессивных деятелей и простых людей Турции.

Свои записки я кончаю описанием последнего посещения Гази Мустафой Кемалем и его супругой советского полпредства. Мустафа Кемаль приехал к нам на дачу.

Последняя встреча в полпредстве

В беседке в саду за чашкой чая были персидский посол, наш военный атташе, моя жена и жена помощника военного атташе. Мустафа Кемаль на этот раз был в штатском костюме. Шел 1923 год. Это было после окончательной победы над греками. Мустафа Кемаль рассказывал нам о последних боях с греческими интервентами, о том, как взяли в плен греческого главнокомандующего. Потом стал вспоминать о первых тяжелых годах национально-освободительной борьбы.

— Кругом все горело и восставало, — говорил Мустафа Кемаль.— Нам так же было трудно, как и вам при создании Советской России.

В саду бегали два медвежонка, подаренных полпредству. Они лазали по деревьям, срывали сливы, иногда забегали в беседку. Наши гости смеялись над проделками медведей. Орел с подбитым крылом важно расхаживал по саду.

— Орел, — сказал Мустафа Кемаль, — это эмблема русского царя. Он гордо властвовал над народом и считал себя недосягаемым. Смотрите, орел ходит среди нас с подбитым крылом. Русского царя народ прогнал, подбил его силу. Мы, турки, своего «священного султана», по русскому примеру, лишили власти и выгнали. Народ идет к своей победе. Нам, двум народам, которых султаны и цари втягивали в бесконечные войны, выгодные империализму, надо постоянно жить в дружбе. Присоединим к нашей дружеской семье и другие восточные народы: Иран, арабские страны... Это моя мечта. Не знаю, удастся ли, доживу ли? Поднимем бокалы за дружбу! Ханум, — обратился после некоторого молчания Кемаль к Латифе, — сыграй нам на прощание любимый романс Чайковского.

Мы перешли на дачу. В большом зале с открытыми окнами, в которые лились последние багряные лучи заходящего солнца, под сильными и ловкими руками маленькой женщины рождались чарующие звуки.

Стало понятно, почему Мустафе Кемалю нравится этот романс. Гази обладал тонкой, лирической натурой. Любовь к родине, народу заставила его выработать в себе суровый, стойкий характер, необходимый для беспощадной борьбы с врагами Турции.

Прощальный визит Мустафы Кемаля и Латифе-ханум

показал, что Кемаль-паша, как и прежде, был дружески настроен к Советской стране.

Вскоре я был отозван в Москву. Во время прощального моего визита президенту Гази Мустафе Кемалю-паше он подарил мне свой портрет с автографом. Мы крепко расцеловались и пожелали друг другу счастья. Он просил передать горячий привет В. И. Ленину.

Однажды в резиденции Мустафы Кемаля в Чан-Кая мы, беседуя за чашкой чая, разговорились о прошлом каждого из нас. Я спросил Кемаля, сколько ему лет?

— Я родился, — сказал Мустафа Кемаль, — в 1880 году в Салониках.

Я выразил удивление.

— Что вас удивило? — спросил Кемаль-паша.

— Мы с вами, Гази, одного года рождения. Я родился в Москве, тоже в 1880 году.

— Так мы погодки, — улыбаясь, заметил Кемаль-паша и назвал год, месяц и число своего появления на свет.

— Вы еще молоды, — сказал я, — а уже победоносный генерал, совершили героический подвиг: восстановили свою нацию из развалин, освободили ее от империалистов-интервентов. Нация воздаст вам должное за это.

— Да, верно, — заметил Мустафа Кемаль. — Но кто мое дело продолжит? Я вам не раз говорил, — болят почки. С болезнью почек долго не проживешь. Это я хорошо знаю. Нация выдвинет руководителей, я в этом не сомневаюсь. Но устоят ли они против многочисленных врагов? Это меня тревожит. Мне по временам бывает очень трудно.

Разговор перешел на внутренние проблемы Турецкой республики. Мустафа Кемаль своеобразно определял строй новой Турции.

— В Турции нет классов, — говорил он. — Нет рабочего класса, ибо нет развитой промышленности, а нашу буржуазию нужно еще произвести в буржуазный класс. Торговля убогая, нет капиталов. Иностранцы нас забивают. Моя задача, — подчеркнул он, — поднять отечественную торговлю, построить фабрики, исследовать недра. Помочь анатолийскому купцу, помочь ему разбогатеть. Это предстоящая государственная задача. Мы проведем это в законе.

— А крестьяне?

— Им поможем. Уничтожим ашар.

— Пока вы собираетесь помочь крестьянину, его еще больше закабалят феодалы, ростовщики во главе с ходжами, которых вы полностью не уничтожили, а они алчные — не будут ждать. Им палец в рот не клади. Мы считаем, что ваша, Гази, опора — в крестьянстве. Поднимите их, дайте им землю. Снимите с них налоги. Освободите от ростовщиков. Рабочий класс у вас мал, это так. Но хоть мало рабочих, они крепки, устойчивы, сознательны, они и вас поддержат и помогут крестьянам стать на ноги. У нас рабочие с крестьянами навсегда освободили Россию от феодалов-помещиков.

— В России, — ответил Кемаль, — другое дело. Вас не сравнишь с Турцией. В России рабочий класс был организован еще до революции, он обладал высокой сознательностью. Нет у вас в массах такого влияния религии, как в Турции, нет фанатизма. С этим приходится считаться.

В этом разговоре Кемаль поделился своим намерением созвать экономический конгресс и выработать новый Экономический Обет, о чем я уже говорил выше. У Мустафы Кемаля-паши были большие надежды на полный успех экономического возрождения Турции.

— Конечно, — сказал он, — много подводных камней, много врагов у нации и у меня лично. Но я уверен, что мы сумеем это преодолеть. Удалось же нам создать крепкую армию!

— Да, это верно,— ответил я,— но на войну шла вся нация, за исключением матерых феодалов. Шли рабочие, крестьяне, торговцы, интеллигенция. Шли все за вами. Задача была единая, общенациональная — выгнать интервентов. А теперь произошло расслоение, появились различные интересы у каждой группы. Попросту говоря, появились классы, существование которых вы отрицаете. Идет борьба между ними за свои классовые интересы.

Разговор был продолжительным. Постепенно угасая в памяти, он остался только в отрывках. Шла речь о наших с Турцией взаимоотношениях. Мустафа Кемаль, как всегда, отчетливо и ясно сказал, что дружба Турции с Советской Россией — самая устойчивая, самая крепкая; это — основа политики Турции в международных отношениях.

— Нельзя нам отходить друг от друга, — добавил он. — Это мое твердое убеждение и мой завет последующим поколениям.

Прошло много лет. Дипломатическую работу я закончил в 1928 году, но судьбой Турции продолжал интересоваться и следил за ее внутренней и внешней политикой.

Мустафа Кемаль-паша твердо, до конца своей жизни стоял на страже национальных интересов Турции и, следовательно, дружеских отношений с СССР.

В 1936 году Кемаль Ататюрк после заключения в Монтре [54] новой конвенции о проливах заявил в меджлисе:

— Я должен с исключительным удовлетворением напомнить, что дружба наша с СССР, нашим великим морским и сухопутным соседом, доказавшая уже на протяжении 15 лет свои достоинства, продолжает нормально развиваться с той же силой и с той же искренностью, как и в первые дни своего возникновения.

Вслед за Ататюрком и Исмет Иненю, председатель совета министров Турции, сказал в 1937 году, что дружба с Советской Россией будет существовать как прочный элемент в политике обеих стран [55].

Но не так вышло, как говорил Исмет Иненю.

В конце жизни Ататюрка Исмет Иненю стал отходить от принципов, за которые они вместе боролись. Исмет Иненю, окруженный крупной компрадорской буржуазией, поддался ее влиянию и в внутренней и в внешней политике. Между ним и Ататюрком наступило отчуждение.

Главное расхождение между Ататюрком и Иненю возникло по вопросу о так называемом принципе этатизма, то есть покровительства национальному капиталу против иностранного, империалистического, связанного с турецкой компрадорской буржуазией. Закулисная борьба с принципом этатизма, внесенного в свое время в турецкую конституцию, шла все время. Пока Мустафа Кемаль был жив, в этой борьбе участвовал тайно и Исмет Иненю. Кемаль догадывался об этом и настоял на уходе Исмет Иненю с поста председателя совета министров.

---

[54] 20 июля 1936 г. в Монтре (Швейцария) была подписана Конвенция о режиме проливов, заменившая собой Лозаннскую.

[55] См. А. Ф. Миллер, Очерки новейшей истории Турции, Изд-во АН СССР, 1948, стр. 183.

Летом 1938 года наступил кризис в болезни Мустафы Кемаля. Он не мог больше заниматься делами. Кемаль Ататюрк умер 10 ноября 1938 г. на яхте в Босфоре.

Президентом был избран Исмет Иненю. Исмет открыто вступил в блок с реакцией. Старые враги Ататюрка — Кязым Кара Бекир, Хусейн Реуф, Фуад Джебесей и др. — пришли к власти и заняли ответственные посты. С их помощью были укреплены позиции иностранного капитала. Началась борьба против дружбы Турции с СССР.

Турция постепенно вновь лишалась самостоятельности и национальной независимости. Турецкие правители склонялись то на сторону США, Франции, Англии, то на сторону Германии. Получаемые у Англии и Германии займы тратились на вооружение, на подготовку войны.

4 марта 1941 г. германский посол фон Папен вручил Исмету Иненю личное послание Гитлера. 18 июня Турция подписала договор о дружбе с фашистской Германией.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз было турецким правительством и реакционными кругами встречено преждевременным и необоснованным ликованием.

Проимпериалистическое турецкое правительство сосредоточило свою армию на кавказской границе, готовясь к нападению на СССР.

Таков был позорный и вероломный ответ турецкого правительства на искреннюю помощь СССР в самые трудные, в самые опасные для Турции времена. Это было вместе с тем низким надругательством над памятью Мустафы Кемаля Ататюрка.

Сокрушительный разгром гитлеровской армии под Москвой и Сталинградом отрезвил горячие головы турецких реакционеров и заставил их отказаться от похода на Советский Союз.

Как дипломатический курьез прозвучало объявление Турцией войны Германии в 1945 году, то есть после разгрома ее Советской Армией и капитуляции гитлеровского рейха. Этот смехотворный, лицемерный шаг Турция совершила по совету Англии (Черчилля) с тем, чтобы участвовать на Сан-Францисской конференции и подать свой угодливый голос США.

Вступив после войны в фарватер агрессивной политики империалистических держав, правители Турции нару-

шили Национальный Обет и завещание Мустафы Кемаля Ататюрка. Независимость Турции, завоеванная турецким народом во главе с Мустафой Кемалем Ататюрком ценою огромных жертв, была потеряна и растоптана.

Если при Гази Мустафе Кемале-паше республиканская Турция вместе с феодальными оковами сбросила с себя империалистическую кабалу, то последующие правители Турции, забыв об уроках прошлого, превратили страну в вотчину США и других империалистических держав.

Финансовый капитал США, предоставляя кабальные займы Турции, подчинил ее себе экономически и политически. Прежние руководители Турции во главе с Аднаном Мендересом, изменив национальным интересам народа, шаг за шагом сдавали завоеванную под руководством Мустафы Кемаля-паши экономическую и политическую независимость, возвратив страну к временам, мало чем отличающимся от владычества султана, когда в стране фактически господствовали иностранные монополии.

Американские монополисты, заключив ряд не выгодных для Турции и неравноправных договоров, добились особых привилегий для себя в Турции, поставили себя вне турецкой юрисдикции.

Это — не что иное, как возврат к прежнему режиму капитуляций, к зависимому от империалистических держав положению, в котором она находилась до исторической победы над иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией.

В результате кабальных займов, получаемых от США и других империалистических государств, долг Турции достиг огромной суммы — более миллиарда долларов. Это сделало Турцию несостоятельным должником и направило ее экономику по пути к неизбежному краху.

Попав целиком в экономическую и политическую зависимость от монополий и агрессивных милитаристских кругов США, прежние горе-правители Турции превратили страну в плацдарм для американского ракетного оружия, а своих солдат — в пушечное мясо для готовящейся агрессии империалистов против Советского Союза и других стран социалистического лагеря.

Ныне свергнутое турецкое правительство Мендереса, находившееся под влиянием империалистических кругов

США, продолжало вести себя недружелюбно по отношению к народам СССР, забыв о дружбе и помощи со стороны Советской России в те годы, когда решалась судьба Турции, когда стоял вопрос о самом ее существовании как самостоятельного государства.

Турецкая территория открыто использовалась в качестве военного плацдарма США против СССР. С турецкой территории милитаристы США запустили шпионский самолет У-2, сбитый возле Свердловска 1 мая 1960 г. Этот самолет снаряжался для вражеского шпионского полета в воздушное пространство СССР на турецком аэродроме близ города Адана. Бывшее турецкое правительство Мендереса, вопреки интересам Турции вступившее в антисоветские блоки, стало соучастником планов империалистов США, направленных на развязывание войны против миролюбивых стран.

Надо ли говорить о том, что подобная политика — это опасный путь, грозящий Турции гибелью? Выход для Турции из тупика один — это возврат к политике Мустафы Кемаля Ататюрка, к восстановлению политической и экономической независимости страны, к проведению миролюбивой внешней политики, отвечающей национальным интересам турецкого народа.

Пришедшее к власти в Турции в результате военного переворота в мае 1960 года новое правительство Джемаля Гюрселя заявило, что в своей деятельности оно будет руководствоваться принципами Кемаля Ататюрка.

Хочется верить, что это заслуживающее внимания заявление найдет подтверждение в практической деятельности и откроет благоприятные перспективы для развития добрососедских, подлинно дружественных отношений между обеими странами. Честный, трудолюбивый и мужественный турецкий народ, широкая прогрессивная общественность Турции вернутся к заветам Гази Мустафы Кемаля-паши Ататюрка и в благородной борьбе за его принципы возродят национальное величие турецкого народа.

СОДЕРЖАНИЕ

Семен Иванович Аралов

ВОСПОМИНАНИЯ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМАТА

Под общей редакцией Д. Б. Юдицкого
Редактор *Б. Л. Цыбулевский*
Оформление художника *С. А. Бычкова*
Художественный редактор *Л. С. Морозова*
Технический редактор *Н. И. Романова*
Корректоры *Э. К. Гаврута, И. П. Красовитова*

А 10717. Сдано в набор 29 августа 1960 г. Подписано в печать 17 ноября 1960 г. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$. Физ. печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,48. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 50 000 экз. Зак. 804. Цена 4 руб. 90 коп.
С 1. I. 1961 г. цена 49 коп.

Полиграфический комбинат Ярославского совнархоза,
Ярославль, ул. Свободы, 97.